

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки”)

Выходит 6 раз в год

**СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Свидетельство о регистрации
Эл № ФС77-89123
выдано 07 февраля 2025 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор В.И. Голдин

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головин,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрязкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
А.Г. Лошаков, В.А. Марьянчик, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия), М.Ю. Опенков,
А.В. Петров, Р.Г. Пихоя, А.М. Поликарпов,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал, Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин, П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипилина

СЕРИЯ

“Гуманитарные и социальные науки”

**Т. 25,
№ 2 / 2025**

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бадмаева Е.Н., Очиров Б.В. Лесоразведение в инородческих степях Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX века...	5
Ефимов А.А. Создание постоянной пожарной команды Петергофа.....	16
Матвеев И.Ю. Избрание почетных членов Российского минералогического общества с 1917 по 1937 год.....	25
Мухамедов Р.А., Чигрин М.В. Кадровая политика и материальное обеспечение органов советской милиции в Среднем Поволжье в 1917–1922 годах.....	33
Лукьянов В.Ю. Российско-американские отношения в аспекте политического конфликта в Сирии.....	43

ЛИНГВИСТИКА

Волкова Р.А. Темпоральный аспект прецедентности.....	54
Касимова О.П., Леонова А.С. Корреляционная обусловленность семантики ядерных лексем концептов «праздник» и «будни» (на материале рекламного медиадискурса).....	64
Мерзлая А.В. Нейронный машинный перевод и передача восприятия холода (на примере финско-русского перевода метеотекстов).....	73
Чугаев Н.В. Система словоизменительных типов имени существительного в морфологическом и словообразовательном аспектах (на материале памятника середины XVIII века).....	83
Чалова О.Н. Негативная оценка в устном научном диалоге (на материале русского и английского языков).....	94

СОДЕРЖАНИЕ

Индексируется в: Размещается в:

Редактор
Е.А. Почехина

Ведущий редактор
А.В. Крюкова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого,
д. 56, каб. 26
Тел.: +7 (8182) 21-61-00 (18-20)
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 07.05.2025.
Бумага писчая. Формат 84×108 1/16.
Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 11,70.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8880.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2025

ФИЛОСОФИЯ

Пашенко О.В. Особенности социального бытия науки в цифровом обществе.....	107
Попкова С.В. Практика культурной адаптации иностранных студентов на основе творческой деятельности.....	115

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Бакина А.Д., Койкова Т.И. Современные исследования в фокусе сопоставительной фразеологии.....	124
Федуленкова Т.Н. Инновации в изучении лингвокреативности кинодискурса.....	129
Наши рецензенты.....	133
К сведению авторов.....	135

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

**OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY**

Registration certificate
El no. FS77-89123
issued on February 7, 2025
by the Federal Service for Supervision
of Communications,
Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief V.I. Goldin

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
A.G. Loshakov, V.A. Maryanchik,
A.A. Medova, J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, A.M. Polikarpov,
Yu.V. Popkov, A.M. Prilutsky,
A.V. Repnevsky, K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 25,
No. 2 / 2025

CONTENTS

HISTORY

Badmaeva E.N., Ochirov B.V. Afforestation in the Ciscaucasian Steppes of the Stavropol Province in the Late 19th and Early 20th Centuries.....	5
Efimov A.A. The Establishment of a Permanent Fire Brigade in Peterhof.....	16
Matveev I.Yu. Election of Honorary Members of the Russian Mineralogical Society from 1917 to 1937.....	25
Mukhamedov R.A., Chigrin M.V. Personnel Policy and Material Support of Soviet Police Bodies in the Middle Volga Region in 1917–1922.....	33
Luk'yanov V.Yu. Russia–United States Relations in Terms of the Political Conflict in Syria.....	43

LINGUISTICS

Volkova R.A. The Temporal Aspect of Precedence.....	54
Kasymova O.P., Leonova A.S. Correlation Between the Meanings of the Core Lexemes of the Russian Concepts of Holiday and Everyday Life (Based on Advertising Media Discourse).....	64
Merzlaya A.V. Neural Machine Translation and Conveying Cold Perception (Based on Finnish-Russian Translations of Meteorological Texts).....	73
Chugaev N.V. System of Inflection Types of Russian Nouns in the Morphological and Derivational Aspects (Based on a Written Record of the Mid-18th Century).....	83
Chalova O.N. Negative Evaluation in Oral Scientific Dialogue (Based on Russian and English).....	94

CONTENTS

Indexed in:

Included in:

Editor

E.A. Lochekhina

Managing Editor

A.V. Kryukova

Translator

S.V. Biryukova

Make-up by

O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of candidate and doctor of science have to be published

Publisher's address:

nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002

Phone: +7 (8182) 21-61-99

E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:

ul. Uritskogo 56, office 26, Arkhangelsk, 163060

Phone: +7 (8182) 21-61-00 (18-20)

E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 07.05.2025.

Writing paper. Format 84×108 1/16.

Conv. printer's sh. 14.28.

Acad. publ. sh. 11.70.

Circulation 1000 copies. Order no. 8880.

Printer's address:

NArFU Publishing House named after
V.N. Bulatov

ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2025

PHILOSOPHY

Pashchenko O.V. The Existence of Science in a Digital Society..... 107

Popkova S.V. The Practice of Cultural Adaptation of Foreign Students Based on Creative Activity..... 115

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Bakina A.D., Koykova T.I. Recent Studies in the Focus of Comparative Phraseology..... 124

Fedulenkova T.N. Innovations in the Study of Linguistic Creativity of Film Discourse..... 129

Our Peer-Reviewers..... 133

Information for Authors..... 135

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 5–15.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 5–15.

Научная статья
УДК 94(47).07/08(470.630)
DOI: 10.37482/2687-1505-V414

Лесоразведение в инородческих степях Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX века

Екатерина Николаевна Бадмаева^{1✉}

Баатр Викторovich Очиров²

^{1, 2}Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия

¹e-mail: badmaeva@yandex.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4472-5535>

²e-mail: ochirov.baatr@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3471-8008>

Аннотация. Степные пространства Предкавказья долгий период времени были населены преимущественно кочевыми народами (калмыками, ногайцами, туркменами). Их образ жизни обуславливал их взаимодействие с естественной средой. Степные пространства они использовали прежде всего для ведения кочевого скотоводства и перекочевки с места на место. Усилившаяся крестьянская земледельческая экспансия на Юг России привнесла в природный ландшафт изменения. Большой интерес к степным пространствам проявляли ученые, чиновники и др. Все это нашло отражение в вопросах о возможности лесоразведения в суровых степных условиях Ставропольской губернии. Лесоразведение в степях губернии входило в комплекс мероприятий по земледельческому освоению степных территорий Предкавказья и, безусловно, повлияло на социально-экономическое развитие кочевых народов, ведь лесная посадка явилась неотъемлемой частью перехода кочевников на оседлый образ жизни. Изучение истории лесоразведения в последнее время особенно актуально на фоне усилившихся процессов опустынивания. Проблема опустынивания в южных регионах России (республиках Калмыкия и Дагестан, Ставропольском крае, Ростовской области) на первый план выдвигает комплекс коллективных мер по противодействию этой природной угрозе. Как известно, опустынивание стало следствием антропогенного воздействия на природу. Тем более актуальны анализ опыта прошлого и рассмотрение мер по лесонасаждению в степном Предкавказье. Активное лесоразведение в конце XIX – начале XX века оказалось важным фактором развития земледельческого хозяйства в регионе. Усилившаяся антропогенная нагрузка постепенно приводила к деградации почв и возникновению песков. Лесоразведение в инородческих степях Ставропольской губернии наряду с хозяйственным освоением этих мест позволило замедлить процесс опустынивания, способствовало удержанию влаги в почве, снижению эрозии и улучшению микроклимата.

Ключевые слова: кочевые народы, лесоводство, лесоразведение, степное Предкавказье, инородческие степи Ставропольской губернии, борьба с опустыниванием

Для цитирования: Бадмаева, Е. Н. Лесоразведение в инородческих степях Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX века / Е. Н. Бадмаева, Б. В. Очиров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 5-15. – DOI 10.37482/2687-1505-V414.

Original article

Afforestation in the Ciscaucasian Steppes of the Stavropol Province in the Late 19th and Early 20th Centuries

Ekaterina N. Badmaeva¹✉

Baatr V. Ochirov²

^{1,2}Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia

¹e-mail: badmaeva@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4472-5535>

²e-mail: ochirov.baatr@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3471-8008>

Abstract. The steppe areas of Ciscaucasia had for a long time been primarily inhabited by nomadic peoples (Kalmyks, Nogais and Turkmens). Their way of life determined their interaction with the natural environment. They primarily used the steppe for nomadic cattle breeding and migration from place to place. The increased peasant agricultural expansion to the South of Russia brought changes to the natural landscape. In addition, scientists, government officials and others showed great interest in the steppe territories. As a result, the question of the possibility of afforestation in the harsh steppe conditions of the Stavropol Province was raised. Afforestation in the steppes of the Stavropol Province was part of the set of measures for the agricultural development of the Ciscaucasian steppes and, without a doubt, influenced the socio-economic development of nomadic peoples, as forest planting became an integral part of the transition of nomads to a sedentary lifestyle. Studying the history of afforestation has recently become especially relevant due to the intensified desertification processes. The problem of desertification in Southern Russia (Republic of Kalmykia, Republic of Dagestan, Stavropol Territory and Rostov Region) brings to the forefront a set of collective measures aimed to counteract this natural threat. As is commonly known, desertification in this region is a consequence of the human impact on the environment, which makes it the more relevant to analyse the experience of the past and review afforestation efforts in the steppes of Ciscaucasia. Active afforestation in the late 19th and early 20th centuries was an important factor in the development of agriculture in the region. The increased human impact on the environment gradually led to soil degradation and sandification. Afforestation in the Ciscaucasian steppes of the Stavropol Province, along with the economic development of these areas, slowed down the desertification process and contributed to the retention of moisture in the soil, as well as reduced erosion and improved the microclimate.

Keywords: *nomadic peoples, forestry, afforestation, Ciscaucasian steppes of the Stavropol Province, combating desertification*

For citation: Badmaeva E.N., Ochirov B.V. Afforestation in the Ciscaucasian Steppes of the Stavropol Province in the Late 19th and Early 20th Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V414

В настоящее время в степных пространствах Предкавказья возникает множество экологических проблем, таких как деградация почв, снижение биоразнообразия, загрязнение вод и вырубка лесов. Лесоразведение выступает одним из ключевых факторов, способствующих стабилизации экосистем и улучшению качества окружающей среды. Однако, несмотря на значительное количество исследований, посвященных лесоразведению в Ставропольской губернии, особенно на ее степных пространствах, заявленная тема не получила должного освещения в научной литературе. Исторический опыт показывает, что успешное лесоразведение может существенно улучшить экологическую ситуацию в регионе. В прошлом здесь применялись методы, которые способствовали сохранению, восстановлению, росту лесов и могут быть использованы в современных условиях. Таким образом, необходимы более глубокое изучение исторического опыта лесоразведения и его применение для улучшения экологической ситуации на Юге России.

Цель настоящей статьи – представить анализ исторического опыта лесоразведения в Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX века. Исследование направлено на выявление и оценку наиболее эффективных методов и подходов, использовавшихся в указанный период для сохранения, восстановления и увеличения лесных массивов.

В имперский период существовало немало научных работ, раскрывавших вопросы лесоразведения на Юге России, – в основном они были посвящены разведению лесов на степных просторах России, включая инородческие степи Ставропольской губернии, и выходили в свет отдельными изданиями [1–3]. В других трудах проблемы лесоводства рассматривались в рамках комплексного изучения хозяйственной жизни оседлых и кочующих народов [4–7].

В советской историографии немаловажную роль в исследовании лесоразведения сыграл М.А. Цветков, описавший в своей монографии изменение лесистости в европейской части России с конца XVII века по 1914 год [8].

Сегодня проблема опустынивания вновь актуализирует необходимость изучения методов лесоразведения. В работах Н.Е. Шевченко на основе анализа лесного хозяйства Российской империи рассматривается широкий спектр вопросов, связанных с управлением, использованием и сохранением лесных ресурсов [9], раскрывается роль Лесоохранительного комитета в сохранении лесов Ставропольской губернии, приводятся данные о площадях и мерах охраны лесных массивов губернии [10]. В его кандидатской диссертации представлен очерк истории изучения лесов Центрального Предкавказья [11]. Подробная информация о государственном регулировании лесного хозяйства в XIX–XX веках содержится в статье А.И. Алексеева и А.В. Третьякова [12]. Н.П. Беловусова проводит исторический обзор основных пунктов Положения о сбережении лесов 1888 года [13]. А.Т. Джумагулова, опираясь на неопубликованные архивные материалы, исследует проблемы борьбы с опустыниванием и лесоразведения в Ачикулакской степи [14], а также пескоукрепительные работы, которые производились в полупустынных зонах, на землях кочевых народов Юга России в XIX – начале XX века [15].

Несмотря на перечисленные научные работы, тема лесоразведения в Ставропольской губернии, особенно на территории кочевых народов, в конце XIX – начале XX века остается недостаточно изученной. Проблеме борьбы с опустыниванием, планомерному развитию пескоукрепительной деятельности на территориях Калмыцкой автономной области и Астраханской губернии посвящена статья Е.Н. Бадмаевой [16].

В ходе исследования привлекались материалы фондов Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) и Национального архива Республики Калмыкии (НАРК). Для полного раскрытия характеризуемой проблемы использовались материалы из Полного собрания законов Российской империи. Методологическую основу составили принципы историзма, системности и закономерности развития общества.

В период с середины XIX до начала XX века в Российской империи осуществлялся контроль за использованием лесных ресурсов. Эти функции были возложены на Министерство государственных имуществ, в состав которого входил Лесной департамент. В 1868 году лесные массивы Ставропольской губернии и Терской области, находившиеся под управлением военного ведомства, были переданы в распоряжение местной администрации. Спустя два года в губернии была утверждена должность лесничего ревизора и организована лесная стража [9, с. 1561].

В конце XIX – начале XX века в Российской империи действовало Положение о сбережении лесов, подписанное Александром III 4 апреля 1888 года. Министерство государственных имуществ осуществляло общий надзор за исполнением этого Положения. В губерниях надзор за исполнением возлагался на лесоохранительные комитеты. В соответствии с Положением, в Ставропольской губернии был создан губернский Лесоохранительный комитет, подчинявшийся Лесному департаменту Министерства государственных имуществ.

В 1893 году Министерство государственных имуществ было преобразовано в Министерство земледелия, в 1894-м – в Министерство земледелия и государственных имуществ, и Лесной департамент вошел в его состав.

Для реализации Положения о сбережении лесов было издано более 10 нормативных актов, включая наставления, правила и инструкции, которые были предназначены для использования лесничими на местах [12, с. 31]. Помимо основного лесоохранительного закона на территории Ставропольской губернии действовали циркулярные предписания Лесного департамента Главного управления землеустройства и земледелия [9, с. 1563]. Таким образом, инициатива по контролю лесных массивов, предпринятая имперской администрацией, была распространена на Ставропольскую губернию. В результате все работы по лесоразведению в инородческих степях оказались под контролем губернской администрации.

Выдающийся ученый И.В. Бентковский, занимавшийся изучением истории и этнографии кочевых народов, в 1868 году считал возможным лесоразведение у кочевников. Он отмечал, что для полного успеха этого начинания «необходимо прежде всего приступить и озаботиться о сбережении воды, во время дождей и таяния снегов, бесполезно изливающихся в Маныч» [4, с. 110]. Рассматривая данный вопрос в контексте Большедербетовского улуса Ставропольской губернии, можно считать это мнение актуальным для всего степного Предкавказья. Именно лесоразведение и развитие водных ресурсов в степях Предкавказья могли оказать помощь крестьянам в освоении степи и приобщить кочевников к оседлому образу жизни.

Лесные посадки являлись частью ведения примитивного земледелия, а лесозащитные насаждения и строительство прудов были залогом успешного наступления на засуху. Миссионер Н. Львовский, приводя хозяйства калмыцких нойонов Михаила Гахаева и зайсанга Лапина в качестве образца землепашества, писал, что «лес посажен 5 лет тому назад [в 1889 году] и состоит из вяза, клена, тополя, дуба, орешника и других лиственных деревьев» [6, с. 47]. Он также положительно оценивал рост леса в будущем и отмечал, что во всем Большедербетовском улусе лишь вышеперечисленные рассадники можно было назвать лесом [6, с. 47–48].

В ноябре 1885 года из Ставропольского статистического комитета Министерства внутренних дел на имя главного пристава кочующих народов пришел запрос на предоставление информации о существовании лесных плантаций, о размерах площадей и качестве леса. Сведения, полученные из приставств, обрисовывают картину состояния лесоразведения в середине 1880-х годов.

Ачикулак-Джембойлуковское приставство сообщало, что была «разведена небольшая роща, занимавшая пространство в 740 кв. сажень. В настоящее время в ней сохранилось только 30 полузасохших деревьев»¹. Эта роща находилась в Ачикулаке, рядом со зданием

¹ ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1023. Л. 3.

ставки. Также подчеркивалось, что близ квартиры помощника располагались 38 деревьев в хорошем состоянии, а на ее южной стороне росло 5 больших деревьев и 5 акаций. Отмечая довольно хороший рост деревьев рядом со своей квартирой, пристав уточнил, что засадил перед ней площадь в 674 кв. саженей. Было посажено 1600 деревьев и кустарников².

В Туркменском приставстве при Летней ставке был разведен сад площадью 1287 кв. саженей³. В Караногайском приставстве «кроме караногайца Найманова куба Мустапы О. разведением лесных плантаций никто не занимался и не занимается»⁴. Названный караногаетц, как отмечалось, более 15 лет трудился над разведением рощи при своей усадьбе, однако почвенно-климатические условия в данном приставстве не позволяли широко заниматься лесоразведением. Посаженные им деревья большей частью гибли, не вынося песчано-солончаковой почвы, сильной жары и практически постоянных восточных ветров⁵. Также в приставстве деревья были посажены в селении Огузьер в количестве нескольких десятков.

Таким образом, в деле лесоразведения ситуация в приставствах была неоднозначной. Ачикулак-Джембойлуковское и Туркменское приставства находились в лучшем природном расположении, чем Караногайское. Почвенно-климатические условия первых двух позволяли местному населению более активно переходить к оседлости и, следовательно, заниматься посадкой леса. Караногайцы в большинстве своем продолжали сохранять кочевой образ жизни, который диктовала им природа.

Власти и местные сообщества (в первую очередь оседлые) были заинтересованы в активном лесоразведении в степях, видя в нем большие выгоды для ведения хозяйства. Это можно наблюдать по активной переписке между приставом туркменского народа и главным приставом кочевых народов.

В 1899 году пристав туркменского народа в рапорте главному приставу кочевых народов писал, что «площадь земли около Летней ставки, предположенная для посадки деревьев-саженцев, и место, бывшее под прудом, перепаханы и вполне готовы для посадки деревьев»⁶. Покупку саженцев местные власти рассчитывали производить за счет общественного капитала. В частности, пристав туркменского народа обращался с просьбой к главному приставу об «ассигновании 200 руб. на приобретение древесных саженцев для посадки в обеих ставках»⁷. Главный пристав не дал разрешения на покупку саженцев по причине позднего времени, однако просил включить данную статью расходов на следующий год⁸.

В 1901–1902 годах в Туркменском приставстве планировалось подготовить под лесные насаждения 11 дес. земли, 8 из них предполагалось вспахать для осенней посадки, а 3 – для весенней. Общая сумма расходов составила 300 р.⁹ В 1902 году из туркменского общественного капитала были выделены 350 р. на покупку семян и черенков¹⁰. Таким образом, в Туркменском приставстве активную позицию в разведении леса занимал сам пристав и при поддержке местного оседлого кочевого населения он смог направить необходимые

²ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1023. Л. 3–3 об.

³Там же. Л. 4.

⁴Там же. Л. 6.

⁵Там же.

⁶Там же. Д. 1101. Л. 118.

⁷Там же. Л. 120.

⁸Там же. Л. 121.

⁹Там же. Л. 129–129 об.

¹⁰Там же. Л. 139–139 об.

средства на это. Главный пристав не мог препятствовать таким действиям, понимая, что лесоразведение усилит тенденцию к оседлости и упрочит стационарные хозяйства в степях.

Организационные мероприятия по разведению леса включали в себя покупку и доставку саженцев, сеянцев на территории инородческих степей Ставропольской губернии. Из документов видно, что лес для губернии покупался в соседних регионах. К примеру, приобретенные в 1901 году 110 тыс. сеянцев для Летней ставки Туркменского пристава планировалось перевезти со ставки Элисты Астраханской губернии. Расход на перевозку составлял 50 р.¹¹

В августе 1905 года попечитель Большедербетовского улуса Ставропольской губернии в сопровождении губернского архитектора и 6 доверенных калмыцких обществ был в г. Царицыне на лесных складах местных фирм с целью покупки лесных материалов. Попечитель сообщал о трудностях, связанных с объемами и сроками поставки леса. Условия договора с фирмой требовали от поставщика доставки лесного материала весной следующего года, т. е. в марте 1906 года¹².

В рапорте главному приставу попечитель сообщал о вариантах доставки – с помощью организаций, доставляющих лес, или своими усилиями, о временном хранении леса на ближайшей к улусу станции «Торговая», о поиске и найме рабочих и др.¹³ Как видно, разведение леса требовало от местной администрации не только желания, но и умения выстроить логистику доставки леса в степи.

В таких активных процессах в деле лесоразведения на местах, как со стороны администрации, так и со стороны населения улуса,

главный пристав увидел потенциал для оседлости калмыков.

В объявлении для калмыков улуса от лица главного пристава кочевых народов было указано: «...для того, чтобы облегчить калмыкам, в особенности же малосостоятельным из них, возможность сделаться хорошими хозяевами, я, согласно приговорам родовых обществ, дал разрешение приобрести на общественные суммы лесной материал для сараев, амбаров и других надворных построек, с тем, чтобы лес роздан был бесплатно калмыцкому населению восьми родовых обществ и крещеным калмыкам Князе-Михайловского поселка (по 20 досок и 2 подтоварника на каждый двор)»¹⁴.

Решение главного пристава, направленное на содействие переходу калмыков к оседлому образу жизни через предоставление лесных ресурсов, продемонстрировало более высокую эффективность по сравнению с денежными субсидиями, которые, по нашему мнению, являлись нецелесообразными в контексте адаптации кочевых сообществ к новым условиям.

Таким образом, на примере Большедербетовского улуса показано, какое значение в начале XX века имело лесоразведение в политике местной администрации. Переход на оседлость усиливал посадку лесов в улусе, а власти считали лесопосадки неотъемлемой частью нового образа жизни кочевников, ведь лесоразведение обеспечивало их новыми ресурсами и возможностями для развития.

В отчете по Большедербетовскому улусу за 1910 год было отмечено, что площадь лесопосадок достигла 174 дес., из них 52 дес. располагались на казенном участке земли в Башанте, 8,5 дес. находились в руках частных владельцев, остальные были разбро-

¹¹ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1101. Л. 129 об.

¹²Там же. Д. 1760. Л. 20–20 об.

¹³Там же. Л. 22–24 об.

¹⁴Там же. Д. 1760. Л. 61.

саны небольшими участками от 6 до 30 дес. по 8 хотонам¹⁵.

Подчеркнем, что под лесоразведением в степных районах, населенных инородцами, также понимались создание и благоустройство садов. Причем, просматривая переписки и отчеты местной администрации, мы предполагаем, что под лесоразведением и садоводством понималось одно и то же. В степях в первую очередь стремились не к созданию обширных лесных массивов, а к планомерной посадке деревьев в оседлых поселениях.

Инициатива лесоразведения одновременно с садоводством исходила также от местного населения. Оседло поселившиеся кочевники помимо скотоводства и земледелия преуспели и в лесных посадках. В 1912 году старшина аула Кендже-Кулак обращался к туркменскому приставу с просьбой выделить из Летней ставки 6 или 7 тыс. корней молодых деревьев¹⁶. В другом документе пристав туркменского народа писал: «...принадлежащий к числу кочевников туркменец Чавдунова рода Муса-аджи Эшей-аджиев, желая показать своим однообщественникам добрый пример приложения труда к земле, в 1906 г. предпринял разведение леса и фруктовых деревьев в открытой степи, несмотря на солонцеватость почвы, в течение 6 лет получил прекрасный лесосад, причем его фруктовые и косточковые породы дают такие плоды, которые могли бы конкурировать на рынке с лучшими сортами местного плодоводства»¹⁷.

Тем не менее в процессе лесоразведения возникал ряд трудностей. Например, в акте от 1 июня 1912 года было указано, что «на площади 85 десятин... молодые шелуговые почти съедены прусом совершенно и на площади

24 десятин они уничтожены, примерно наполовину»¹⁸. Нередким явлением в инородческих степях были пожары. Так, на Ачикулакской даче, в западной ее части, на площади около 7 дес., которая была занята осокорями и акациями, выгорели сухая трава и сушняк: «Пожаром повреждены листья и отчасти стволы деревьев. Причина пожара – неосторожное обращение с огнем женщины, варившей пищу близ леса»¹⁹.

Особое внимание уделялось главной проблеме в кочевых степях – борьбе с опустыниванием. В начале XX века опустынивание ограничивалось территорией Ачикулакского приставства, однако со временем деградация степных территорий стала более очевидной. Связанные с данной проблемой работы по лесоразведению были направлены на предотвращение распространения пустынь и восстановление экосистемы. В 1912 году в письме главному приставу было отмечено, что Лесной департамент постановил «с начала текущего года оказывать содействие инородческому населению Ставропольской губернии в деле борьбы с сыпучими песками, которое будет выражаться в содержании за счет казны технического персонала и Ачикулакского плодо-лесного питомника»²⁰. При этом расходы на пескоукрепительные работы, а также поддержание садовых и лесокультурных работ при ставке должны были производиться из инородческих средств²¹. Подчеркнем, что «туркменские общества, населявшие пограничные с Ачикулакским приставством земли, содержали производимые здесь работы за счет средств, отпускаемых из туркменского общественного капитала» [14, с. 59]. В послании

¹⁵НАРК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 163. Л. 26 об.

¹⁶ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 15. Л. 16.

¹⁷Там же. Л. 79.

¹⁸Там же. Л. 42.

¹⁹Там же. Л. 90.

²⁰Там же. Л. 1.

²¹Там же. Л. 1 об.

старшему таксатору корпуса лесничих Глезденеву главный пристав просил принять во внимание организуемые общественные работы на песках Ачикулакского пристаства. Кроме того, он сообщал, что в распоряжение Ачикулакского пристаства было переведено 2 тыс. р. на лесокультурные надобности, и отмечал, что старшему таксатору предоставляется право производить организационные расходы из этой суммы по мере необходимости²².

В вышеупомянутой объяснительной записке заведующего работами по укреплению песков в Ставропольской губернии присутствовали итоговые сведения. За отчетный 1912 год общественными силами были произведены: устилка сыпучих песков шелуговым хворостом на площади 247,38 дес., посадка осокоря под канавокопатель на площади 88,14 дес., посадка сеянцев твердых пород на площади 31,96 дес.²³ Всего на пескоукрепительные работы было израсходовано 13 353 р. 66 коп., включая 11 499 р. 13 коп. – из общеимперского продовольственного капитала, 1854 р. 53 коп. – из туркменского общественного капитала²⁴. Подводя итоги успешной работы за отчетный период, заведующий подчеркивал, что «наступил такой момент, когда для своевременного использования укрепленных площадей необходимо на первое место выдвинуть работы облесительные и производить их в самых широких размерах»²⁵.

Чиновник также подвел итоги лесокультурных работ при ставке и в аулах. При Ачикулакской ставке эта деятельность заключалась в содержании плодового сада и виноградника, обсадке ставочных зданий декоративными и плодовыми деревьями и уходе за насаждениями. В Туркменском пристастве при Летней ставке для защиты больниц от ветров и пыли

был заложен парк на площади 6 дес. Всего было высажено 1500 деревьев, часть была доставлена из насаждений на песках Ачикулакского пристаства, часть – из посадок 1906 года при ставке²⁶.

В аулах Туркменского пристаства были пополнены старые и заложены новые лесосады на школьных усадьбах и при мечетях. В течение 1912 года для этой цели были использованы 9500 саженцев и сеянцев различных древесных пород, 554 дерева старшего возраста, 152 плодовых дерева и 20 кустов сирени²⁷.

Таким образом, проведенный анализ показал нарастающую интенсивность процессов лесоразведения в инородческих степях в конце XIX – начале XX века. При этом развитие лесоразведения было обусловлено тем, что удалось привлечь внимание имперской администрации к вопросу оседлости кочевых народов, а также к проблеме, связанной с опустыниванием. В начале XX века на борьбу с песками были направлены значительные рабочие силы и материальные ресурсы. Пескоукрепительные работы привлекли в регион специалистов, ученых.

Социально-экономический сдвиг, связанный с переходом кочевого народа к оседлости и с приобретением навыков лесоразведения и садоводства, привел к значительным изменениям в жизни кочевников. Кочевники, ранее занимавшиеся исключительно скотоводством, в начале XX века стали не только земледельцами, но и успешно освоили лесоразведение и садоводство. Лесоразведение от небольших посадок, расположенных вблизи ставок, пристаств и улусов, в начале XX века распространилось на все инородческие степные пространства, приобретая значительные масштабы. Эта трансформация содействовала расширению

²²ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 15. Л. 7–7 об.

²³Там же. Л. 106 об.

²⁴Там же. Л. 107.

²⁵Там же. Л. 108.

²⁶Там же. Л. 108 об. – 109.

²⁷Там же. Л. 109.

спектра занятий кочевого населения, что, в свою очередь, повлияло на социально-экономическое развитие региона.

В 1880–1890-е годы на территории кочевых народов Ставропольской губернии леса располагались преимущественно в административных центрах приставств и улусах. Лесоразведением занимались как богатые кочевники, перешедшие на оседлый образ жизни, так и рядовые жители степей, оседло поселившиеся и проявившие интерес к садоводству и лесоразведению. К концу 1900-х годов повсеместный рост лесных массивов на территории кочевых степей стал

результатом активного перехода кочевников на оседлый образ жизни, усилившегося опустынивания и финансирования лесонасаждений. Важную роль в этом процессе сыграла активная деятельность чиновников губернского Лесоохранительного комитета.

Следовательно, лесоразведение на территории кочевых народов в исследуемый период имело неуклонную тенденцию к росту, что было обусловлено как социально-экономическими изменениями, так и целенаправленными усилиями по сохранению и увеличению лесных массивов.

Список литературы

1. Генко Н.К. К статистике лесов Европейской России: [По поводу изд. «Положения о сбережении лесов» от 4 апр. 1888 г.]. СПб.: Тип. Канцелярии С.-Петерб. градоначальника, 1888. 97 с.
2. Генко Н.К. Об облесении южно-русских степей. СПб.: Тип. Канцелярии С.-Петерб. градоначальника, 1886. 59 с.
3. Глезденев В.Л. О работах по укреплению сыпучих песков в Ачикулакском приставстве, Ставропольской губернии. Новочеркасск: Тип. «Дон. жизнь», 1914. 13 с.
4. Бентковский И.В. Воды и степи Большедербетовского улуса соответствуют ли условиям колонизации калмыков? // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 1. Ставрополь: Тип. Губ. правления, 1868. Отд. 1. С. 105–112.
5. Иванов Д.Л. Влияние русской колонизации на природу Ставропольского края. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1886. 30 с.
6. Львовский Н.В. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. 2-е изд. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 156 с.
7. Фостиков Л. О способах водоснабжения в Трухмянских степях // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 3. Ставрополь: Тип. Губ. правления, 1870. Отд. 1. С. 85–94.
8. Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 213 с.
9. Шевченко Н.Е. К истории охраны лесов Центрального Предкавказья: Ставропольский Губернский Лесоохранительный Комитет // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Естеств. и техн. науки. 2012. Т. 17, № 6. С. 1561–1563.
10. Шевченко Н.Е. Динамика площади и меры сбережения лесов Ставропольской губернии по историко-географическим данным с конца XVII по начало XX века // Лесоведение. 2015. № 2. С. 122–129.
11. Шевченко Н.Е. Леса Центрального Предкавказья: флористический состав, растительность и проблемы их охраны: дис. ... канд. биол. наук. М., 2013. 247 с.
12. Алексеев А.И., Третьяков А.В. Государственное регулирование лесного хозяйства Российской империи в XIX – начале XX в. // Уч. зап. Электрон. науч. журн. Курск. гос. ун-та. 2017. № 2(42). С. 27–32.
13. Белоусова Н.П. Охрана и использование лесного фонда Российской империи в конце XIX в. // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2008. № 4(60). С. 33–35.
14. Джумагулова А.Т. «Успокоение песков»: борьба с опустыниванием на землях кочевых ногайцев Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Nomadic Civiliz. Hist. Res. 2024. Т. 4, № 2. С. 51–65. <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2024-4-2-51-65>

15. Джумагулова А.Т. «Владельцы песков»: пескоукрепительные работы на землях кочевых народов Юга России (ногайцев, калмыков и туркмен) в XIX – начале XX веков // Кавказология: электрон. журн. 2024. № 3. С. 41–66. <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2024-3-41-66>

16. Бадмаева Е.Н. Деятельность краевой Астраханской пескоукрепительной организации на территории Калмыкии в 1920-е гг. // Вестн. Калмыц. ун-та. 2022. № 3(55). С. 6–13.

References

1. Genko N.K. *K statistike lesov Evropeyskoy Rossii* [On the Statistics of Forests in European Russia]. St. Petersburg, 1888. 97 p.
2. Genko N.K. *Ob oblesenii yuzhno-russkikh stepey* [On the Afforestation of the Steppes in Southern Russia]. St. Petersburg, 1886. 59 p.
3. Glezdenev V.L. *O rabotakh po ukrepleniyu syuchikh peskov v Achikulakskom pristavstve, Stavropol'skoy gubernii* [On the Work to Strengthen Loose Sands in the Achikulak District, Stavropol Province]. Novocherkassk, 1914. 13 p.
4. Bentkovskiy I.V. Vody i stepi Bol'shederbetovskogo ulusa sootvetstvuyut li usloviyam kolonizatsii kalmykov? [Are the Waters and Steppes of the Bolshederbetovsky Ulus in Line with the Conditions of Kalmyk Colonization?]. *Sbornik statisticheskikh svedeniy o Stavropol'skoy gubernii* [Collected Statistical Data on the Stavropol Province]. Iss. 1. Stavropol, 1868. Sec. 1, pp. 105–112.
5. Ivanov D.L. *Vliyanie russkoy kolonizatsii na prirodu Stavropol'skogo kraya* [The Influence of Russian Colonization on the Nature of the Stavropol Region]. St. Petersburg, 1886. 30 p.
6. L'vovskiy N.V. *Kalmyki Bol'shederbetovskogo ulusa Stavropol'skoy gubernii* [Kalmyks of the Bolshederbetovsky Ulus, Stavropol Province]. Elista, 2022. 156 p.
7. Fostikov L. O sposobakh vodosnabzheniya v Trukhmyanskikh stepyakh [On the Water Supply in Turkmen Steppes]. *Sbornik statisticheskikh svedeniy o Stavropol'skoy gubernii* [Collected Statistical Data on the Stavropol Province]. Iss. 3. Stavropol, 1870. Sec. 1, pp. 85–94.
8. Tsvetkov M.A. *Izmenenie lesistosti Evropeyskoy Rossii s kontsa XVII stoletiya po 1914 god* [Changes in the Forest Cover in European Russia from the Late 17th Century to 1914]. Moscow, 1957. 213 p.
9. Shevchenko N.E. K istorii okhrany lesov Tsentral'nogo Predkavkaz'ya: Stavropol'skiy Gubernskiy Lesookhranitel'nyy Komitet [On History of Central Ciscaucasus Forests: Stavropol Provincial Committee of Woods Preservation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Estestvennye i tekhnicheskie nauki*, 2012, vol. 17, no. 6, pp. 1561–1563.
10. Shevchenko N.E. Dinamika ploshchadi i mery sbrezheniya lesov Stavropol'skoy gubernii po istoriko-geograficheskim dannym s kontsa XVII po nachalo XX veka [Areal Dynamics of the Forests of Stavropol Governorate and the Means to Preserve Them in the Late 17th – Early 20th Century Based on Historico-Geographical Data]. *Lesovedenie*, 2015, no. 2, pp. 122–129.
11. Shevchenko N.E. *Lesa Tsentral'nogo Predkavkaz'ya: floristicheskiy sostav, rastitel'nost' i problemy ikh okhrany* [Forests of Central Ciscaucasia: Floristic Composition, Vegetation, and Problems of Their Protection: Diss.]. Moscow, 2013. 247 p.
12. Alekseev A.I., Tret'yakov A.V. Gosudarstvennoe regulirovanie lesnogo khozyaystva Rossiyskoy imperii v XIX – nachale XX v. [State Regulation of Forestry in the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries]. *Uchenye zapiski Elektronnogo nauchnogo zhurnala Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 27–32.
13. Belousova N.P. Okhrana i ispol'zovanie lesnogo fonda Rossiyskoy imperii v kontse XIX v. [Protection and Use of Forest Resources of the Russian Empire at the End of XIX Century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2008, no. 4, pp. 33–35.
14. Dzhumagulova A.T. “Uspokoenie peskov”: bor'ba s opustynivaniem na zemlyakh kochevykh nogaytsev Stavropol'skoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [“Calming the Sands”: Combating Desertification on the Lands of Nomadic Nogais of Stavropol Province in the Late XIX – Early XX Centuries]. *Nomadic Civiliz. Hist. Res.*, 2024, vol. 4, no. 2, pp. 51–65. <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2024-4-2-51-65>

15. Dzhumagulova A.T. "Owners of the Sands": Sand Protection Works on the Lands of the Nomadic Peoples of Southern Russia (Nogais, Kalmyks and Turkmens) in the XIX – Early XX Centuries. *Caucasology*, 2024, no. 3, pp. 41–66 (in Russ.). <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2024-3-41-66>

16. Badmaeva E.N. Deyatel'nost' kraevoy Astrakhanskoy peskoukrepitel'noy organizatsii na territorii Kalmykii v 1920-e gg. [Activities of the Regional Astrakhan Organization Preventing Sand Movement on the Territory of Kalmykia in the 1920s]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2022, no. 3, pp. 6–13.

Информация об авторах

Е.Н. Бадмаева – доктор исторических наук, доцент, директор международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве» Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (адрес: 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11).

Б.В. Очиров – ассистент кафедры истории России, документоведения и архивоведения Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (адрес: 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11).

Information about the authors

Ekaterina N. Badmaeva, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Director of the International Research Centre "Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space", Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (address: ul. Pushkina 11, Elista, 358000, Russia).

Baatr V. Ochirov, Teaching Assistant at the Department of Russian History, Document Management and Archival Science, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (address: ul. Pushkina 11, Elista, 358000, Russia).

Поступила в редакцию 12.09.2024

Одобрена после рецензирования 28.01.2025

Принята к публикации 30.01.2025

Submitted 12 September 2024

Approved after reviewing 28 January 2025

Accepted for publication 30 January 2025

Ефимов А.А.

Создание постоянной пожарной команды Петергофа

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 16–24.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 16–24.

Научная статья
УДК 94(47).073
DOI: 10.37482/2687-1505-V415

Создание постоянной пожарной команды Петергофа

Андрей Александрович Ефимов

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: aaefimov5@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9016-1091>

Аннотация. Статья раскрывает историю появления в Петергофе такой важной для любого города службы, как пожарная охрана. Автор отмечает, что инициатива ее создания принадлежала главе местного дворцового правления Я.Я. Эйхену, обратившемуся 9 марта 1837 года с соответствующим письмом к главноуправляющему дворцовыми правлениями Я.В. Захаржевскому. Просьба согласовать формирование пожарной команды была мотивирована расширением городской застройки, значительная часть которой была деревянной и могла существенно пострадать от огня, а в качестве образца предполагалось ориентироваться на штат пожарной команды одной из частей Царскосельской полиции. В статье подчеркивается, что реализация данного проекта потребовала большой бюрократической работы, потому как необходимо было согласовать организационную структуру нового подразделения и урегулировать вопросы его материально-технического обеспечения. При этом за справками и уточнениями петергофские чиновники обращались не только в Царское Село, принятое за первичный ориентир, но и в Ораниенбаум как ближайший на тот момент уездный город со своей пожарной командой, и даже в столицу, Санкт-Петербург. Кроме того, важной проблемой стал вопрос о размещении пожарной команды, решить который удалось посредством оптимизации уже имевшихся площадей и за счет разработки проекта строительства специального здания. Автор указывает, что процесс согласования и формальной организации занял около 4 лет, завершившись в самом конце 1841 года, но реально действовать пожарная служба стала только в начале 1842 года. Отмечается, что стремление сэкономить средства с одной стороны и сформировать структуру, обеспеченную всем необходимым по действовавшим на тот момент нормативам, с другой стало причиной длительного воплощения идеи создания в Петергофе службы пожарной охраны.

Ключевые слова: история Петергофа, Петергофское дворцовое правление, Я.Я. Эйхен, Я.В. Захаржевский, история службы пожарной охраны, пожарная команда Петергофа

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10082 «Дворцовые города как моногорода Российской империи», <https://rscf.ru/project/24-78-10082/>

Для цитирования: Ефимов, А. А. Создание постоянной пожарной команды Петергофа / А. А. Ефимов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 16-24. – DOI 10.37482/2687-1505-V415.

© Ефимов А.А., 2025

Original article

The Establishment of a Permanent Fire Brigade in Peterhof

Andrey A. Efimov

St. Petersburg Institute for History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia,

e-mail: aaefimov5@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9016-1091>

Abstract. This article covers the history of the establishment of such an important organization for any town as a fire service. The author notes that it was initiated by the head of the local palace administration Ya.Ya. Eichen, who on March 9, 1837 wrote a letter to the chief manager of palace administrations Ya.V. Zakharzhevsky regarding this issue. The request to approve the establishment of a fire brigade was motivated by the expanding urban development, since many buildings were made of wood and could be significantly damaged by fire. It was suggested to use the fire brigade of one of the Tsarskoye Selo police units as a model. The article highlights that the implementation of this project required substantial bureaucratic work since it involved coordinating the organizational structure of the new unit and ensuring its logistic support. For information and clarifications Peterhof officials turned to Tsarskoye Selo, which was taken as the primary reference point, as well as to Oranienbaum, the nearest district town that had its own fire brigade at the time, and even to the capital, Saint Petersburg. In addition, an important problem was the accommodation of the fire brigade, which was solved both through the optimization of the available areas and by developing a project for the construction of a new building. The author points out that the process of approval and formal organization took around 4 years and ended in late 1841. However, the actual work of the fire brigade did not begin until 1842. The desire to both economize and properly equip the brigade according to the regulations that were in force at that time was the reason behind the lengthy implementation of the idea of creating a fire service in Peterhof.

Keywords: *history of Peterhof, Peterhof palace administration, Ya.Ya. Eichen, Ya.V. Zakharzhevsky, history of the fire service, Peterhof fire brigade*

Funding. The research was funded through the Russian Science Foundation grant no. 24-78-10082 titled “Palace Towns as Monotowns of the Russian Empire”, <https://rscf.ru/project/24-78-10082/>

For citation: Efimov A.A. The Establishment of a Permanent Fire Brigade in Peterhof. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 16–24. DOI: 10.37482/2687-1505-V415

В XIX – начале XX столетия в Российской империи существовал особый класс городских поселений, именовавшихся дворцовыми городами. В их число входили Царское Село, Гатчина и Петергоф, где находились основные императорские загородные резиденции. Данные населенные пункты имели особый статус, находились вне общей системы управления, состояли в ведении Министерства императорского двора (Придворного ведомства, или МИДв), а если точнее, то его особых административных орга-

нов – дворцовых управлений. Именно неординарность положения делает изучение истории этих городов особенно интересным.

Исследования по истории российских городов занимают важное место в отечественной историографии и представлены трудами по целому ряду направлений: социально-правовое, экономическое, административное [1–6]. В свою очередь, основное внимание ученых, рассматривающих деятельность Придворного ведомства, сконцентрировано на вопросах организации центральных

органов министерства или работы его учреждений по бытовому обслуживанию членов царской фамилии [7–8]. Особняком стоят публикуемые с конца 2000-х годов монографии И.В. Зимина, охватившие историю бытования отдельных резиденций и историю той или иной сферы жизни императорского двора, в частности императорской кухни [9]. При этом как городоведы, так и исследователи истории МИДв оставляют проблему дворцовых городов как городского организма на периферии своих научных интересов. Единственной комплексной работой, посвященной истории дворцового города, можно считать, с некоторыми допущениями, диссертацию Л.З. Большаковой, обратившейся к истории только одного населенного пункта – Царского Села, но представившей эту тему скорее обзорно, не раскрыв ряд вопросов, относившихся к дворцовым городам в целом [10]. В случае Петергофа, когда подавляющая часть исследователей обращается к истории дворцово-паркового ансамбля, исключением в историографии стоит считать публикации видного краеведа В.А. Гущина, среди которых особняком стоит его незавершенный многотомный труд «История Петергофа и его жителей» [11].

Вместе с тем история пожарного дела в Российской империи в целом может считаться недостаточно изученной, т. к. среди публикаций можно найти только исследования по истории пожарных служб отдельных городов и местностей [12–16] или обзорные учебные пособия. История пожарного дела в дворцовых городах также практически не представлена в литературе, поскольку авторы, в т. ч. Л.З. Большакова, ограничились общим указанием дат формирования пожарных команд и финансово-статистическими сведениями о числе пожарных и их жаловании [10, с. 78–80].

Цель данной статьи – раскрыть и представить историю формирования службы пожарной охраны Петергофа как города, подчинявшегося МИДв, осветив организационные и

бюрократические особенности этого процесса. Источниковой базой настоящего исследования, продолжающего цикл публикаций по истории дворцовых городов [17–18], стал комплекс документов Петергофского дворцового управления МИДв, хранящийся в составе фонда 490 Российского государственного исторического архива (РГИА).

Рост и развитие Петергофа, ставшего любимой загородной резиденцией императора Николая I, ставили перед местной администрацией задачи по улучшению состояния этого населенного пункта и поддержанию общественного порядка в нем. Одной из них стала проблема обеспечения пожарной охраны.

9 марта 1837 года управляющий Петергофским дворцовым правлением Я.Я. Эйхен обратился с письмом к главноуправляющему дворцовыми правлениями Я.В. Захаржевскому, в котором писал про «умножающиеся ежегодно строения казенных зданий и обывательских, преимущественно деревянных домов в Петергофе, равно и устройство деревянного театра», и указывал, что при подобном развитии города необходимо формирование специальной, постояннодействующей пожарной команды, которая могла бы войти в обновленный штат городской администрации и полиции. Глава Петергофа приводил перечень уже закупленного пожарного оборудования, прося при формировании пожарной команды, ее комплектовании и установлении штатного содержания опираться на соответствующий штат пожарной команды одной из частей Царскосельской полиции¹.

Главноуправляющий, ознакомившись с письмом, порекомендовал первоначально связаться с управляющим Ораниенбаумом, поскольку этот город являлся уездным для Петергофа и ближайшим административным центром, имевшим свою пожарную команду, узнать о штате команды и расходах на ее содержание. Запрос о составе Ораниенбаумской пожарной команды, ее обеспечении лошадьми и средствами пожаротушения, а также о сумме

¹РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 717. Л. 1, 1 об.

расходов на эти цели был направлен в середине марта 1837 года. В конце марта последовал ответ, к которому прилагалась копия указа императора Александра I от 14 июня 1817 года об утверждении штата полиции Ораниенбаума, согласно которому в городе числилось 40 пожарных служителей и 6 лошадей. Данные были изучены чиновниками Петергофского дворцового правления и его главой Я.Я. Эйхеном, который в своем рапорте Я.В. Захаржевскому от 2 апреля 1837 года писал, что для Петергофа необходимо включить в состав команды больше лошадей, поскольку в городе требовалось перевозить больше пожарного инвентаря (пожарные трубы, рукава, бочки и др.), перечень которых содержится в архивном деле².

Главнуправляющий поставил вопрос и о том, какое число служителей может разместиться в имевшихся на тот момент в Петергофе помещениях, использовавшихся для пожарного инвентаря. Получивший указание уточнить это полковник А.Г. Волков 29 апреля представил не слишком утешительное донесение, из которого следовало, что помимо собственно пожарных труб в помещениях находились караульные солдаты, арестанты и мастерские для трубных снарядов, места же для пожарных служителей при текущем устройстве трубных не было³.

Рапорт о потребности в пожарной команде был принципиально поддержан главнуправляющим дворцовыми правлениями, представившим в конце апреля 1837 года соответствующий доклад министру императорского двора П.М. Волконскому, по итогам которого предписанием от 28 апреля 1837 года он передал указание главы Придворного ведомства составить проект положения о пожарной команде в Петергофе, принимая в расчет действительные потребности города и

учитывая имеющиеся возможности к обеспечению пожарных помещением. Основываясь на этом письме, Я.Я. Эйхен 4 мая 1837 года поручил полицмейстеру города полковнику А.Г. Волкову составить проект положения о пожарной команде, а помощнику архитектора А.И. Песке – подготовить планы и фасады, а также сметы на казармы пожарной команды. Однако справиться самостоятельно А.Г. Волкову не удалось, и 7 мая 1837 года глава Петергофа обратился к главнуправляющему дворцовыми правлениями с просьбой разрешить полицмейстеру Царского Села проконсультировать своего петергофского коллегу по вопросам организации и размещения пожарной команды, что помогло бы устранить возникшие вопросы и сложности при подготовке проекта положения о пожарной команде⁴.

Ознакомительная командировка пошла на пользу делу, и 18 июня 1837 года полковник А.Г. Волков представил свое донесение, согласно которому в штате полиции должна была появиться пожарная команда в составе 1 брандмейстера, 3 его помощников в чине унтер-офицеров и 48 служащих. Кроме того, на докупку и текущий ремонт инвентаря требовалось 908 р., а на приобретение и обеспечение 23 лошадей, на сбрую и ее починку – 8757 р. 20 коп. Эти сведения были представлены главнуправляющему 27 июня 1837 года⁵.

Однако нерешенность вопроса с размещением пожарной команды не позволяла Я.В. Захаржевскому приступить к предметному рассмотрению поступившего рапорта. 21 августа 1837 года он вновь запросил данные у Я.Я. Эйхена, а 25 августа из Петергофского дворцового правления пришел ответ, что для нужд пожарной команды и труб с инструментами предполагается построить специальный сарай и реконстру-

²РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 717. Л. 2–9.

³Там же. Л. 41–43 об.

⁴Там же. Л. 11–14 об.

⁵Там же. Л. 15–25, 30–40.

ировать существующее хранилище пожарного инвентаря, а лошадей планируется разместить в конюшне Петергофского дворцового правления⁶.

Это решение позволило обратиться к предметному разбору представленного проекта штата Петергофской пожарной команды. Работа заняла несколько месяцев и была завершена к середине апреля 1838 года. Для сравнения использовались документы о составе и материальном обеспечении одной из частей Царскосельской полиции, на которую ориентировались авторы проекта, также были собраны сведения об организации пожарного дела в столице Российской империи.

В результате было выявлено несколько спорных положений. Во-первых, по проекту, на 66 чел. команды приходились предметы амуниции лишь с однолетним сроком использования, тогда как долговременную амуницию предполагалось брать в Комиссариате (по видимому, имеется в виду Комиссариатский департамент Военного министерства), однако, по сведениям Я.В. Захаржевского, у него таких запасов не было и сумм на эти цели не предусматривалось. Соответственно, в проект, по мнению главноуправляющего, необходимо было включить сумму на 2–4-летние предметы амуниции. Во-вторых, Я.В. Захаржевский также полагал необоснованным включение в штат 3 городских и 3 помощников брандмейстера, полагая, с учетом опыта Царского Села, достаточным привлечь по 2 таких служащих. В-третьих, избыточным виделось и просимое число лошадей, превосходившее установленное для Царского Села, на которое предлагалось ориентироваться с представлением расчета-обоснования. Следовательно, завышенными были и запрошенные суммы на ремонт пожарных инструментов, на лошадей и сбрую, размер которых был сочтен превосходящим даже столичный уровень. Главноуправляющий под-

черкивал, что следует принять за образец положение Санкт-Петербургской полиции и заново установить суммы, указав расход отдельно на каждый предмет. Последним спорным вопросом было внесение в проект расходов на покупку экипажа и лошадей полицмейстеру, вовсе не предусмотренных никакими правилами. Таким образом, предлагалось, приняв во внимание сведения, полученные Я.В. Захаржевским от петербургского обер-полицмейстера, переработать проект с учетом замечаний и представить его на повторное рассмотрение, приложив особую выписку с указанием текущих окладов чиновников, которые будут включены в новый штат. При этом была дана рекомендация переименовать «помощников полицмейстера» в «квартирных надзирателей», чтобы это соотносилось с порядком, действовавшим в других городах⁷.

28 апреля 1838 года замечания Я.В. Захаржевского были направлены полковнику А.Г. Волкову с поручением подготовить новый, исправленный проект штата пожарной команды. Последний, принявшись за работу, вновь столкнулся с необходимостью сделать запрос через Петергофское дворцовое правление. Несмотря на то, что к середине июня общие сведения из Петербургской городской думы относительно обеспечения пожарной команды обмундированием, инвентарем и проч. были получены, А.Г. Волкову не удалось собрать информацию о покупке некоторых пожарных инструментов. Для этого необходимо было обратиться в Петербургское пожарное депо, что и сделало правление спустя пару дней⁸. Получив ответ на запрос 19 июня 1838 года, А.Г. Волков уже 23 июня подал свой рапорт с приложением обновленного проекта штата Петергофской пожарной команды и перечней к нему, дополненных таблицами окладов полицмейстера и помощников и сведениями о лошадях в сравнении

⁶РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 717. Л. 44–45 об.

⁷Там же. Л. 46–47 об.

⁸Там же. Л. 59–61.

с Царским Селом. Через месяц, 30 июля 1838 года, рапорт был представлен главноуправляющему с особым указанием на использование сведений о штатах Царскосельской и столичной полицейских служб, а также с обоснованием предложенной организационной структуры применительно к административному делению Петергофа. Вслед за этим, 3 августа, Я.Я. Эйхен направил рапорт с дополнительными пояснениями о том, что младший унтер-офицер включен в проект сообразно штату столичной полиции для наблюдения за пожарной командой, а расчет на 15 лошадей приведен с учетом того, что пожарные трубы в Петергофе меньше царскосельских и могут перевозиться парой лошадей вместо тройки⁹.

По обновленному проекту, в штат следовало включить 1 полицмейстера, 2 квартальных надзирателей (по 1 на каждый форштадт¹⁰), 1 брандмейстера с 1 помощником, 1 младшего унтер-офицера, 54 пожарных служителя, 10 фурманов¹¹ и 2 городских. Дополнительно приводились расчеты расходов на содержание и обеспечение, которые составляли при использовании 23 лошадей 25 026 р. с добавлением на обмундирование, покупку лошадей, приобретение и починку сруи 11 562 р. – с общим итогом 36 588 р. 6 коп., а при 15 лошадях – 22 295 р. 40 коп., 9273 р. 13 коп. и 31 568 р. 53 коп. соответственно¹².

Обновленный штат не вызвал прежних нареканий со стороны главноуправляющего и был представлен министру императорского двора. Однако Я.В. Захаржевский внес свои корректировки. Он предложил учредить в Пе-

тергофе пожарную часть по образцу Царскосельской – по числу как людей, так и лошадей. Последних предполагалось взять 16, с учетом того что в Петергофе уже содержались для казенных работ 12 лошадей (кроме 4 для дачи Александрии), следовательно, часть из них при необходимости можно было использовать для перевозки трубы и трех бочек. Представленный в версии главноуправляющего штат формировался с расчетом, чтобы вся команда могла без затруднений поместиться в назначенной казарме¹³. После согласования с главой Придворного ведомства проект был представлен императору Николаю I, утвердившему этот вариант. Соответствующее уведомление было направлено 23 февраля 1839 года управляющему Петергофским дворцовым правлением Я.Я. Эйхену для внесения финальных правок. Эта работа была выполнена к началу марта 1839 года, и при сдаче рапорта 6 марта Я.Я. Эйхен подал Я.В. Захаржевскому вновь составленный штат Петергофской полиции с приложением запроса о необходимой для пожарной команды сумме в размере 27 749 р. на единовременную покупку лошадей, сруи, некоторых необходимых инструментов и обмундирования. Кроме того, Я.Я. Эйхен просил по возможности быстрее связаться с Инспекторским департаментом по вопросу о назначении нижних воинских чинов для полиции и пожарной команды¹⁴.

Новый штат полиции с включением в нее пожарной команды окончательно был доработан только в 1841 году. Его утверждение императором последовало 31 декабря 1841 года. Пожарная команда Петергофа отныне состояла

⁹РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 717. Л. 62–63, 87, 87 об.

¹⁰Так в середине XIX века назывались две части Петергофа.

¹¹Возниц пожарных экипажей.

¹²РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 717. Л. 64–66 об., 72–74, 77–79 об., 88, 89.

¹³Комплекс из трех зданий для размещения обновленного и увеличенного штата полиции, включавшей пожарную команду, был возведен в Петергофе в период с 1844 по 1847 год (с доработками в 1847–1851 годах) по разработанному в 1842 году проекту архитектора И.И. Шарлеманя. Часть комплекса сохранилась до настоящего времени и находится по адресам: ул. Самсониевская, д. 5, 7 и 9, лит. Б.

¹⁴РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 717. Л. 113, 113 об., 147–148.

из 1 брандмейстера¹⁵, 2 его помощников, 48 пожарных служителей и 7 «повозчиков» (фурлейтов), управлявших пожарными экипажами, для которых было взято 16 лошадей¹⁶.

Следствием формирования пожарной команды стала переписка со страховым обществом по вопросу уменьшения платежей за страхование зданий. 17 ноября 1842 года в правление 1-го Российского страхового от огня общества было направлено соответствующее отношение с просьбой снизить размер взносов для жителей города. Месяц спустя пришел ответ, в котором с учетом полученного уведомления о формировании в составе Петергофской полиции пожарной команды, «могущей способствовать к прекращению пожаров», руководство страховой компании признало возможным удовлетворить просьбу Петергофского дворцового правления. Новый расчет страхо-

вых премий должен был производиться по тем же основаниям, как это уже было принято в Царском Селе, где пожарная команда возникла раньше. О полученном письме уведомили полицмейстера города, которому поручили провести оповещение жителей¹⁷.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что появление постоянно действующей официальной пожарной команды в Петергофе потребовало значительных организационно-бюрократических усилий. Руководство Придворного ведомства, и в первую очередь главноуправляющий дворцовыми правлениями Я.В. Захаржевский, стремилось совместить экономию средств с формированием структуры, обеспеченной всем необходимым по действовавшим на тот момент нормативам. Подобное стремление совместить отчасти несовместимое и затянуло этот процесс на несколько лет.

Список литературы

1. Ильин А.Ю. Развитие городского хозяйства региональных центров России в условиях урбанизации. Конец XVIII – XX вв. (на материалах Пензы, Рязани и Тамбова): дис. ... д-ра ист. наук. Тамбов, 2016. 537 с.
2. Османов Э.Э. Становление и развитие городской инфраструктуры Бахчисарая в середине XVIII – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 2019. 298 с.
3. Кискидосова Т.А. Сведения о городах и городском населении Восточной Сибири в 1850–1880-е годы: по материалам всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов // Гуманит. вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 109–118.
4. Бурлуцкая Е.В. «По торопливости», да «по забывчивости». Купечество во главе городского хозяйства Оренбурга в пореформенный период // Клио. 2019. № 8(152). С. 107–113.
5. Нардова В.А., Сухорукова А.С., Чистиков А.Н. Городское хозяйство Петербурга: XIX – начало XX века. СПб.: Фонд «Креатив», 2014. 399 с.
6. Мамаев А.В. Городское благоустройство, финансы и вопрос о муниципализации в России накануне революции 1917 года // Ист.-экон. исслед. 2016. Т. 17, № 2. С. 321–342. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17\(2\).321-342](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(2).321-342)
7. Несмеянова И.И. Министерство императорского двора и уделов в истории российской государственности. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2009. 275 с.
8. Выскочков Л.В. Будни и праздники императорского двора. СПб.: Питер, 2012. 496 с.
9. Зимин И.В., Соколов А.Р., Лазерсон И.И. Императорская кухня. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2021. 350 с.

¹⁵Возможно, первым начальником пожарной охраны Петергофа стал назначенный в 1842 году коллежский секретарь Н.Н. Григорьев. См.: История петергофской пожарной охраны. URL: https://mo-lomonosov.ru/articles.php?article_id=5659 (дата обращения: 04.02.2025); [15, с. 18–19].

¹⁶Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. II. Т. 16, ч. 2. Штаты и табели к № 15176. 1841. С. 363.

¹⁷РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 933. Л. 1–4 об.

10. *Большакова Л.З.* Дворцовый город Царское Село во второй половине XIX – начале XX вв.: особенности управления и городское хозяйство: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 319 с.
11. *Гущин В.А.* История Петергофа и его жителей. СПб.: Нестор-История, 2001–2016. Кн. 1. 2001. 510 с.; Кн. 2. Старый Петергоф. 2004. 499 с.; Кн. 3. Новый Петергоф. 2005. 560 с.; Кн. 4. Императорская гранильная фабрика. 2014. 319 с.; Кн. 5. Парки Петергофа. 2016. 346 с.
12. *Фролова Л.А.* Пожарное дело Псковского края // *Добровольная пожарная охрана: истоки, проблемы, перспективы: материалы круглого стола.* СПб., 2013. С. 125–130.
13. *Угрюмов В.Ю., Юрьев А.Н., Вавилова Д.А.* Из истории пожарного дела в Санкт-Петербурге в XVIII веке // XXXIX Неделя науки СПбГПУ: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. политехн. ун-та, 2010. С. 227–228.
14. *Авдеева А.А.* Становление системы пожарной безопасности в Российской империи первой четверти XIX в. (на материалах Московской и Смоленской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2018. 247 с.
15. *Стоцкий А.П., Гарец Д.Б.* Полицейское управление и пожарная команда г. Петергофа // *На страже закона.* 2016. № 1. С. 18–19.
16. *Гарец Д.Б.* Полиция города Петергофа: основные направления деятельности в XIX – начале XX века // *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы Междунар. науч.-теорет. конф. молодых исследователей: в 2 т. / под ред. Н.С. Нижник. Т. 1.* СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2016. С. 111–114.
17. *Ефимов А.А.* Деятельность Министерства императорского двора по градостроительному развитию Петергофа при Николае I // *Петерб. ист. журн.* 2018. № 3(19). С. 25–35.
18. *Ефимов А.А.* Преобразования в системе управления дворцовыми городами в период реформирования Министерства императорского двора в 1881–1890-х годах // *Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История.* 2019. № 2(45). С. 68–75.

References

1. Il'in A.Yu. *Razvitie gorodskogo khozyaystva regional'nykh tsentrov Rossii v usloviyakh urbanizatsii. Konets XVIII – XX vv. (na materialakh Penzy, Ryazani i Tambova)* [Development of the Urban Economy of Regional Centres of Russia in the Context of Urbanization. Late 18th – 20th Centuries (Based on the Materials of Penza, Ryazan and Tambov): Diss.]. Tambov, 2016. 537 p.
2. Osmanov E.E. *Stanovlenie i razvitie gorodskoy infrastruktury Bakhchisaraya v seredine XVIII – nachale XX vv.* [Formation and Development of the Urban Infrastructure of Bakhchysarai in the Mid-18th – Early 20th Centuries: Diss.]. Simferopol, 2019. 298 p.
3. Kiskidosova T.A. Svedeniya o gorodakh i gorodskom naselenii Vostochnoy Sibiri v 1850–1880-e gody: po materialam vspoddanneyshikh otchetov general-gubernatorov [The State of Towns and the Urban Population of Eastern Siberia in the 1850s – 1880s: Based on the Materials of Reports of Loyal Governors-General]. *Gumanitarnyy vektor*, 2022, vol. 17, no. 3, pp. 109–118.
4. Burlutskaya E.V. “Po toroplivosti”, da “po zabyvchivosti”. Kupechestvo vo glave gorodskogo khozyaystva Orenburga v poreformenny period [“Because of Haste” and “Because of Forgetfulness”. Merchants Managing Economic Affairs of the City of Orenburg in the Post-Reform Period]. *Klio*, 2019, no. 8, pp. 107–113.
5. Nardova V.A., Sukhorukova A.S., Chistikov A.N. *Gorodskoe khozyaystvo Peterburga: XIX – nachalo XX veka* [Municipal Services and Facilities of St. Petersburg: 19th – Early 20th Centuries]. St. Petersburg, 2014. 399 p.
6. Mamaev A.V. Gorodskoe blagoustroystvo, finansy i vopros o munitsipalizatsii v Rossii nakanune revolyutsii 1917 goda [Municipal Improvement, Finances, and Municipalization Issues in Russia Before the Revolution of 1917]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2016, vol. 17, no. 2, pp. 321–342. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17\(2\).321-342](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(2).321-342)
7. Nesmeyanova I.I. *Ministerstvo imperatorskogo dvora i udelov v istorii rossiyskoy gosudarstvennosti* [Ministry of the Imperial Court and Appanages in the History of Russian Statehood]. Chelyabinsk, 2009. 275 p.
8. Vyskochkov L.V. *Budni i prazdniki imperatorskogo dvora* [Everyday Life and Festivities of the Imperial Court]. St. Petersburg, 2012. 496 p.

9. Zimin I.V., Sokolov A.R., Lazerson I.I. *Imperatorskaya kuchnya. XIX – nachalo XX v. Povsednevnyaya zhizn' rossiyskogo imperatorskogo dvora* [Imperial Cuisine. 19th – Early 20th Centuries. Everyday Life of the Russian Imperial Court]. Moscow, 2021. 350 p.
10. Bol'shakova L.Z. *Dvortsovyi gorod Tsarskoe Selo vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: osobennosti upravleniya i gorodskoe khozyaystvo* [The Palace Town of Tsarskoye Selo in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Management and Municipal Services: Diss.]. St. Petersburg, 2014. 319 p.
11. Gushchin V.A. *The History of Peterhof and Its Dwellers*. St. Petersburg, 2001–2016. Book 1. 2001. 510 p. Book 2. Old Peterhof. 2004. 499 p. Book 3. New Peterhof. 2005. 560 p. Book 4. Imperial Lapidary Factory. 2014. 319 p. Book 5. The Parks of Peterhof. 2016. 446 p. (in Russ.).
12. Frolova L.A. *Pozharnoe delo Pskovskogo kraia* [Firefighting in the Pskov Region]. *Dobrovol'naya pozharnaya okhrana: istoki, problemy, perspektivy* [Volunteer Firefighting Service: Origins, Problems, Prospects]. St. Petersburg, 2013, pp. 125–130.
13. Ugryumov V.Yu., Yur'ev A.N., Vavilova D.A. *Iz istorii pozhnogo dela v Sankt-Peterburge v XVIII veke* [From the History of Firefighting in 18th-Century St. Petersburg]. *XXXIX Nedelya nauki SPbGPU* [The 39th SPbSPU Science Week]. St. Petersburg, 2010, pp. 227–228.
14. Avdeeva A.A. *Stanovlenie sistemy pozharnoy bezopasnosti v Rossiyskoy imperii pervoy chetverti XIX v. (na materialakh Moskovskoy i Smolenskoy guberniy)* [Formation of the Fire Safety System in the Russian Empire in the First Quarter of the 19th Century (Based on the Materials of the Moscow and Smolensk Provinces): Diss.]. Bryansk, 2018. 247 p.
15. Stotskiy A.P., Garets D.B. *Politseyskoe upravlenie i pozharnaya komanda g. Petergofa* [Police Department and Fire Brigade in Peterhof]. *Na strazhe zakona*, 2016, no. 1, pp. 18–19.
16. Garets D.B. *Politsiya goroda Petergofa: osnovnye napravleniya deyatel'nosti v XIX – nachale XX veka* [Peterhof Police: Key Areas of Activity in the 19th – Early 20th Centuries]. Nizhnik N.S. (ed.). *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiyskoy politsii)* [State and Law: Evolution, Current State and Prospects for Development (Towards the 300th Anniversary of the Russian Police)]. Vol. 1. St. Petersburg, 2016, pp. 111–114.
17. Efimov A.A. *Deyatel'nost' Ministerstva imperatorskogo dvora po gradostroitel'nomu razvitiyu Petergofa pri Nikolae I* [Activities of the Ministry of the Imperial Court Regarding Town-Planning Development of Peterhof Under Nicholas I]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*, 2018, no. 3, pp. 25–35.
18. Efimov A.A. *Preobrazovaniya v sisteme upravleniya dvortsovymi gorodami v period reformirovaniya Ministerstva imperatorskogo dvora v 1881–1890-kh godakh* [Transformations of the System of the Palace Towns' Administration During the Reform of the Ministry of the Imperial Court in 1881–1890s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya*, 2019, no. 2, pp. 68–75.

Информация об авторе

А.А. Ефимов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (адрес: 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7).

Information about the author

Andrey A. Efimov, Cand. Sci. (Hist.), Researcher at St. Petersburg Institute for History, Russian Academy of Sciences (address: ul. Petrozavodskaya 7, St. Petersburg, 197110, Russia).

Поступила в редакцию 04.12.2024
Одобрена после рецензирования 14.02.2025
Принята к публикации 25.02.2025

Submitted 4 December 2024
Approved after reviewing 14 February 2025
Accepted for publication 25 February 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 25–32.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 25–32.

Научная статья
УДК 94(47).084+061.22
DOI: 10.37482/2687-1505-V417

Избрание почетных членов Российского минералогического общества с 1917 по 1937 год

Иван Юрьевич Матвеев

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II,
Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: Ivan.Matveev.Russia@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6562-1225>

Аннотация. Период с 1917 по 1937 год включает в себя несколько этапов развития отечественной науки: снижение объема научных исследований, вызванное изменениями социально-политического характера и Гражданской войной; становление советской власти и советизация науки; усиление партийного контроля над наукой с конца 1920-х годов. Почетное членство всегда являлось одной из форм членства в научной организации – не было исключением и Российское минералогическое общество. В почетные члены названной организации избирались лица, внесшие большой вклад в развитие как отечественной, так и мировой науки. В период до Февральской революции 1917 года в почетные члены Российского минералогического общества избирались также лица, не являвшиеся учеными, но внесшие вклад в организационное развитие Общества. Это событие было редким для организации. Исключение составил 1916 год, когда Общество избрало сразу 45 чел., среди которых были как отечественные, так и иностранные ученые. В 1917 году, до начала Февральской революции, было избрано еще три человека. В дальнейшем для Российского минералогического общества была характерна тенденция к уменьшению количества новых почетных членов. В 1921 году был избран только один почетный член, и вплоть до 1937 года Общество почетных членов не избирало. На примере функционирования Российского минералогического общества в указанный период отечественной науки можно проследить, как внешние обстоятельства влияли на деятельность научной организации в вопросе избрания почетных членов. Исследование основано на материалах журналов заседаний Российского минералогического общества, опубликованных в «Записках Российского минералогического общества», а также на архивных данных Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.
Ключевые слова: наука России, научные общества, научные организации, почетные члены, избрание почетных членов, Российское минералогическое общество

Для цитирования: Матвеев, И. Ю. Избрание почетных членов Российского минералогического общества с 1917 по 1937 год / И. Ю. Матвеев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 25–32. – DOI 10.37482/2687-1505-V417.

Original article

Election of Honorary Members of the Russian Mineralogical Society from 1917 to 1937

Ivan Yu. Matveev

Empress Catherine II Saint-Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russia,

e-mail: Ivan.Matveev.Russia@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6562-1225>

Abstract. The period of 1917–1937 includes three stages in the development of Russian science: the decline in scientific research caused by socio-political changes and the Civil War, the establishment of Soviet power and the sovietization of science, and the tightening party control over science from the late 1920s onwards. Honorary membership has always been one of the forms of membership in a scientific organization, and the Russian Mineralogical Society was no exception. Its honorary members were persons who had made a major contribution to the development of both Russian and world science. Before the February Revolution of 1917, honorary membership could be granted to non-scientists who had contributed to the organizational development of the Society. Election of honorary members had always been a rare event for the organization, one exception being year 1916, when the Society granted 45 memberships to both Russian and foreign scientists. In 1917, before the February Revolution, three more honorary members were elected. From then on, this practice followed a downward trend. In 1921, only one honorary member was elected, and until 1937 no more honorary memberships were granted. Using the example of the Russian Mineralogical Society, one can observe how external circumstances influenced the work of a scientific organization in terms of electing honorary members during the period under study. The research is based on the minutes of the Russian Mineralogical Society published in the *Papers of the Russian Mineralogical Society*, as well as on archival data from the Central State Archives of Saint-Petersburg.

Keywords: Russian science, scientific societies, scientific organizations, honorary members, election of honorary members, Russian Mineralogical Society

For citation: Matveev I.Yu. Election of Honorary Members of the Russian Mineralogical Society from 1917 to 1937. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 25–32. DOI: 10.37482/2687-1505-V417

Актуальность темы исследования заключается в потребности формирования взаимодействия научных обществ с государством ввиду изменения политики управления наукой [1, с. 6], а также усиления значимости ученых и науки в сложные политические периоды, что, безусловно, требует обращения к историческому опыту [2, с. 166]. Деятельность Российского минералогического общества (РМО) с 1917 по 1937 год охватывает разные этапы развития отечественной науки, что является хорошим

примером того, как научное общество самоорганизуется в рамках проблемы «государство и общество». Так, 1917–1922 годы можно охарактеризовать как период кризиса отечественной науки, вызванного революционными потрясениями; 1922–1929 годы – период активной советизации науки; с 1930 года начинается период практически полного уничтожения академических свобод и тотального административного контроля над наукой со стороны советской власти.

Проблема исследования развития науки и научных обществ с Февральской революции 1917 года (коренное изменение социально-политического устройства России) до окончания Гражданской войны в 1922 году, а также во времена становления советской власти нашла свое отражение в работах как отечественных, так и зарубежных ученых. Опыт существования научных обществ Петрограда в 1917 году и вплоть до окончания Гражданской войны в 1922-м обобщен в статье Е.Ф. Синельниковой [3]. Реакция академического сообщества на революции 1917 года представлена в публикации Э.И. Колчинского [4]. В совместном труде Э.И. Колчинский и Е.Ф. Синельникова подвергли комплексному анализу влияние революции 1917 года и Гражданской войны как глобального системного кризиса на мотивацию, кадровый состав, структуризацию и самоидентификацию российского научного сообщества и его институтов [5]. Среди зарубежных исследователей можно выделить Л.Р. Грэхем [6] и Дж. Брэдли [7], рассматривавших взаимоотношения Российской академии наук и правительства большевиков, а также положение научных обществ России в годы социально-политических и экономических потрясений.

Что касается развития РМО с 1917 года, то работ по этой теме в отечественной историографии практически нет. В труде С.П. Соловьева и В.В. Доливо-Добровольского период изменения формы правления в стране и Гражданской войны фактически не рассматривается, также слабо представлена деятельность РМО до 1937 года [8].

Изучением численного состава почетных членов РМО занимались Ю.Б. Марин и С.В. Кривовичев, однако выпущенный ими справочник не является полным: имена некоторых почетных членов, избранных в разные годы, отсутствуют [9].

Сначала РМО действовало как общественная организация [10, с. 30], а с 1881 года стало ведущей научной геологической организацией страны [11, с. 118]. Как и любое научное общество, оно имело несколько видов членства, одно из которых – почетное членство. Согласно пункту 9 Устава РМО от 1864 года (этот документ использовался с незначительными поправками вплоть до 1928 года), «в почетные члены избираются: а) знаменитые русские и иностранные ученые; б) лица, оказавшие покровительство развитию естественных наук в России, особенно по предмету занятий Минералогического общества; в) особы, оказавшие содействие Минералогическому обществу значительными пожертвованиями или иным способом»¹. Пункт 10 Устава гласил: «Почетные члены пользуются всеми правами действительных, но не несут их обязанности»².

Избрание в почетные члены РМО было прописано в параграфе 14 Устава: «Желающий поступить в действительные члены должен быть предложен письменно, по крайней мере, тремя действительными членами, свидетельствующими перед Обществом, что предложенный соответствует условиям, изложенным в параграфе 7. Письменное предложение объявляется в ближайшем собрании Общества, и в следующем за тем предложенный подвергается баллотировке. При избрании в почетные члены соблюдаются те же правила»³. Согласно параграфу 12, почетные члены РМО освобождались от ежегодных взносов⁴.

В 1928 году РМО приняло новый Устав, который отвечал условиям новой политической реальности [1, с. 191], но особых изменений, касаемых почетных членов РМО, в нем не прослеживается. В соответствии с пунктом 10 Устава, «почетными членами Общества могут быть лица, как граждане СССР, так и иностранцы, из

¹ЦГА СПб (Центр. гос. арх. СПб.). Ф. 1001. Оп. 6. Ед. хр. 24д. Л. 4 об. – 5.

²Там же.

³Там же.

⁴Там же.

числа действительных членов, приобретшие известность своими трудами в данной области или имеющие существенные заслуги перед Обществом. Почетными членами избираются распорядительным собранием Общества» [8, с. 103]. Пункт 16 Устава гласил: «Почетные члены, помимо прав действительных членов, пользуются правом присутствия на всех заседаниях правления с совещательным голосом» [8, с. 103].

С самого начала деятельность РМО выходила за рамки минералогии. В число почетных членов включались лица, трудившиеся в рамках не только геологических направлений, но и таких наук, как география, палеонтология и физика. Среди почетных членов РМО были и иностранные специалисты [12, с. 72]. Одним из первых таких членов стал И.В. фон Гете – немецкий поэт, мыслитель, естествоиспытатель, передавший РМО коллекцию минералов, горных пород и руд из окрестностей немецкого города Карлсбада [9, с. 160].

Особняком стоят лица, которые не были учеными или специалистами в научных дисциплинах. Это члены российской императорской фамилии, видные государственные деятели, представители культуры, меценаты и путешественники. К ним можно отнести принца А.П. Ольденбургского [9, с. 92], министра финансов Российской империи И.А. Вышнеградского [9, с. 36] или путешественника по странам Южной Америки П.А. Чихачева [9, с. 135]. Их избрание было связано с тем, что они могли защищать интересы РМО в правительственных кругах, а также укреплять авторитет и финансовое положение организации.

В период с 1817 по 1917 год почетные члены РМО избирались достаточно редко. Наибольшее их число было избрано в 1916 году (45 чел. – 14 русских и 31 иностранец) [13, с. 179]. В опубликованных источниках не отражено, почему в один год появилось так много почетных членов. Среди архивных документов также не удалось найти материалы об этом периоде развития организации. К 1917 году в составе РМО значилось 29 русских и 46 иностранных почетных членов, а в целом – 481 чел. [3, с. 32].

В 1917 году, до начала Февральской революции, было выбрано сразу 3 почетных члена. 24 января 1917 года, во время годовичного заседания, по предложению директора РМО А.П. Карпинского почетными членами были избраны выдающийся геолог и палеонтолог, один из учредителей и первый председатель Палеонтологического общества Н.Н. Яковлев [9, с. 147] и французский геолог, географ и океанограф Эммануэль де Маржери [9, с. 180], причем Н.Н. Яковлев лично присутствовал на собрании и «благодарил Общество за оказанное ему внимание» [13, с. 182]. Последнее перед Февральской революцией заседание РМО состоялось 21 февраля 1917 года, во время которого «по предложению целого ряда членов и дирекции собрание избрало *per acclamation* (т. е. без голосования)» [13, с. 184] почетным членом Общества геолога и минералога, профессора Новороссийского университета в Одессе В.Д. Ласкарева [9, с. 76].

Период с февраля 1917 по 1921 год в истории России характеризуется коренными социально-политическими и экономическими изменениями [14, с. 109], повлиявшими и на РМО. В 1917 году, в связи с Февральской и Октябрьской революциями и начавшейся Гражданской войной, государственное субсидирование РМО снизилось, что повлекло за собой уменьшение объема исследований и сокращение экспедиционной работы. Однако, несмотря на тяжелые для науки условия, РМО продолжало свою деятельность и ежеквартально проводило заседания в стенах Горного института [8, с. 106].

Следующее избрание состоялось на годовом собрании РМО 28 января 1921 года – почетным членом Общества стал физик, один из организаторов оптической промышленности СССР Д.С. Рождественский. В протоколе заседания указано: «Высоко ценя научные заслуги профессора Д.С. Рождественского и его труды по организации государственного оптического института, дирекция предлагает избрать проф. Рождественского почетным членом Общества. Это предложение встречено единодушными аплодисментами членов Общества» [15, с. 246].

Стоит отметить, что в справочнике Ю.Б. Марина и С.В. Кривовичева среди персоналий Д.С. Рождественский не значится.

Следующее избрание почетных членов РМО состоялось только в 1937 году, и ими стали: канадский и американский геолог, петрограф Реджиналд Олдуорт Дэли [9, с. 167], американский геолог и петрограф Норман Леви Боуэн [9, с. 153] и чешский минералог, геохимик и петрограф Франтишек Славик [9, с. 193]. Вероятно, это событие было связано с тем, что в июле 1937 года в Москве проходил 17-й Международный геологический конгресс, в котором приняло участие 2362 геолога из 50 стран, в т. ч. и перечисленные ученые.

Резюмируя вышесказанное, можно предположить, что перерыв в избрании почетных членов РМО произошел по следующим причинам. В 1920-е годы РМО боролось за свое существование и сохранение, особенно остро это ощущалось в начале 1920-х годов, когда Общество могли закрыть органы государственного контроля [16, с. 457]. Во второй половине 1923 года РМО по требованию властей было вынуждено прекратить свою публичную деятельность, что было связано с требованием перерегистрации Устава организации отделом Главнауки в Петрограде. Процесс перерегистрации затянулся на полгода, и лишь в январе 1924 года организация смогла возобновить свою работу [17, с. 192–193].

Кроме того, перед РМО стояли задачи по принятию нового Устава в свете реалий уже окончательно установившейся советской власти (принят он был в 1928 году) и восстановлению международных связей, нарушенных в результате Первой мировой войны, Гражданской войны и кризиса отечественной науки с 1917 по 1922 год.

Согласно протоколам заседаний РМО, большая часть собраний в указанный период была посвящена обсуждению проблем Общества, принятию нового Устава и научным докладам в области минералогии, стратиграфии, петрографии и региональной геологии.

Немаловажным фактором является и то, что в 1917 году директор РМО А.П. Карпинский был избран президентом Российской академии наук

[18, с. 393], и с этих пор его научная деятельность преимущественно была посвящена сохранению и развитию академии [2, с. 143]. К концу 1920-х годов А.П. Карпинский все реже появлялся на собраниях РМО, а без его одобрения избрать почетных членов РМО было проблематично.

С 1917 по 1937 год не было избрано ни одного почетного члена, не связанного с минералогией и геологией, ни одного государственного или партийного деятеля СССР. Это свидетельствует о том, что РМО стало придерживаться сугубо научного подхода к членству в своей структуре.

Стоит отметить, что тенденция к уменьшению избрания почетных членов не была характерна для других научных обществ. Лишь Русское ботаническое общество имело схожее положение с РМО: в 1916 году прошло избрание 7 почетных членов и вплоть до 1946 года избрание не проводилось [19, с. 16]. Примером увеличения числа почетных членов может служить Русское палеонтологическое общество, созданное в 1916 году в Петрограде. В 1918 году оно имело 4 почетных членов, в 1926 году – уже 12, к 1939 году – 14 [20, с. 91]. Русское общество любителей мирведения, созданное в 1909 году, к 1927 году насчитывало 25 почетных членов, что свидетельствовало о высокой доле данных членов в составе организации [21, с. 6].

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что уменьшение числа новоизбранных почетных членов было обусловлено долгим выходом РМО из кризиса, связанного с Гражданской войной, отсутствием средств на исследовательскую деятельность и неимением возможности в полном объеме восстановить связи с зарубежными коллегами, разорванные в результате Первой мировой войны. Несмотря на постепенное улучшение положения науки в стране, избрание новых почетных членов РМО после 1921 года и вплоть до 1937 года не проводилось. Однако Общество не прекратило научную и организационную работу, сохраняло структуру, продолжало вносить свой вклад в развитие научной мысли в СССР при новых политических реалиях.

Список литературы

1. Курепин А.А. Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937 гг. СПб.: Нестор, 2003. 359 с.
2. Колчинский Э.И. Академия наук в годы крупных потрясений // Вихревая динамика развития науки и техники. Россия/СССР. Первая половина XX века: в 2 т. Т. 1. Турбулентная история науки и техники / отв. ред. чл.-кор. РАН Ю.М. Батурич. М.: ИИЕТ РАН, 2018. С. 102–169.
3. Синельникова Е.Ф. Научные общества Петрограда и революция 1917 г. // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 1. С. 20–38.
4. Колчинский Э.И. Академия наук и русские революции 1917 года // Вестн. Рос. акад. наук. 2017. Т. 87, № 2. С. 166–176. <https://doi.org/10.7868/S0869587317020062>
5. Колчинский Э.И., Синельникова Е.Ф. Самоорганизация российской науки в годы кризиса: 1917–1922. СПб.: Скифия-принт, 2020. 276 с.
6. Graham L.R. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party. 1927–1932. Princeton: Princeton Univ. Press, 1967. 255 p. <https://doi.org/10.1515/9781400875511>
7. Bradley J. Associations in Times of Political Turmoil: Science Societies and the Bolshevik Regime, 1917–22 // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Book 2. The Experience of War and Revolution / ed. by A. Lindemeyer, C. Read, P. Waldron. Bloomington, 2016. P. 137–172.
8. Соловьев С.П., Доливо-Добровольский В.В. История Всесоюзного минералогического общества. 2-е изд., доп. СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992. 333 с.
9. Почетные члены Российского минералогического общества: справ. / сост. Ю.Б. Марин, С.В. Кривовичев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. 211 с.
10. Ильинская Т.Б. Российское минералогическое общество как социально-исторический феномен (в XIX – первой половине XX в.) // Зап. РМО. 2019. Ч. 148, № 1. С. 29–37. <https://doi.org/10.30695/zrmo/2019.1481.02>
11. Петров Д.А. Переломные моменты в истории Российского минералогического общества – от XIX века к современному дню // Наука и техника: Вопросы истории и теории: материалы XLII Междунар. годич. науч. конф. С.-Петербург. отд-ния Рос. нац. ком. по истории и философии науки и техники Рос. акад. наук. СПб., 2021. С. 118–119. (Наука и техника: Вопросы истории и теории; Вып. XXXVII).
12. Михайлова М.С., Стокрацкая Л.С. Роль немецких ученых в основании и работе российских научных обществ в XVIII–XIX веках. К юбилею Российского минералогического общества // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф.: в 8 ч. Уфа: Аэтерна, 2016. Ч. 6. С. 71–74.
13. Журналы заседаний Российского минералогического общества за 1917 г. // Зап. РМО. 1925. Вып. 1. С. 173–191.
14. Синельникова Е.Ф. Научные общества Петрограда в 1917–1920 гг. (по материалам выставки Петроградского отдела народного образования 1921 г.). // Социология науки и техники. 2024. Т. 15, № 3. С. 107–122.
15. Журналы заседаний Российского минералогического общества за 1921 г. // Зап. РМО. 1927. Вып. 2. С. 244–263.
16. Синельникова Е.Ф. Конструируя советскую науку: научные общества в 1920-е годы // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 454–463.
17. Журналы заседаний Российского минералогического общества за 1924 г. // Зап. РМО. Вторая сер. 1925. Вып. 1. С. 192–203.
18. Марин Ю.Б., Рундквист Д.В. 200 лет Российскому минералогическому обществу // Вестн. Рос. акад. наук. 2017. Т. 87, № 4. С. 391–400. <https://doi.org/10.7868/S0869587317040193>
19. Аверьянов Л.В., Баранова О.Г. Почетные члены Русского Ботанического общества (XX век) // История ботаники в России: к 100-летию юбилею РБО: сб. ст. участников междунар. науч. конф. Тольятти, 2015. Т. 1. С. 16–59.
20. Жамойда А.И., Рожнов С.В., Алексеев А.С., Розанов А.Ю., Суяркова А.А. Столетие Палеонтологического общества России. Исторический очерк // Ист.-биол. исслед. 2016. Т. 8, № 2. С. 83–106. <https://doi.org/10.24411/2076-8176-2016-11859>
21. Список членов Русского общества любителей мироведения, его научных корреспондентов, сотрудников и наблюдателей. Л., 1927. 64 с.

References

1. Kurepin A.A. *Nauka i vlast' v Leningrade. 1917–1937 gg.* [Science and Power in Leningrad. 1917–1937]. St. Petersburg, 2003. 359 p.
2. Kolchinskiy E.I. Akademiya nauk v gody krupnykh potryaseniy [The Academy of Sciences During the Years of Major Upheavals]. Baturin Yu.M. (ed.). *Vikhrevaya dinamika razvitiya nauki i tekhniki. Rossiya/SSSR. Pervaya polovina XX veka. T. 1. Turbulentnaya istoriya nauki i tekhniki* [Vortex Dynamics of the Development of Science and Technology. Russia/USSR. First Half of the 20th Century. Vol. 1. The Turbulent History of Science and Technology]. Moscow, 2018, pp. 102–169.
3. Sinelnikova E.F. Petrograd's Scientific Societies and the Revolution of 1917. *Mod. Hist. Russ.*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 20–38 (in Russ.).
4. Kolchinskiy E.I. Akademiya nauk i russkie revolyutsii 1917 goda [The Academy of Sciences and the Russian Revolutions of 1917]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2017, vol. 87, no. 2, pp. 166–176. <https://doi.org/10.7868/S0869587317020062>
5. Kolchinskiy E.I., Sinel'nikova E.F. *Samoorganizatsiya rossiyskoy nauki v gody krizisa: 1917–1922* [Self-Organization of Russian Science During the Crisis: 1917–1922]. St. Petersburg, 2020. 276 p.
6. Graham L.R. *The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932*. Princeton, 1967. 255 p. <https://doi.org/10.1515/9781400875511>
7. Bradley J. Associations in Times of Political Turmoil: Science Societies and the Bolshevik Regime, 1917–22. Lindemeyr A., Read C., Waldron P. (eds.). *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Book 2: The Experience of War and Revolution*. Bloomington, 2016, pp. 137–172.
8. Solov'ev S.P., Dolivo-Dobrovol'skiy V.V. *Istoriya Vsesoyuznogo mineralogicheskogo obshchestva* [The History of the All-Union Mineralogical Society]. St. Petersburg, 1992. 333 p.
9. Marin Yu.B., Krivovichev S.V. (comps.). *Pochetnye chleny Rossiyskogo mineralogicheskogo obshchestva* [Honorary Members of the Russian Mineralogical Society]. St. Petersburg, 2017. 211 p.
10. Il'inskaya T.B. Rossiyskoe mineralogicheskoe obshchestvo kak sotsial'no-istoricheskiy fenomen (v XIX – pervoy polovine XX v.) [Russian Mineralogical Society as a Socio-Historical Phenomenon (Russian Mineralogical Society in the XIX – First Half of the XX Century)]. *Zapiski RMO*, 2019, pt. 148, no. 1, pp. 29–37. <https://doi.org/10.30695/zrmo/2019.1481.02>
11. Petrov D.A. Perelomnye momenty v istorii Rossiyskogo mineralogicheskogo obshchestva – ot XIX veka k segodnyashnemu dnyu [Turning Points in the History of the Russian Mineralogical Society: From the 19th Century to the Present Day]. *Nauka i tekhnika* [Science and Technology]. St. Petersburg, 2021, pp. 118–119.
12. Mikhaylova M.S., Stokratskaya L.S. Rol' nemetskikh uchenykh v osnovanii i rabote rossiyskikh nauchnykh obshchestv v XVIII–XIX vekakh. K yubileyu Rossiyskogo mineralogicheskogo obshchestva [The Role of German Scientists in the Foundation and Work of Russian Scientific Societies in the 18th – 19th Centuries. To the Anniversary of the Russian Mineralogical Society]. *Sovremennye problemy i perspektivnye napravleniya innovatsionnogo razvitiya nauki* [Current Issues and Promising Areas of Innovative Development in Science]. Ufa, 2016. Pt. 6, pp. 71–74.
13. Zhurnaly zasedaniy Rossiyskogo mineralogicheskogo obshchestva za 1917 g. [Minutes of the Russian Mineralogical Society for 1917]. *Zapiski RMO*, 1925, no. 1, pp. 173–191.
14. Sinel'nikova E.F. Nauchnye obshchestva Petrograda v 1917–1920 gg. (po materialam vystavki Petrogradskogo otdela narodnogo obrazovaniya 1921 g.). [Scientific Societies of Petrograd in 1917–1920 (Based on Materials from the Exhibition of the Petrograd Department of Public Education in 1921)]. *Sotsiologiya nauki i tekhniki*, 2024, vol. 15, no. 3, pp. 107–122.
15. Zhurnaly zasedaniy Rossiyskogo mineralogicheskogo obshchestva za 1921 g. [Minutes of the Russian Mineralogical Society for 1921]. *Zapiski RMO*, 1927, no. 2, pp. 244–263.
16. Sinel'nikova E.F. Konstruiruya sovetskuyu nauku: nauchnye obshchestva v 1920-e gody [Constructing Soviet Science: Scientific Societies in the 1920s]. *Sovetskiy projekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii* [The Soviet Project. 1917–1930s: Stages and Mechanisms of Implementation]. Yekaterinburg, 2018, pp. 454–463.
17. Zhurnaly zasedaniy Rossiyskogo mineralogicheskogo obshchestva za 1924 g. [Minutes of the Russian Mineralogical Society for 1924]. *Zapiski RMO. Vtoraya seriya*, 1925, no. 1, pp. 192–203.

18. Marin Yu.B., Rundkvist D.V. 200 let Rossiyskomu mineralogicheskemu obshchestvu [The 200th Anniversary of the Russian Mineralogical Society]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2017, vol. 87, no. 4, pp. 391–400. <https://doi.org/10.7868/S0869587317040193>

19. Aver'yanov L.V., Baranova O.G. Pochetnye chleny Russkogo Botanicheskogo obshchestva (XX vek) [Honorary Members of the Russian Botanical Society (20th Century)]. *Istoriya botaniki v Rossii: k 100-letnemu yubileyu RBO* [The History of Botany in Russia: To the 100th Anniversary of the Russian Botanical Society]. Tolyatti, 2015. Vol. 1, pp. 16–59.

20. Zhamoyda A.I., Rozhnov S.V., Alekseev A.S., Rozanov A.Yu., Suyarkova A.A. Stoletie Paleontologicheskogo obshchestva Rossii. Istoricheskiy ocherk [100 Years of the Russian Paleontological Society: A Historical Survey]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, 2016, vol. 8, no. 2, pp. 83–106. <https://doi.org/10.24411/2076-8176-2016-11859>

21. *Spisok chlenov Russkogo obshchestva lyubiteley mirovedeniya, ego nauchnykh korrespondentov, sotrudnikov i nablyudateley* [List of Members of the Russian Society of Astronomy Enthusiasts, Its Scientific Correspondents, Employees and Observers]. Leningrad, 1927. 64 p.

Информация об авторе

И.Ю. Матвеев – хранитель музейных предметов I категории Горного музея Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II (адрес: 199106, Санкт-Петербург, 21-я линия Васильевского о-ва, д. 2–4/45).

Information about the author

Ivan Yu. Matveev, First-Category Curator of Museum Items, Mining Museum of Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University (address: 21-ya liniya Vasil'evskogo o-va 2–4/45, St. Petersburg, 199106, Russia).

Поступила в редакцию 21.10.2024

Одобрена после рецензирования 28.01.2025

Принята к публикации 30.01.2025

Submitted 21 October 2024

Approved after reviewing 28 January 2025

Accepted for publication 30 January 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 33–42.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 33–42.

Научная статья
УДК 94(47).084.3:351.741(470.40/.43)
DOI: 10.37482/2687-1505-V418

Кадровая политика и материальное обеспечение органов советской милиции в Среднем Поволжье в 1917–1922 годах

Рашит Алимович Мухамедов¹✉

Максим Валерьевич Чигрин²

^{1,2} Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия

¹e-mail: rasit56@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6181-3249>

²e-mail: maksim-chigrin@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1006-5524>

Аннотация. В статье рассматривается проводимая Российской коммунистической партией (больше-виков) политика по укомплектованию и дальнейшему закреплению кадров в органах милиции в Среднем Поволжье (Симбирской, Самарской, Казанской и Пензенской губерниях) в 1917–1922 годах. Актуальность проблемы заключается в том, что опыт партийных органов и милиции по проведению кадровой политики в сложный период времени (когда одновременно с регулярными военными столкновениями, антисо-ветскими мятежами непрочность власти большевиков в масштабе как страны, так и ее конкретных админи-стративных территориальных единиц привела к росту уровня преступности и массовому распространению разного рода форм девиантного поведения) будет полезным для правительства Российской Федерации при разработке и последующей реализации реформ правоохранительной системы. Методологической базой статьи выступил комплекс общенаучных, специально-исторических принципов и методов научного ис-следования, в т. ч. описательно-повествовательный, проблемно-хронологический, сравнительно-истори-ческий, историко-системный методы и метод статистического анализа. Авторы на базе материалов перио-дической печати и документов региональных архивов (Центрального государственного архива Самарской области, Национального архива Республики Татарстан, Государственного архива Пензенской области, Государственного архива Ульяновской области, Государственного архива новейшей истории Ульяновской области) проследили динамику численности милиционеров, выявили уровень материально-технического обеспечения и финансирования милиции, рассмотрели деятельность сотрудников милиции и уголовного розыска по пресечению уголовной преступности и раскрыли причины роста должностных преступлений среди сотрудников милиции, уделили внимание формированию системы школьно-курсовой и внешколь-ной подготовки кадровых специалистов для органов милиции. В заключение авторы отметили, что, не-смотря на наличие существенных проблем в органах милиции, именно она стала одним из эффективных инструментов среди правоохранительных структур и внесла весомый вклад в обеспечение правопорядка и упрочнение советской власти.

Ключевые слова: Советское государство, Среднее Поволжье, создание милиции, советская милиция, кадровая политика, обеспечение правопорядка, материальное обеспечение милиционера

Для цитирования: Мухамедов, Р. А. Кадровая политика и материальное обеспечение органов советской милиции в Среднем Поволжье в 1917–1922 годах / Р. А. Мухамедов, М. В. Чигрин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 33–42. – DOI 10.37482/2687-1505-V418.

Original article

Personnel Policy and Material Support of Soviet Police Bodies in the Middle Volga Region in 1917–1922

Rashit A. Mukhamedov¹✉

Maksim V. Chigrin²

^{1,2}Ulyanovsk State University of Education, Ulyanovsk, Russia

¹e-mail: rasit56@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6181-3249>

²e-mail: maksim-chigrin@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1006-5524>

Abstract. The article examines the policy of the Russian Communist Party (Bolsheviks) on staffing and further retention of police personnel in the Middle Volga region (Simbirsk, Samara, Kazan and Penza provinces) in 1917–1922. This was a most difficult period when, against the backdrop of regular military clashes and anti-Soviet rebellions, the fragility of the Bolshevik power both on the national scale and locally led to an increase in the crime rate and a wide spread of various forms of deviant behaviour. Studying the experience of party bodies and the police in the implementation of personnel policy will be useful for the Russian government in the development and subsequent introduction of reforms in the law enforcement system. The paper applied a set of general scientific and specific historical principles and methods of research, including descriptive-narrative, problem-chronological, comparative historical, and historical-systematic methods as well as statistical analysis. The authors turned to periodical press materials and documents from regional archives (Central State Archives of the Samara Region, National Archives of the Republic of Tatarstan, State Archives of the Penza Region, State Archives of the Ulyanovsk Region, and State Archives of the Modern History of the Ulyanovsk Region). Changes in the number of police officers were studied, the level of material and technical support and funding of the police was determined, crime prevention activities of police and criminal investigation officers were examined, and the reasons behind the increase in official misconduct among police officers were identified. Further, attention was given to the establishment of the education system, including schools and courses as well as other types of training for police personnel. The authors came to the conclusion that despite significant problems within the police, the latter had been one of the effective instruments in law enforcement and made a significant contribution to maintaining law and order and strengthening Soviet power.

Keywords: Soviet state, Middle Volga region, establishment of the Soviet police, Soviet police, personnel policy, law enforcement, material support for police officers

For citation: Mukhamedov R.A., Chigrin M.V. Personnel Policy and Material Support of Soviet Police Bodies in the Middle Volga Region in 1917–1922. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 33–42. DOI: 10.37482/2687-1505-V418

Одним из условий нормального развития общества и государства является безопасность. Поддержание законности и правопорядка, в свою очередь, не представляется возможным в отсутствие у государства действующих на регулярной основе правоохранительных структур. Бесспорно, один из основополагающих признаков профессионального и эффективного правоохранительного аппарата – проводимая на регулярной основе работа по совершенствованию системы отбора, обучения и дальнейшей переквалификации кадровых специалистов.

История советской милиции на протяжении длительного времени остается одной из актуальных проблем, разработке которой исследователи уделяют существенное внимание. В советский период историографии вопрос создания органов милиции затрагивался следующими историками: Ф.Ш. Насыбуллин [1], В.М. Романов и В.Н. Прокопенко [2], М.П. Киссис [3], В.П. Портнов и М.М. Славин [4], П.Ф. Николаев [5] и В.С. Гольдман [6] вскрыли целый спектр противоречий, с которыми сталкивались местные органы власти при создании специальных образовательных учреждений, ориентированных на подготовку сотрудников милиции. Современный период историографии можно считать качественно новым этапом в изучении проблемы. В научной среде произошел существенный рост историко-правовых исследований, среди которых стоит упомянуть труды И.Е. Карпова [7], А.В. Петрова [8], А.В. Лошакова [9], Н.В. Иванова [10, 11], С.Ю. Михайловой [12], Т.А. Орнацкой [13], С.Ф. Феоктистова [14], Ю.Г. Бубновой [15], А.В. Штепы и Р.А. Мельникова [16]. Тем не менее на сегодняшний день ряд аспектов характеризуемой проблемы затронут лишь фрагментарно.

Методологическую базу статьи составил комплекс общенаучных, специально-исторических принципов и методов научного исследования.

Применение описательно-повествовательного, проблемно-хронологического, сравнительно-исторического, историко-системного методов и метода статистического анализа дало нам возможность глубже изучить особенности кадрового комплектования милиции, проследить динамику кадрового состава и составить представление об уровне материального обеспечения сотрудников правопорядка.

Территориальные рамки научной статьи ограничены Средним Поволжьем (Симбирской, Самарской, Пензенской и Казанской губерниями). На данной территории, преимущественно находившейся в прифронтовой полосе, регулярно происходили процессы как военного, так и политического характера и отмечался существенный рост уровня преступности, вследствие чего органам милиции приходилось действовать в весьма непростых условиях.

Создание советской милиции началось 28 октября 1917 года, сразу же после выхода постановления Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (НКВД)¹. В Самарской губернии, где наблюдалась сложная политическая и социально-экономическая обстановка, большевики первое время были вынуждены опираться на чрезвычайные структуры – революционные комитеты. В прямом подчинении Самарского ревкома была милиция. Управляли правоохранительными органами и координировали их деятельность комиссар ревкома П.А. Кондаков и 12 участковых комиссаров. В Самарской губернии создание советской милиции завершилось к концу ноября 1917 года. Городскую милицию возглавил А.Л. Добролюбов². В Пензенской губернии процесс формирования органов правопорядка завершился в январе 1918 года. Губмилицию возглавил А.П. Оленин. Также были созданы городская и уголовная милиции³. В Симбирской губернии формирование правоохранительных органов закончилось в феврале

¹О рабочей милиции: постановление НКВД РСФСР от 28 окт. (10 нояб.) 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 16.

²ЦГАСО (Центр. гос. арх. Самар. обл.). Ф. Р-857. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

³ГАПО (Гос. арх. Пенз. обл.). Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

1918 года. На должность губернского комиссара внутренних дел партией был выдвинут М.Д. Крымов⁴.

В административных единицах Среднего Поволжья партийные органы издали рекомендацию, согласно которой из-за тяжелой финансовой ситуации сотрудники правоохранительных органов некоторое время не могли рассчитывать на выплату заработной платы в полном размере. Превалирующее количество милиционеров составляли направленные партией работники предприятий промышленного типа. Например, в Самарской губернии к работе в милиции были привлечены рабочие Трубочного завода П.А. Кондаков, И.Я. Кузьмин, А.Д. Мегелик, П.Г. Кулагин и А.А. Булышкин. На добровольных началах привлекались к охране правопорядка и жители⁵. В первом квартале 1918 года по инициативе партийных органов была проведена серия проверок на предмет установления лояльности милиционеров советской власти. В результате было принято решение уволить 75 милиционеров, в т. ч. 42 чел., работавших в правоохранительных органах в период Российской империи⁶.

После освобождения Самарской губернии 7 октября 1918 года от сторонников Комитета членов Учредительного собрания начался процесс воссоздания советских структур. Так, уже 10 октября была восстановлена работа органов милиции. По указанию местных властей милицию в Самаре возглавил Е.И. Пархоменко, а ее отделения – А.Д. Кузнецов, П.Г. Кулагин и Н.И. Гринюк. Активно создавались правоохранительные органы и в уездных единицах: в Мелекессе – 8 октября, в Балакове – 10 декабря, в остальных уездах – в апреле–мае 1919 года. В органах правопорядка числилось свыше

600 милиционеров⁷. Большая работа по восстановлению деятельности правоохранительных органов в Самарской губернии была проведена губкомиссаром внутренних дел А.П. Галактионовым. На базе правоохранительных структур по его инициативе совместно с сотрудниками партийных органов была создана специальная комиссия, члены которой выносили решение на предмет соответствия профессиональных и личностных качеств потенциального сотрудника запрашиваемой должности. Только за лето 1919 года комиссией было вынесено 24 положительных решения о принятии граждан в органы милиции. Кроме этого, частично был удовлетворен и запрос Галактионова к партийным органам о выделении местной милиции финансовой поддержки из средств бюджета⁸.

К началу 1919 года завершился процесс восстановления и организации деятельности органов милиции в Симбирской губернии. В штат управления милиции вошел 21 сотрудник. Начальником управления милиции был выбран И.П. Корчагин. По распоряжению партийных органов Симбирск разделили на 5 районов, каждый из которых обслуживался начальником, его помощниками и постовыми. При этом штат органов милиции в районах в среднем колебался от 9 до 16 чел. Наиболее крупным уездом был Симбирский. На должность уездного комиссара милиции был назначен Ф.А. Николаев. Общая штатная численность работников милиции в губернии превышала 400 чел.⁹

Активно росла численность сотрудников милиции и в Казанской губернии. По состоянию на апрель 1919 года по штату насчитывалось 2678 милиционеров и вспомога-

⁴ГАУО (Гос. арх. Ульянов. обл.). Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 346. Л. 5.

⁵ЦГАСО. Ф. Р-857. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

⁶ТАПО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

⁷ЦГАСО. Ф. Р-857. Оп. 9. Д. 8. Л. 5.

⁸Там же. Д. 6. Л. 3.

⁹ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 346. Л. 5.

ва, в т. ч. в губернской милиции – 672 чел., уездной – 1462 чел., железнодорожной – 544 чел. Вместе с тем остро ощущался дефицит обмундирования и вооружения – полностью укомплектовано было лишь 60 % кадрового состава¹⁰.

Местным органам власти в административных единицах Среднего Поволжья выстроить эффективную работу правоохранительных структур мешал целый ряд факторов, среди которых ведущее место занимала проблема оргштатного построения, вызванная имевшимися изъятиями в подчинении милиции и уголовного розыска органам местного административного управления, а параллельно – столичным Центро-розыску и Главному управлению милиции НКВД. Но стоит подчеркнуть, что благодаря самоотверженному труду и проявлению смекалки и инициативы со стороны лиц, занимавших руководящие посты в местных органах милиции, при весьма ограниченных ресурсах иногда все же удавалось вести успешную борьбу с криминальными элементами. Например, во второй половине 1919 года в Сызрани уголовный розыск возглавил бывший столичный следователь О.Я. Медвис. Он приехал из Москвы в критическое для Сызрани время, когда кражи на заводах становились обыденностью, а потери произведенной предприятиями промышленного типа продукции превышали десятки тысяч рублей. Только за первое полугодие 1919 года в городе было зарегистрировано более 1200 преступлений. Медвису удалось, используя личные связи, пригласить на работу в Сызрань трех квалифицированных сотрудников правоохранительных органов: из Московской губернии – Таницена, из Тулы – Плутархова, из Чернигова – Винокурова¹¹. При их участии был

введен распорядок рабочего дня, разработаны новая форма для сотрудников, а также специальная система премирования, предусматривающая вручение специализированных знаков отличия и продовольственного набора. Уже к ноябрю 1919 года раскрываемость уголовных дел выросла на 30 %. Важнейшим успехом уголовного розыска в Самарской губернии стало задержание членов преступной группировки во главе с Иваном Дызовым, совершившей более 30 преступлений¹².

Препятствовал работе правоохранительных структур в Среднем Поволжье и острый кадровый голод, вызванный прежде всего проблемой материального обеспечения сотрудников. В частности, к июню 1919 года в штате отдела угрозыска г. Казани и губернии осталось работать лишь 53 из необходимых 70 чел. В среднем каждый сотрудник вел по 28–33 дела в месяц. Завотделом управления Н.И. Голубятников отмечал в докладе следующее: «Вследствие большой перегруженности работой, плохого питания постоянно болеет не менее двух человек. Необходимо кадровое пополнение»¹³.

Дефицит кадров в правоохранительных органах Среднего Поволжья был обусловлен и мобилизацией милиционеров на фронт. Самарская губерния в 1919 году мобилизовала 131 сотрудника, а Пензенская, Казанская и Симбирская губернии – свыше 200 чел.¹⁴ В 1920 году Самарской городской милицией было мобилизовано 122 сотрудника¹⁵.

Большое значение в деле дальнейшего совершенствования работы милиции имело решение, принятое в ходе III Всероссийского съезда заведующих отделами управлений исполкомов РСФСР, состоявшегося 29–31 января 1920 года, о необходимости подбора ко-

¹⁰НАРТ (Нац. арх. Респ. Татарстан). Ф. 116. Оп. 1. Д. 335. Л. 3.

¹¹ЦГАСО. Ф. Р166. Оп. 1. Д. 10. Л. 104.

¹²Там же. Л. 105.

¹³НАРТ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 325. Л. 24.

¹⁴ЦГАСО. Ф. Р166. Оп. 1. Д. 10. Л. 71.

¹⁵Тяжелые годы позади // Коммуна. 1927. 12 нояб.

мандного состава исключительно из числа опытных советских работников-коммунистов. В начале февраля 1920 года начальником Казанской губернской милиции стал кадровый партийный работник В. Костицын, который сразу же приступил к работе, связанной с реформированием местной милиции. При губмилиции был создан подотдел инспекции. Заведующим данной структурной единицей был назначен А.А. Плотников. В ее состав также были включены И.И. Волков – замгубинспектора и Р.А. Холмский – помощник губинспектора [1, с. 146]. Начальник губмилиции В. Костицын принял решение увеличить штат милиции за счет числа демобилизованных из Рабоче-крестьянской Красной армии, которые уже не могли воевать «по причинам физической немоции»¹⁶.

С целью охраны собственности во второй половине 1920 года в Среднем Поволжье была создана промышленная милиция. Так, к концу июля была организована деятельность промышленной милиции в Казани, в состав которой вошли 530 сотрудников: начальствующий состав – 10 чел., старшие милиционеры – 18 чел., младшие милиционеры – 500 чел., работники канцелярии – 2 чел.¹⁷ В Самарской губернии в промышленной милиции числилось свыше 1250 сотрудников¹⁸.

Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета 24 октября 1921 года утвердил нормативно-правовой акт, согласно которому начальники милиции губерний и уездных единиц не могли быть перемещены со своей должности в течение года¹⁹. Кроме того, в правоохранительных органах

возникла новая форма поощрения работников – признание их героями труда. В Самарской губернии такой награды удостоился инспектор угрозыска Р.П. Танюшкин, благодаря которому было раскрыто более 10 правонарушений. Награжден был и помощник начальника 4-го отделения Д.Ф. Кузьмин, которым за годы службы «было задержано свыше 20 конокрадов»²⁰.

В 1922 году был введен порядок денежного вознаграждения, предусматривавший возможность выдачи сотрудникам милиции премии в размере 3 месячных окладов на уровне губернской единицы и в размере месячного – на уровне уездной единицы. Сотрудники угрозыска могли рассчитывать на прибавку до 50 % от оклада. Однако в 1921 году заработная плата сотрудника милиции в сравнении с зарплатой курьера при партийных структурах была практически в 9 раз ниже, а продуктовый паек – в 2,5 раза меньше²¹.

Особое место в повышении квалификации состава милиции занимала специальная подготовка. В апреле 1921 года НКВД утвердил Положение о курсах командного состава милиции, а с 1922 года получили развитие различные формы внешкольной профессиональной подготовки работников милиции. К сентябрю 1922 года в РСФСР существовало 48 школ милиции, где обучалось более 10 тыс. чел. В дальнейшем, в связи с «чисткой», наметилась тенденция к сокращению образовательных учреждений по подготовке милиционеров. К декабрю 1922 года число школ милиции уменьшилось на четверть²². Жители Среднего Поволжья, изъявившие желание работать в органах правопорядка, как правило, проходили

¹⁶НАРТ. Ф. 3997. Оп. 1. Д. 20. Л. 22.

¹⁷Там же. Д. 22а. Л. 39.

¹⁸ЦГАСО. Ф. Р857. Оп. 1. Д. 94. Л. 4.

¹⁹О назначении и смещении начальников милиции губерний, уездов и областей: декрет ВЦИК от 24 окт. 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. М., 1944. С. 924.

²⁰ЦГАСО. Ф. Р857. Оп. 5. Д. 86. Л. 4.

²¹ГАНИ УО (Гос. арх. новейшей истории Ульянов. обл.). Ф. 63. Оп. 1. Д. 11. Л. 162.

²²Там же. Л. 274.

обучение либо в школах милиции соседних административных единиц, либо в рамках краткосрочной курсовой подготовки на базе местных структурных единиц милиции. В Самаре решение об открытии школы милиции было принято 25 декабря 1922 года. Ее начальником был назначен товарищ Оськин, ранее занимавший должность начальника резерва губмилиции²³. Стоит отметить, что процесс создания школ милиции в характеризуемом регионе происходил преимущественно после 1922 года, поэтому не был нами подробно рассмотрен. Всего в 1921–1922 годах в Среднем Поволжье успешно завершили обучение в рамках курсовой подготовки и прохождения обучения в школах милиции соседних административных единиц 670 чел.²⁴

В 1917–1922 годах в губерниях Среднего Поволжья превалировала сложная политическая и социально-экономическая обстановка: царили хаос и безработица, отсутствовал прочный аппарат местных органов власти. Это усиливало уверенность работников милиции в безнаказанности и приводило к росту должностных правонарушений. В данный период в Среднем Поволжье революционными трибуналами было расследовано 12 108 дел, среди которых 3026 касались должностных правонарушений, среди последних доля преступлений работников милиции составляла от 12 до 14 %²⁵.

Встречались случаи, когда руководство милиции и партийных структур всячески препятствовало ходу расследования особо резонансных правонарушений. Например, начальник губмилиции Поцелуев не хотел признавать факт совершения преступления сотрудниками Карсунской уездной милиции. Прибыв 27 декабря 1921 года в Карсун, он занял сторону местных

властей и обвинил губисполком в том, что тот послал беспартийных следователей, к которым нет доверия. Поцелуев заявил, что Карсунская милиция является образцовой и потому нет никакой необходимости в отстранении ее начальника Иванова, хотя уже имелся достаточный материал, чтобы последнего отстранить и арестовать. В конце концов Поцелуев согласился на отстранение начальника уездной милиции и сообщил следователю, что Иванов устранен и заменен. Однако в дальнейшем, после инициированной губисполком проверки, было установлено, что Иванов продолжал занимать свою должность. Видя такое отношение к комиссии, прибывшей из Симбирска, следователи были вынуждены покинуть пределы Карсунского уезда²⁶.

Несмотря на предпринимаемые партийными органами и руководством правоохранительных структур меры, в Среднем Поволжье так и не удалось значительно продвинуться в решении проблемы дефицита кадров. Привлечению сотрудников и закреплению их на рабочих местах прежде всего препятствовало неудовлетворительное материальное состояние органов милиции. Например, в Симбирской губернии к октябрю 1922 года обмундированием и обувью была обеспечена лишь треть сотрудников. Медицинскую помощь милиционерам оказывали амбулатория, горбольница и медицинские пункты. Несмотря на то, что по распоряжению партийных органов заработная плата милиционеров была повышена по сравнению с 1920 годом в среднем на 90–105 %, большая часть сотрудников по-прежнему не могла себе позволить приобретение целого ряда продукции²⁷. Так, 28 сентября 1922 года начальник Симгубупргрозыска Крутилин в своем докладе в партийный комитет писал следующее: «Уголовный

²³ЦГАСО. Ф. Р857. Оп. 5. Д. 86. Л. 4.

²⁴ГАНИ УО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 11. Л. 276.

²⁵Там же. Л. 290.

²⁶Там же. Д. 453. Л. 8.

²⁷Там же. Д. 613. Л. 16.

розыск находится в весьма затруднительном положении и при всем моем желании и прилагаемых усилиях не может дать большей продуктивной работы. Сотрудник получает в месяц 36,11 фунтов муки, 7 фунтов пшеницы, фунт масла, 4,4 фунта рыбы и 1300 рублей жалованья денежными знаками сего года. На получаемые денежные средства может жить только одинокий агент, тогда как для семейного человека их недостаточно. Весьма маленький у нас и штат. Мне пришлось уволить 9 старых агентов за разного рода преступления, дискредитировавшие советскую власть. Взамен них пришли 4 молодых сотрудника, младше 16 лет. На данный момент у нас работает только 8 человек из положенных по штату 12. Обыски, аресты и задержания приходится вести с большой осторожностью. Агенты, работая день и ночь, не получают выше 2300 рублей. В силу критического материального положения многие сотрудники идут на преступления. Прошу отнестись с пониманием и принять меры»²⁸.

В связи с дефицитом бюджета в Среднем Поволжье в целом отмечалось неуклонное сокращение штата органов дознания. В октябре 1922 года в милиции Симбирской губернии вместо необходимых по штату 900 сотрудников числилось всего 580, в т. ч. 158 чел. в уездной милиции, а в угрозыске вместо 70 сотрудников трудилось лишь 37²⁹. В Самарской губернии, за исключением Бугурусланского уезда, штат

милиции был недоукомплектован практически на треть, в Казанской губернии – на 16 %, а в Пензенской – на 21 %³⁰.

Таким образом, в Среднем Поволжье в период с 1917 по 1922 год партийные структуры предпринимали целый спектр мер, носивших организационно-политический, организационно-технический характер и направленных на пополнение и укрепление кадрами органов милиции. Набор сотрудников в правоохранительные органы производился в основном в соответствии с классовым принципом. Подготовка специалистов и повышение их квалификационного уровня осуществлялись либо в школах милиции г. Самары и соседних административных единиц Среднего Поволжья, либо на краткосрочных курсах, организованных при местных органах милиции. Вследствие неудовлетворительного материального положения правоохранительных органов систематически усугублялась и кадровая проблема. Возраставший уровень текучести кадров не удавалось нивелировать за счет притока новых сотрудников, т. к. многие из пришедших вскоре увольнялись.

Тем не менее при весьма скудных ресурсах благодаря самоотверженному труду сотрудников и безразличию лиц, занимавших руководящие посты, милиция стала одним из наиболее эффективных инструментов правоохранительных структур Среднего Поволжья и сыграла важную роль в обеспечении правопорядка и упрочнении советской власти.

Список литературы

1. *Насыбуллин Ф.Ш.* Правоохранительные органы Татарии в период создания основ социализма (совершенствование структуры и деятельности): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1985. 214 с.
2. *Прокопенко В.Н., Романов В.М.* Советская милиция (1917–1920 гг.) / под ред. командира милиции 3-го ранга А.М. Волкова. М.: Юрид. лит., 1965. 112 с.
3. *Киссис М.П.* Основные этапы истории советской милиции. М.: Б. и., 1965. 29 с.

²⁸ГАНИ УО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 453. Л. 100.

²⁹Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 613. Л. 18.

³⁰НАРТ. Ф. 3997. Оп. 1. Д. 22а. Л. 39.

4. Портнов В.П., Славин М.М. Некоторые вопросы истории советской милиции (1917–1920 гг.) / отв. ред. С.В. Боботов; АН СССР, Ин-т гос-ва и права. М.: Наука, 1990. 165 с.
5. Николаев П.Ф. Развитие сети школ милиции в РСФСР (1917–1918) // Вопросы истории, философии, политэкономии: сб. ст. / отв. ред. В.Г. Смирнов. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, Омск. отд-ние, 1968. С. 95–105. (Научные труды / Омская высшая школа милиции МООП СССР; вып. 2).
6. Гольдман В.С. Из истории организации школ и курсов милиции РСФСР (1917–1925) // Труды Высшей школы Министерства охраны общественного порядка СССР: сб. ст. Вып. 20 / гл. ред. М.И. Еропкин. М.: Б. и., 1968. С. 80–98.
7. Карпов И.Е. Организационно-правовые основы становления и деятельности органов милиции Самарской губернии, 1917–1925 гг.: дис. канд. ... юрид. наук. Саратов, 1998. 230 с.
8. Петров А.В. Организационно-правовые основы становления аппаратов уголовного розыска на Южном Урале в первые годы Советской власти, 1917–1923 гг.: дис. канд. ... юрид. наук. М., 2000. 282 с.
9. Лошаков А.В. Борьба с преступностью в Симбирской губернии в годы Гражданской войны и НЭПа. Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2014. 136 с.
10. Иванов Н.В. История становления и развития кадровой службы Министерства внутренних дел по Чувашской Республике (1920–2010 гг.) / науч. ред. С.Ю. Михайлова. Чебоксары: Перфектум, 2010. 222 с.
11. Иванов Н.В. Милиция Чувашии: институционализация и основные формы правоохранительной деятельности (1917–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2022. 475 с.
12. Михайлова С.Ю., Иванов Н.В. История милиции Чувашии: опыт и традиции изучения. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 191 с.
13. Орнацкая Т.А. Кадровая политика в правоохранительных органах (на примере советской милиции Дальнего Востока в 1920–1930-е годы) // Ист. журн.: науч. исслед. 2016. № 4(34). С. 441–449. <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2016.4.18620>
14. Феоктистов С.Ф. Милиция Забайкалья: ее развитие и деятельность (1917 – начало 1930-х годов): историко-правовой аспект. Иркутск: БГУЭП, 2005. 176 с.
15. Бубнова Ю.Г. Милиция Владимирской губернии в 1917–1929 гг.: организация и деятельность: моногр. Владимир: Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, 2007. 167 с.
16. Штепа А.В., Мельников Р.А. Проблемы кадрового обеспечения советской милиции в Калужской губернии в 1920-е гг. // Ист. бюл. 2024. Т. 7, № 3. С. 29–36.

References

1. Nasybullin F.Sh. *Pravookhranitel'nye organy Tatarii v period sozdaniya osnov sotsializma (sovershenstvovanie struktury i deyatel'nosti)* [Law Enforcement Agencies of Tatarstan During the Period of Laying the Foundations of Socialism (Improvement of Their Structure and Activities): Diss.]. Kazan, 1985. 214 p.
2. Prokopenko V.N., Romanov V.M. *Sovetskaya militsiya (1917–1920 gg.)* [The Soviet Police (1917–1920)]. Moscow, 1965. 112 p.
3. Kissis M.P. *Osnovnye etapy istorii sovetskoy militsii* [Key Stages in the History of the Soviet Police]. Moscow, 1965. 29 p.
4. Portnov V.P., Slavin M.M. *Nekotorye voprosy istorii sovetskoy militsii (1917–1920 gg.)* [Some Issues in the History of the Soviet Police (1917–1920)]. Moscow, 1990. 165 p.
5. Nikolaev P.F. *Razvitie seti shkol militsii v RSFSR (1917–1918)* [Development of the Network of Police Schools in the RSFSR (1917–1918)]. Smirnov V.G. (ed.). *Voprosy istorii, filosofii, politekonomii* [Issues of History, Philosophy and Political Economy]. Omsk, 1968. Iss. 2, pp. 95–105.
6. Gol'dman B.C. *Iz istorii organizatsii shkol i kursov militsii RSFSR (1917–1925)* [From the History of the Organization of Police Schools and Courses in the RSFSR (1917–1925)]. Eropkin M.I. (ed.). *Trudy Vysshey shkoly Ministerstva okhrany obshchestvennogo poriadka SSSR* [Proceedings of the Higher School of the Ministry of Public Order of the USSR]. Iss. 20. Moscow, 1968, pp. 80–98.
7. Karpov I.E. *Organizatsionno-pravovye osnovy stanovleniya i deyatel'nosti organov militsii Samarskoy gubernii, 1917–1925 gg.* [Organizational and Legal Foundations for the Establishment and Activities of Police Agencies in the Samara Province, 1917–1925: Diss.]. Saratov, 1998. 230 p.
8. Petrov A.V. *Organizatsionno-pravovye osnovy stanovleniya apparatov ugovnogo rozyska na Yuzhnom Urale v pervye gody Sovetskoy vlasti, 1917–1923 gg.* [Organizational and Legal Foundations for the Development of Criminal Investigation Departments in the Southern Urals During the Early Years of Soviet Power, 1917–1923: Diss.]. Moscow, 2000. 282 p.

9. Loshakov A.V. *Bor'ba s prestupnost'yu v Simbirskoy gubernii v gody Grazhdanskoy voyny i NEPa* [Fighting Crime in the Simbirsk Province During the Civil War and the New Economic Policy]. Ulyanovsk, 2014. 136 p.

10. Ivanov N.V. *Istoriya stanovleniya i razvitiya kadrovoy sluzhby Ministerstva vnutrennikh del po Chuvashskoy Respublike (1920–2010 gg.)* [The History of the Establishment and Development of the Personnel Service of the Ministry of Internal Affairs in the Chuvash Republic (1920–2010)]. Cheboksary, 2010. 222 p.

11. Ivanov N.V. *Militsiya Chuvashii: institutsionalizatsiya i osnovnye formy pravookhranitel'noy deyatel'nosti (1917–1991 gg.)* [The Police in Chuvashia: Institutionalization and Main Forms of Law Enforcement Activity (1917–1991): Diss.]. Kazan, 2022. 475 p.

12. Mikhaylova S.Yu., Ivanov N.V. *Istoriya militsii Chuvashii: opyt i traditsii izucheniya* [The History of the Chuvash Police: The Experience and Traditions of Study]. Cheboksary, 2016. 191 p.

13. Ornatskaya T.A. *Kadrovaya politika v pravookhranitel'nykh organakh (na primere sovetskoy militsii Dal'nego Vostoka v 1920–1930-e gody)* [Personnel Policy in Law Enforcement Agencies (Exemplified by the Soviet Police in the Far East in the 1920s – 1930s)]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 2016, no. 4, pp. 441–449. <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2016.4.18620>

14. Feoktistov S.F. *Militsiya Zabaykal'ya: ee razvitie i deyatel'nost' (1917 – nachalo 1930-kh godov): istoriko-pravovoy aspekt* [The Police in Transbaikalia: Its Development and Activities (1917 – Early 1930s): Historical and Legal Aspect]. Irkutsk, 2005. 176 p.

15. Bubnova Yu.G. *Militsiya Vladimirskoy gubernii v 1917–1929 gg.: organizatsiya i deyatel'nost'* [The Police in the Vladimir Province in 1917–1929: Organization and Activities]. Vladimir, 2007. 167 p.

16. Shtepa A.V., Melnikov R.A. The Problems of Staffing the Soviet Militia in the Kaluga Province in the 1920s. *Hist. Bull.*, 2024, vol. 7, no. 3, pp. 29–36 (in Russ.). <https://doi.org/10.58224/2658-5685-2024-7-3-29-36>

Информация об авторах

Р.А. Мухамедов – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (адрес: 432071, г. Ульяновск, пл. Ленина, д. 4/5).

М.В. Чигрин – кандидат исторических наук, исследователь-краевед Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (адрес: 432071, г. Ульяновск, пл. Ленина, д. 4/5)

Information about the authors

Rashit A. Mukhamedov, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Prof. at the History Department, Ulyanovsk State University of Education (address: pl. Lenina 4/5, Ulyanovsk, 432071, Russia).

Maksim V. Chigrin, Cand. Sci. (Hist.), Local Historian at Ulyanovsk State University of Education (address: pl. Lenina 4/5, Ulyanovsk, 432071, Russia).

Поступила в редакцию 25.09.2024

Одобрена после рецензирования 27.12.2024

Принята к публикации 15.01.2025

Submitted 25 September 2024

Approved after reviewing 27 December 2024

Accepted for publication 15 January 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 43–53.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 43–53.

Обзорная статья
УДК [94(470)+94(73).092.9]:[94(569.1)+327]
DOI: 10.37482/2687-1505-V416

Российско-американские отношения в аспекте политического конфликта в Сирии

Владимир Юрьевич Лукьянов

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: Volodya.luckyanov2017@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9559-1733>

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимодействия России и США в ходе политического конфликта в Сирии как важнейшего фактора, влияющего на российско-американские отношения, которые могут быть охарактеризованы как крайне напряженные. Проблема рассматривается в историко-политической ретроспективе – с момента начала конфликта в 2011 году до наших дней. Анализ развития отношений России и США проводится в политико-дипломатическом плане. Раскрываются причины активного участия России и США в решении сирийской проблемы, трактовка сторонами предпосылок возникновения конфликта и путей его разрешения. Особое внимание уделяется противостоянию России и США в ООН, которое автор определяет как войну резолюций. Отмечается, что позиции России и США в ООН с момента возникновения конфликта были диаметрально противоположными. Если США в частности и Запад в целом стремились добиться от Совета Безопасности ООН утверждения резолюций, называющих единственным виновником конфликта президента Б. Асада, предусматривающих введение против режима Асада политических и экономических санкций и даже проведение военной операции, то Россия считала перекладывание ответственности за кризис на одну из сторон неприемлемым, а вооруженное вмешательство – недопустимым, и блокировала совместно с Китаем, путем использования права вето, попытки стран Запада принять антиасадовские резолюции. В контексте отношений США и России анализируются последствия ввода на территорию Сирии войск западной коалиции во главе с США в 2014 году и Вооруженных сил РФ в 2015 году, проблема применения химического оружия, борьба с терроризмом, прежде всего с Исламским государством¹. Рассматривается политико-дипломатический аспект российско-американских отношений вне Совета Безопасности ООН – в рамках так называемых женеевского и астанинского форматов. Заключительная часть статьи посвящена подведению итогов противостояния России и США, определению перспектив развития российско-американских отношений с учетом сирийского фактора.

Ключевые слова: политический конфликт в Сирии, Россия, США, Совет Безопасности ООН, ИГИЛ, химическое оружие, женеевский формат, астанинский формат

© Лукьянов В.Ю., 2025

¹Террористическая организация «Исламское государство» (ИГИЛ) запрещена на территории Российской Федерации.

Для цитирования: Лукьянов, В. Ю. Российско-американские отношения в аспекте политического конфликта в Сирии / В. Ю. Лукьянов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 43-53. – DOI 10.37482/2687-1505-V416.

Review article

Russia–United States Relations in Terms of the Political Conflict in Syria

Vladimir Yu. Luk'yanov

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia,

e-mail: Volodya.luckyanov2017@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9559-1733>

Abstract. This article analyses the interaction between Russia and the USA during the political conflict in Syria as the most important factor in Russia–US relations, which can be described as extremely tense. The issue is considered in the historical-political retrospect, since the start of the conflict in 2011 to the present day. The development of Russia–US relations is analysed from the political and diplomatic point of view. The reasons behind the active involvement of Russia and the USA in solving the Syrian problem are indicated. The parties' interpretation of the underlying causes of the conflict and ways to resolve it are described. Special attention is given to the confrontation between Russia and the USA in the United Nations (UN), which the author defines as a war of resolutions. It is noted that the positions of Russia and the United States in the UN have been diametrically opposed since the outbreak of the conflict. The USA and the West as a whole worked to persuade the UN Security Council to approve resolutions proclaiming Bashar al-Assad as the only actor responsible for the conflict, imposing political and economic sanctions on the Assad regime and even authorizing a military operation. At the same time, Russia considered shifting responsibility for the conflict onto one of the parties and resorting to armed intervention unacceptable and, therefore, along with China, vetoed the anti-Assad resolutions. In the context of Russian-American relations, the author analyses the consequences of the entry into Syria of the troops of the US-led Western coalition in 2014 and of Russian armed forces in 2015, as well as considers the problem of using chemical weapons and the fight against terrorism, primarily against the Islamic State. In addition, the political and diplomatic aspect of Russia–US relations outside the UN Security Council, namely, within the framework of the so-called Geneva and Astana formats, is studied. The final part of the article summarizes the results of the confrontation between Russia and the USA and examines prospects for the development of Russia–US relations, taking into account the Syrian factor.

Keywords: *political conflict in Syria, Russia, USA, United Nations Security Council, ISIS, chemical weapons, Geneva format, Astana format*

For citation: Luk'yanov V.Yu. Russia–United States Relations in Terms of the Political Conflict in Syria. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 43–53. DOI: 10.37482/2687-1505-V416

Современные российско-американские отношения можно охарактеризовать как крайне напряженные. Главной причиной усиления напряженности стал, безусловно, политический

кризис на Украине. Сирийский конфликт, начавшийся почти одновременно с украинским, также является фактором, оказавшим существенное влияние на современные российско-американ-

ские отношения. По этой причине анализ сирийского конфликта в аспекте отношений Россия – США представляется актуальным.

Проблеме сирийского конфликта посвящено значительное количество трудов как отечественных, так и зарубежных исследователей. Прежде всего необходимо остановиться на тех, что дают общее представление о конфликте. Б.В. Долгов комплексно раскрывает предпосылки возникновения и развития кризиса [1–3]. М.С. Ходынская-Голенищева приводит обзор противостоящих друг другу политических сил, рассматривает причины возникновения конфликта, политику России в ходе кризиса, роль ООН в его урегулировании [4, 5]. Следует отметить и коллективную монографию Института востоковедения РАН, раскрывающую глобальные трансформации, происходящие сегодня в Ближневосточном регионе [6].

К другой группе относятся источники, посвященные непосредственно проблеме отношений России и США в период кризиса. Стоит выделить работы А.П. Косова, О.А. Хлопова, Д.В. Антощенко, А.А. Черных, С.Д. Багдасарян, С.В. Петровой. В них осуществляется комплексный анализ развития отношений России и США в ходе сирийского конфликта [7], рассматриваются проблема использования химического оружия в Сирии в аспекте российско-американских отношений [8], взаимодействие двух государств в ходе проведения операций против ИГИЛ [9], стратегические цели и геополитические задачи России и США в конфликте [10, 11]. В коллективной монографии сотрудников Института США и Канады РАН приведен обзор российско-американских отношений на современном этапе, в частности раскрыта проблема отношений России и США на Ближнем Востоке [12]. В труде, написанном при участии сотрудников Института США и Канады и Института Европы РАН, детально описано взаимодействие России, США и Евросоюза в ходе сирийского

кризиса [13]. Упомянем также публикацию директора Института США и Канады академика С.М. Рогова, посвященную взаимодействию России и США в ходе конфликта в Сирии², и статью Д.А. Кочегурова и М.С. Садыгзаде, анализирующих тенденции развития политики США на Ближнем Востоке [14].

Проблема российско-американских отношений в сирийском конфликте представлена и в трудах зарубежных экспертов [15–18], основная мысль которых состоит в том, что задача России – заставить США в частности и Запад в целом признать ее как значимого геополитического игрока как на Ближнем Востоке, так и в глобальном плане.

Говоря о цели работы, автор считает необходимым отметить следующее обстоятельство. В ходе сирийского конфликта Россия и США занимали разные, порой взаимоисключающие позиции, с диаметрально противоположных точек зрения оценивая одни и те же события. Автор не придерживается ни проамериканской, ни пророссийской позиции. Цель статьи – проанализировать развитие отношений России и США, спрогнозировать возможность использования опыта сирийского конфликта в современных российско-американских отношениях.

Начальной точкой кризиса считаются протесты января–февраля 2011 года в Сирии. Протестующие требовали отмены чрезвычайного положения, действующего в Сирии с 1963 года, политических прав и свобод, борьбы с коррупцией. Ситуация обострилась в марте 2011 года, после использования армии для подавления беспорядков в городе Дера. Эти беспорядки стали поводом для перехода от лозунгов с требованием проведения реформ к лозунгам о смене режима [19, с. 72].

Практически сразу были даны две трактовки событий 2011 года. Первая отражала позицию Запада, с точки зрения которого вина за происходящее лежала на президенте Б. Асаде.

²Академик РАН Сергей Рогов: РФ и США начинают искать совместный подход к сирийскому урегулированию. 2015. 21 сент. URL: <https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=b61840d6-6f9e-43f3-9283-e7ed40d2417a&print=1> (дата обращения: 09.10.2024).

Асада обвиняли в применении силы против мирных демонстрантов, массовых убийствах, преследовании противников режима, применении пыток и т. д.³

Альтернативная точка зрения, которой придерживались власти Сирии, возлагала ответственность на оппозицию и внешнее вмешательство. В ноябре 2011 года Лига арабских государств предложила план урегулирования кризиса, для реализации которого в Сирию была направлена специальная миссия. В докладе, подготовленном по итогам работы, отмечалось выполнение практически всех пунктов плана официальным Дамаском [1, с. 7] и говорилось о преступлениях оппозиции. Оппозиция обвинялась в похищениях людей, обстрелах правительственных сил, нападениях на журналистов, уничтожении культурного наследия – памятников архитектуры, мечетей, монастырей и т. д. [1, с. 7–8]. Весной 2011 года оппозиция осуществила ряд террористических актов – захваты заложников, взрывы на нефтепроводах [20, с. 37]. В начале кризиса обозначилось и вмешательство иностранных государств. Так, активную помощь противникам Б. Асада оказала Турция, с территории которой в Сирию стали проникать вооруженные группы оппозиции [19, с. 60].

О вине оппозиции говорили и российские политики. Глава МИД С.В. Лавров в сентябре 2024 года заявил, что причиной событий 2011 года стали антиправительственные демонстрации, сопровождавшиеся нападениями на представителей власти, чем воспользовались боевики

незаконных вооруженных формирований, в т. ч. террористы из Аль Каиды⁴ и ИГИЛ⁵.

Необходимо отметить, что социально-экономическое положение Сирии к моменту начала кризиса было достаточно устойчивым. Уровень инфляции в стране (2 %) был значительно ниже, а ВВП на душу населения (4800 долл. США) – значительно выше, чем в соседних Египте и Тунисе, где произошло свержение власти. Кроме того, по инициативе президента Б. Асада в стране проводились реформы, направленные на демократизацию общественно-политической жизни, появились независимые общественные организации – так называемые форумы национального диалога, в которых участвовали представители сирийской интеллигенции, придерживавшиеся самых разных политических взглядов [21].

Таким образом, уже в самом начале сформировались два взаимоисключающих подхода к оценке сирийских событий, и они будут проходить красной нитью через весь кризис.

В гражданскую войну, начавшуюся между оппозицией и силами, поддержавшими Б. Асада, были вовлечены ведущие геополитические акторы. Причина заключалась в том, что «развитие конфликта в САР [Сирийской Арабской Республике] во многом определяет ситуацию в регионе, а также в достаточной степени глобальную политику в целом» [1, с. 6]. Важную роль в конфликте сыграло участие ИГИЛ – террористической организации, ставящей целью построение «исламского халифата» – государства, живущего по законам радикального исламизма.

³Annual Report: Syria 2011. 2011. June 21. URL: <https://www.amnestyusa.org/reports/annual-report-syria-2011/> (дата обращения: 20.04.2024); EU Condemns 'Unacceptable' Repression in Syria. URL: <https://www.middle-east-online.com/english/?id=45066> (дата обращения: 22.04.2024); Obama Condemns 'Abhorrent Violence' of Syrian Government. 2011. Sept. 4. URL: <https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4054242,00.html> (дата обращения: 20.08.2024); Holliday J. Middle East Security Report 2. The Struggle for Syria in 2011. An Operational and Regional Analysis. URL: https://www.understandingwar.org/sites/default/files/Struggle_For_Syria.pdf (дата обращения: 23.09.2024).

⁴В РФ «Аль Каида в странах исламского Магриба» законодательно признана террористической организацией.

⁵Обстановка в Сирии и перспективы внутри сирийского диалога. 2024. 16 сент. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/krizisnoe-uregulirovanie-regional-nye-konflikty/obstanovka-v-sirii-i-perspektivy-vnutrisirijskogo-dialoga (дата обращения: 20.10.2024).

Деятельность ИГИЛ стала фактором, дестабилизирующим ситуацию на Ближнем Востоке. Борьба с ИГИЛ в значительной мере предопределила трансформацию кризиса из внутривнутриполитического в международный.

Россия и США приняли активное участие в сирийских событиях. Участие России объяснялось стремлением пресечь проникновение радикального исламизма, источником которого являлось ИГИЛ. Президент России В.В. Путин в речи, произнесенной в 2015 году в ООН, отмечал, что «российские военные защищают интересы не только сирийского, но и российского народа»⁶. Кроме того, участвуя в конфликте, Россия добивалась признания как государства, влияющего на глобальные процессы, что было особенно актуально в свете начавшегося кризиса на Украине⁷ [16, 17].

Для США участие в конфликте определялось направлением внешней политики, заданной после 11 сентября 2001 года, принятием так называемой концепции «смены режимов», провозглашавшей главными врагами США международный терроризм и государства, его поддерживающие⁸. В целях борьбы с государствами, поддерживающими терроризм, США могут в одностороннем порядке, без санкции ООН и одобрения мирового сообщества, оказать на такое государство политическое и экономическое

давление путем введения санкций и даже пойти на военную интервенцию. Концепция «смены режимов» получила свое отражение в новой внешнеполитической доктрине – «доктрине Буша», изложенной в Стратегии национальной безопасности 2002 года⁹. В ближневосточном регионе концепция «смены режимов» и «доктрина Буша» были взяты за основу при вводе войск США в Ирак в 2003 году. Названные доктрины США стремились применить и к Сирии – одному из ключевых государств Ближнего Востока.

Россия и США заняли противоположные позиции в оценке причин возникновения кризиса и путей его урегулирования. Президент США Б. Обама заявил об осуждении президента Б. Асада и поддержке оппозиции как единственного «легального представителя» народа Сирии¹⁰. Основой позиции России стала идея национального примирения, сохранения целостности Сирии и недопустимости вмешательства в сирийский конфликт извне¹¹. С точки зрения США, условием урегулирования кризиса являлся уход Б. Асада, а с точки зрения России, будущее Б. Асада должен был решить народ Сирии на выборах [7]. Изначально разные подходы предопределили дальнейшее расхождение позиций.

Взаимодействие России и США в это время протекало в трех направлениях. Первое –

⁶Выступление В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 2015. 28 сент. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/50385 (дата обращения: 09.12.2023).

⁷Russian Military Interventions. Patterns, Drivers and Signpost. 2021. Sept. 27. URL: www.rand.org/pubs/research_reports/RRA444-3.html (дата обращения: 23.09.2024).

⁸President Delivers State of the Union Address. 2002. Jan. 29. URL: <http://www.georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (дата обращения: 20.10.2024).

⁹The National Security Strategy. 2002. Sept. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (дата обращения: 20.09.2024).

¹⁰Statement by President Obama on the Situation in Syria. 2011. Aug. 18. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/08/18/statement-president-obama-situation-syria> (дата обращения: 19.08.2024); Обама признал оппозицию Сирии «единственным легальным представителем» сирийского народа. 2012. 12 дек. URL: <https://wek.ru/obama-priznal-oppoziciyu-sirii-edinstvennym-legalnym-predstavitelem-naroda> (дата обращения: 08.05.2024).

¹¹Владимир Путин: Россия и меняющийся мир. 2012. 27 февр. URL: <https://topwar.ru/11780-vladimir-putin-rossiya-i-menyayushchisya-mir.html> (дата обращения: 09.06.2024); Заявление официального представителя МИД России А.К. Лукашевича в связи с развитием ситуации в Сирии и вокруг нее. 2013. 6 мая. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOWMERcf/content/id111702 (дата обращения: 09.04.2024).

противостояние в Совете Безопасности ООН. Между Россией и США началась своего рода война резолюций. США и западные государства на утверждение Советом Безопасности предложили резолюции, осуждающие Б. Асада как диктатора¹². Предусматривались введение политических и экономических санкций против Б. Асада и даже вмешательство в конфликт на основании статьи VII Устава ООН, допускающей применение силы против государства, представляющего угрозу миру и безопасности. «Ядро» резолюций «было одно – односторонние обвинения сирийских властей, ультимативные требования в отношении Дамаска и автоматизм в принятии последующих решений о санкционно-силовых мерах» [5, с. 163].

Все предлагаемые резолюции блокировали Россия и Китай, используя право вето, применение которого объяснялось двумя причинами: 1) недопустимость перекладывания ответственности исключительно на Б. Асада и игнорирования вины оппозиции; 2) неприемлемость предложения США и их союзников об отстранении Б. Асада на основе упомянутой статьи Устава ООН¹³.

Второе направление – непосредственные политико-дипломатические контакты России и США. Здесь наиболее важны были вопросы об использовании химического оружия и координации усилий по борьбе с ИГИЛ.

Сирия не подписала конвенцию 1993 года о запрещении химического оружия, что давало основание подозревать официальный Дамаск в его производстве и хранении. Президент США Б. Обама заявил, что использование Б. Асадом химического оружия сделает вмешательство США неизбежным¹⁴. В 2013 году имел место инцидент, связанный с применением химического оружия в городе Гуте. Его последствия были неоднозначными.

С одной стороны, Россия и США заняли взаимоисключающие позиции в оценке инцидента. США заявили о том, что применение Б. Асадом химического оружия не вызывает сомнений¹⁵. Россия считала, что информация о применении химического оружия – провокация, организованная силами, заинтересованными во вмешательстве в сирийский конфликт¹⁶. С другой стороны, был создан прецедент сотрудничества России и США, оказавшихся на грани открытого столкновения. США дали понять, что готовы к вооруженной интервенции против Б. Асада даже без разрешения Совета Безопасности ООН, а Россия объявила, что готова оказать Б. Асаду военную помощь. Ситуация не устраивала ни ту, ни другую страну. В результате США и Россия договорились делегировать этот вопрос ООН и Организации по запрещению химического оружия [8]. Благодаря такому решению Совет Безопасности ООН принял резолюцию о

¹²S/2011/612: UN Documents. 2011. Oct. 4. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/document/syria-s2011-612.php> (дата обращения: 20.09.2024); S/2012/77: UN Documents. 2012. Febr. 4. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/document/syria-s2012-77.php> (дата обращения: 23.08.2024).

¹³Security Council Fails to Adopt Draft Resolution on Syria as Russian Federation, China Veto Text Supporting Arab League's Proposed Peace Plan. 2012. Febr. 4. URL: <https://press.un.org/en/2012/sc10536.doc.htm> (дата обращения: 21.09.2024); Security Council Fails to Adopt Draft Resolution on Syria That Would Have Threatened Sanctions, Due to Negative Votes of China, Russian Federation. URL: <https://press.un.org/en/2012/sc10714.doc.htm> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁴Obama: Chemical Weapons in Syria Are a "Red Line". 2012. Aug. 20. URL: <https://www.cbsnews.com/news/obama-chemical-weapons-in-syria-are-a-red-line/> (дата обращения: 20.09.2024).

¹⁵Барак Обама: Руководство Сирии применило химическое оружие. Американский лидер не сомневается в этом. 2013. 6 сент. URL: <https://www.kp.ru/online/news/1529237/> (дата обращения: 14.04.2024).

¹⁶Заявление официального представителя МИД России А.К. Лукашевича в связи с сообщением об использовании отравляющих химических веществ в Сирии. 2013. 21 авг. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1619169/ (дата обращения: 01.11.2023).

полном уничтожении химического оружия в Сирии¹⁷.

Следующий эпизод имел место весной 2017 года. Получив информацию о применении химического оружия правительственными войсками против мирного населения, новый президент США Д. Трамп распорядился нанести удар по базе правительственных войск Эш-Шайрат. Как и в предыдущем случае, стороны трактовали ситуацию диаметрально противоположно. Россия считала, что химическая атака является провокацией¹⁸, в США применение химического оружия режимом Б. Асада не вызывало сомнений¹⁹. Однако и здесь стороны предпочли не обострять ситуацию. Ущерб от удара был минимален, поскольку американские военные предупредили Россию о целях, по которым будет наноситься удар, а та, в свою очередь, сообщила Сирии²⁰.

Вопрос о борьбе с ИГИЛ возник в ходе ввода на территорию Сирии войск западной коалиции во главе с США в 2014 году и российских войск в 2015-м. Россия и США аргументировали свое участие в войне борьбой с ИГИЛ. Ввод войск перевел российско-американские

отношения на уровень опосредованного вооруженного конфликта, что имело особое значение в свете начавшегося кризиса на Украине [7, с. 781].

События 2014–2015 годов неоднозначно отразились на отношениях сторон. Во-первых, ввод российских войск в Сирию трактовался рядом американских политиков как агрессия, стремление помочь Б. Асаду удержаться у власти. США в ответ должны были увеличить поставки оружия оппозиции, наносить удары по позициям правительственных войск²¹. Во-вторых, имела место точка зрения о том, что ввод российских войск выгоден США. Россия окажется втянутой в затяжной конфликт, получит «новый Афганистан» и будет вынуждена пойти на уступки Западу как в Сирии, так и на Украине²². Кроме того, у России и США общий враг – ИГИЛ, и приоритет США – борьба с ИГИЛ, а не устранение Б. Асада любой ценой²³.

Отношения сторон выстраивались противоречиво. В 2016 году Россия и США приняли заявление, предусматривающее координацию усилий в борьбе с ИГИЛ²⁴, при этом, однако, обвиняли друг друга в неизбирательности на-

¹⁷Резолюция Совета Безопасности ООН № 2118 (2013) о постановке под международный контроль и ликвидации сирийской программы химического оружия, принятая на заседании СБ ООН 27 сентября 2013 года. 2013. 1 окт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/drugie_vidy_omu/1691109/ (дата обращения: 09.04.2024).

¹⁸Россия представила доказательства постановки химатаки в Сирии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/04/2017/58f7d6f19a794731b1108423> (дата обращения: 09.05.2024).

¹⁹Жуткая химическая атака в Сирии: США винят Асада. 2017. 5 апр. URL: <https://www.inosmi.ru/20170405/239057202.html/> (дата обращения: 02.05.2024).

²⁰Хан Г. Россия пока выигрывает войну в Сирии – американский аналитик. 2018. 16 апр. URL: <https://eurasia.expert/rossiya-poka-vyigryvaet-voynu-v-sirii-amerikanskiy-analitik/> (дата обращения: 02.05.2024).

²¹Маккейн: вторжение Путина в Сирию – повод взяться за Россию всерьез. URL: <https://www.russian.rt.com/inotv/2015-10-13/Makkein-Vtorzhenie-Putina-v-Siriyu> (дата обращения: 08.12.2023).

²²Говоря о военной кампании России в Сирии, Обама припомнил Путину войну в Афганистане. URL: <https://www.blornot.ru/obshhestvo/govorya-o-voennoj-kampanii-v-sirii-obama-pripomnil-putinu-voynu-v-afagani-stane-355462.html> (дата обращения: 09.12.2023).

²³Эволюция позиции США по сирийскому кризису. Досье. 2018. 14 апр. URL: <http://www.tass.ru/info/5125589> (дата обращения: 07.05.2024).

²⁴Совместное заявление Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в качестве сопредседателей Международной группы поддержки Сирии о прекращении боевых действий в Сирии. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1535009/ (дата обращения: 08.05.2024).

носимых ударов, уничтожении мирного населения под прикрытием борьбы²⁵.

Третье направление – политико-дипломатическое противостояние России и США вне ООН, в рамках так называемых женевого и астанинского форматов.

В 2016 году президент России В.В. Путин предложил президенту Турции Р.Т. Эрдогану организовать новую структуру для решения сирийского вопроса, которая получила название «астанинский формат». Создание астанинского формата проходило параллельно начавшимся в том же году под эгидой ООН переговорам по сирийской проблеме в Женеве, участниками которых помимо России, США, Турции и Ирана стали представители сирийского правительства и оппозиции. В астанинский формат вошли Россия, Турция и Иран, а сам он был создан как очевидная альтернатива женевному, в рамках которого противостояние России и США продолжалось. В ходе женеvских переговоров представители официальных властей Сирии и оппозиции, поддерживаемые Россией и США соответственно, не смогли найти общий язык по вопросу о будущем Б. Асада. Оппозиция требовала отставки последнего как условия начала переговоров, с чем категорически не соглашались официальные власти²⁶.

Астанинский формат, напротив, доказал свою эффективность. Его итогом стало то, что Россия, Иран и Турция выступили гарантами урегулирования конфликта в Сирии, создали трехсторонний механизм контроля за соглашением о прекращении огня, зоны деэскалации в ряде сирийских провинций²⁷.

Астанинский формат продолжает функционировать. Последнее совещание прошло в начале 2024 года. В сделанном по его итогам заявлении говорится о ведущей роли Ирана, России и Турции в урегулировании сирийского кризиса, подтверждена их приверженность принципу сохранения суверенитета Сирии. Ряд пунктов носит антизападный характер – о неприемлемости вводимых Западом односторонних санкций против Сирии, нарушающих Устав ООН, об осуждении действий союзника США на Ближнем Востоке – Израиля в Газе, приведших к гуманитарной катастрофе, к ведению Израилем военных действий на территории Сирии²⁸.

В рамках астанинского формата России удалось найти общий язык с Турцией и Ираном – государствами, интересы которых отнюдь не всегда совпадают с интересами России. Особенно примечательно сотрудничество России, занимающей сегодня ярко выраженную антиамериканскую позицию, и Турции – союзника США по НАТО.

Учитывая вышесказанное, автор считает возможным сделать вывод о том, что опыт взаимодействия России и США в ходе сирийского конфликта может быть востребован на современном этапе.

Во-первых, остаются значимыми созданные в ходе конфликта механизмы взаимодействия России и США на тактическом уровне – по проблеме химического оружия и координации усилий при противодействии ИГИЛ. Последнее обстоятельство наиболее существенно.

²⁵Госдеп вновь обвинил Россию в гибели мирного населения в Сирии. URL: <http://www.mk.ru/politics/2015/12/29/gosdep-vnov-obvinil-rossiyu-v-gibeli-mirnogo-naseleniya-v-sirii.html> (дата обращения: 08.05.2024); МИД РФ обвинил США и коалицию в гибели мирного населения в Сирии. URL: http://www.trasgrad.tv/news/mid-rf-obvinil-ssha-i-koaliciju-v-gibeli-mirnogo-naselenija-v-sirii_32223 (дата обращения: 08.06.2024)

²⁶Переговоры по межсирийскому урегулированию в Женеве. 2018. 25 янв. URL: <https://www.ria.ru/20180125/1513138183.html> (дата обращения: 22.05.2024).

²⁷Меморандум о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике. 2017. 6 мая. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1546552/> (дата обращения: 22.04.2024).

²⁸Совместное заявление представителей Ирана, России и Турции по итогам 21-й Международной встречи по Сирии в «Астанинском формате», 24–25 января 2024 года. 2024. 25 янв. URL: www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1927658/ (дата обращения: 22.04.2024).

Угроза прихода к власти в Сирии экстремистских политических сил приобрела актуальность на фоне событий последнего времени – свержения президента Б. Асада и дестабилизации ситуации в стране. Исходя из этого, опыт сотрудничества России и США в борьбе с радикальным исламизмом может быть востребован.

Во-вторых, исключительно важным событием в ходе сирийского кризиса стало создание механизма участия России и США в его урегулировании вне рамок ООН. Как было показано выше, взаимодействие в ООН оказалось невозможным из-за абсолютного несовпадения позиций сторон. Однако астанинский и женевский форматы позволили «развести» Россию и США по разным структурам и тем самым сдвинуть сложный вопрос с мертвой точки. В результате «за Россией и США закрепились роль ведущих посредников в разрешении кризиса, что положило начало переговорному процессу сирийского правительства и оппозиции» [11, с. 114].

Обращение к опыту астанинского и женевского форматов необходимо и сегодня, поскольку непосредственное взаимодействие России и США в ООН маловероятно из-за существующих геополитических противоречий, в первую очередь по причине украинского кризиса. Однако участие сторон в независимых друг от друга структурах представляется перспективным.

С учетом высокого уровня напряженности в отношениях России и США, использование указанного механизма сегодня едва ли возможно. Прежде всего нужно сближение позиций сторон по вопросу устройства системы международных отношений. Анализ этой проблемы автор посвятил одну из предыдущих работ [22]. Однако использование опыта взаимодействия России и США в ходе сирийского кризиса вероятно в перспективе, в случае урегулирования сторонами глобальных противоречий и появления необходимости налаживания диалога при решении геополитических проблем.

Список литературы

1. Долгов Б.В. Сирийский кризис (2011–2021): развитие конфликта // Исламоведение. 2021. Т. 12, № 3. С. 5–21. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-3-5-21>
2. Долгов Б.В. Сирийское противостояние. Внутренние и внешние факторы 2011–2021 гг. М.: Ленанд, 2021. 208 с.
3. Долгов Б.В. Сирийский кризис на новом этапе: 2017–2019 // Актуал. проблемы Европы. 2020. № 2. С. 122–144. <https://doi.org/10.31249/ape/2020.02.05>
4. Ходынская-Голенищева М.С. Сирия: трудный путь от войны к миру: многосторонняя дипломатия сирийского урегулирования. М.: Олма: Абрис, 2019. 720 с.
5. Ходынская-Голенищева М.С. Работа Совета Безопасности ООН по сирийскому кризису в условиях трансформации системы международных отношений // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2017. № 6(57). С. 161–173. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-6-57-161-173>
6. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: коллектив. моногр. / отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин / Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2018. 556 с.
7. Косов А.П. Сирийский фактор в российско-американских отношениях (2011–2018 гг.) // Вестн. РУДН. Сер.: Междунар. отношения. 2018. Т. 18, № 4. С. 775–789. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-775-789>
8. Черных А.А. Россия и проблема химического оружия в сирийском конфликте (2013 г.) // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2018. № 2. С. 246–254.
9. Хлопов О.А. Результаты и перспективы военной кампании США в Сирии // Colloquium-J. 2020. № 7(59). С. 4–8. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11500>
10. Антощенко Д.В. Сирийский конфликт: стратегические цели России и США // Соц.-полит. науки. 2022. Т. 12, № 4. С. 175–181.
11. Багдасарян С.Д., Петрова С.В. Геополитические позиции России и США в сирийском конфликте // Гос. и муницип. управление. Уч. зап. 2018. № 2. С. 110–115.

12. Военная стратегия США при администрации Д. Трампа и национальные интересы Российской Федерации / под общ. ред. В.И. Батюка. М.: Весь мир, 2021. 194 с.
13. Евро-Атлантика сегодня: ближневосточные вызовы: коллектив. моногр. / науч. ред. А.И. Шумилин. М.: Междунар. отношения, 2018. 208 с.
14. Кочегуров Д.А., Садыгзаде М.С. США на Ближнем Востоке: начало большого размежевания // Россия и Америка в XXI в. 2023. Вып. 4. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760027305-2-1/> (дата обращения: 09.10.2023).
15. Krastev I. Is Vladimir Putin Trying to Teach the West a Lesson in Syria? // The New York Times. 2015. Oct. 7. URL: <https://www.nytimes.com/2015/10/08/opinion/ivan-krastev-is-putin-trying-to-teach-us-a-lesson.html> (дата обращения: 20.09.2024).
16. Stent A. Putin's Power Play in Syria. How to Respond to Russia's Intervention // Foreign Aff. 2016. Vol. 95, № 1. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-12-14/putins-power-play-syria> (дата обращения: 09.09.2023).
17. Шапиро Дж. Российско-американские отношения и будущее Сирии // Россия в глоб. политике. 2017. 12 сент. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossijsko-amerikanskije-otnosheniya-i-budushhee-sirii/> (дата обращения: 09.09.2023).
18. Kofman M., Rojansky M. What Kind of Victory for Russia in Syria? // Mil. Rev. 2018. March–April. P. 6–23.
19. Барабанов М.С., Васильев А.Д., Денисенцев С.А., Кутшидзе В.В., Лавров А.В., Легойда В.Р., Лямин Ю.Ю., Никольский А.В., Пухов Р.Н., Шеповаленко М.Ю. Сирийский рубеж / под. ред. М.Ю. Шеповаленко. 2-е изд. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2016. 204 с.
20. Мовсесян В.А. Предпосылки конфликта в Сирии в 2011 г. // Регион и мир. 2017. № 1. С. 34–38.
21. Долгов Б. Сирийский кризис: развитие и перспективы // Междунар. жизнь. 2012. № 9. URL: <https://www.interaffairs.ru/jauthor/material/741?ysclid=m2hf2hre4z638305426> (дата обращения: 20.08.2024).
22. Лукьянов В.Ю. Российско-американские отношения конца XX – первой четверти XXI века: тенденции и перспективы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2024. Т. 24, № 3. С. 16–27. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V344>

References

1. Dolgov B.V. The Syrian Crisis (2011–2021): Development of Conflict. *Islamovedenie*, 2021, vol. 12, no. 3, pp. 5–21 (in Russ.). <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-3-5-21>
2. Dolgov B.V. *Siriyskoe protivostoyanie. Vnutrennie i vneshnie faktory 2011–2021 gg.* [The Syrian Confrontation. Internal and External Factors, 2011–2021]. Moscow, 2021. 208 p.
3. Dolgov B.V. Siriyskiy krizis na novom etape: 2017–2019 [Syrian Crisis at the New Stage: 2017–2019]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2020, no. 2, pp. 122–144. <https://doi.org/10.31249/ape/2020.02.05>
4. Khodynskaya-Golenishcheva M.S. *Siriya: trudnyy put' ot vojny k miru: mnogostoronnyaya diplomatiya siriyskogo uregulirovaniya* [Syria: The Difficult Path from War to Peace: Multilateral Diplomacy in Resolving the Syrian Conflict]. Moscow, 2019. 720 p.
5. Khodynskaya-Golenishcheva M.S. Rabota Soveta Bezopasnosti OON po siriyskomu krizisu v usloviyakh transformatsii sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy [The UN Security Council Acting on Syria in the Context of Emerging Multipolarity of International Relations]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no. 6, pp. 161–173. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-6-57-161-173>
6. Baranovskiy V.G., Naumkin V.V. (eds.). *Blizhniy Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste* [The Middle East in a Changing Global Context]. Moscow, 2018. 556 p.
7. Kosov A.P. Syrian Factor in Russian-US Relations (2011–2018). *Vestn. RUDN Int. Relat.*, 2018, vol. 18, no. 4, pp. 775–789 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-775-789>
8. Chernykh A.A. Rossiya i problema khimicheskogo oruzhiya v siriyskom konflikte (2013 g.) [Russia and the Problem of Chemical Weapons in the Syrian Conflict (2013)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 2, pp. 246–254.
9. Khlopov O.A. Rezul'taty i perspektivy voennoy kampanii SShA v Sirii [The Results and Prospects of US Military Campaign in Syria]. *Colloquium-J.*, 2020, no. 7, pp. 4–8. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11500>
10. Antoshchenko D.V. The Syrian Conflict: Strategic Goals of Russia and the USA. *Sociopolitical Sci.*, 2022, vol. 12, no. 4, pp. 175–181 (in Russ.).

11. Bagdasaryan S.D., Petrova S.V. Geopoliticheskie pozitsii Rossii i SShA v siriyskom konflikte [The Geopolitical Position of Russian Federation and the USA in the Syrian Conflict]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2018, no. 2, pp. 110–115.
12. Batyuk V.I. (ed.). *Voennaya strategiya SShA pri administratsii D. Trampa i natsional'nye interesy Rossiyskoy Federatsii* [US Military Strategy Under the Trump Administration and the National Interests of the Russian Federation]. Moscow, 2021. 194 p.
13. Shumilin A.I. (ed.). *Evro-Atlantika segodnya: blizhn vostochnye vyzovy* [The Euro-Atlantic Region Today: Middle Eastern Challenges]. Moscow, 2018. 208 p.
14. Kochegurov D., Sadygzade M. USA in the Middle East: The Beginning of a Great Disengagement. *Rossiia i Amerika v XXI veke*, 2023, no. 4. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760027305-2-1/> (accessed: 9 October 2023) (in Russ.).
15. Krastev I. Is Vladimir Putin Trying to Teach the West a Lesson in Syria? *The New York Times*, 7 October 2015. Available at: <https://www.nytimes.com/2015/10/08/opinion/ivan-krastev-is-putin-trying-to-teach-us-a-lesson.html> (accessed: 20 September 2024).
16. Stent A. Putin's Power Play in Syria. How to Respond to Russia's Intervention. *Foreign Aff.*, 2016, vol. 95, no. 1. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-12-14/putins-power-play-syria> (accessed: 9 September 2023).
17. Shapiro J. Rossiysko-amerikanskii otnosheniya i budushchee Sirii [Russia–United States Relations and the Future of Syria]. *Rossiia v global'noy politike*, 12 September 2017. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/rossijsko-amerikanskii-otnosheniya-i-budushchee-sirii/> (accessed: 9 September 2023).
18. Kofman M., Rojansky M. What Kind of Victory for Russia in Syria? *Mil. Rev.*, March–April 2018, pp. 6–23.
19. Barabanov M.S., Vasil'ev A.D., Denisentsev S.A., Kipshidze V.V., Lavrov A.V., Legoyda V.R., Lyamin Yu.Yu., Nikol'skiy A.V., Pukhov R.N., Shepovalenko M.Yu. *Siriyskiy rubezh* [The Syrian Frontier]. Moscow, 2016. 204 p.
20. Movsesyan V.A. Predposylki konflikta v Sirii v 2011 g. [Background of the Conflict in Syria in 2011]. *Region i mir*, 2017, no. 1, pp. 34–38.
21. Dolgov B. Siriyskiy krizis: razvitie i perspektivy [The Crisis in Syria: Development and Prospects]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2012, no. 9. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/741> (accessed: 20 August 2024).
22. Luk'yanov V.Yu. Russia–United States Relations in the Late 20th – First Quarter of the 21st Centuries: Trends and Prospects. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 16–27. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V344>

Информация об авторе

В.Ю. Лукьянов – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67).

Information about the author

Vladimir Yu. Luk'yanov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of International Entrepreneurship, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (address: ul. Bol'shaya Morskaya 67, St. Petersburg, 190000, Russia).

Поступила в редакцию 26.07.2024

Одобрена после рецензирования 28.10.2024

Принята к публикации 11.11.2024

Submitted 26 July 2024

Approved after reviewing 28 October 2024

Accepted for publication 11 November 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 54–63.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 54–63.

Научная статья
УДК 81'42
DOI: 10.37482/2687-1505-V419

Темпоральный аспект прецедентности

Роза Александровна Волкова

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
e-mail: volkoff-83@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6052-7168>

Аннотация. Настоящая статья посвящена определению темпоральных особенностей прецедентных феноменов. Обращение к данному вопросу обусловлено важностью обнаружения, описания и фиксации корпуса прецедентных единиц, функционирующих в современных видах дискурсов, с целью выявления системы материальных и духовных ориентиров лингвокультурного сообщества. Прецедентные единицы как элементы национально-культурной памяти способны аккумулировать и транслировать последующим поколениям опыт, традиции, ценности и идеалы социума, поэтому необходимо учитывать временные рамки функционирования указанных единиц, ведь они включены в идеологию эпохи и неизменно отражают ее. К императивным факторам, детерминирующим «жизнестойкость» прецедентных феноменов, автор относит следующие: присутствие в пространствах дискурсов активного воздействия, наличие в семантике прецедентного текста аксиологической и деонтической составляющих, иммерсивность и регулярная воспроизводимость. Имплементация принципов мультимодальности как следствия приоритетной роли невербальной составляющей в современной коммуникации обеспечивает вовлечение нескольких чувственных рецепторов при восприятии прецедентных феноменов, что позволяет полнее раскрыть коммуникативно-прагматический потенциал прецедентных феноменов и тем самым положительно влиять на продолжительность их «жизненного цикла». Материалом исследования послужили тексты информационного ресурса «Мел» – медиа про образование и воспитание детей. Методом случайной выборки были отобраны 25 национально-прецедентных феноменов. Проанализировав ответы респондентов разных поколений, автор приходит к выводу, что периферийно локализованные единицы в системе прецедентных феноменов, предположительно, могут оставаться актуальными для двух-трех поколений представителей конкретного лингвокультурного сообщества, тогда как ядерный состав прецедентных феноменов остается относительно неизменным.

Ключевые слова: лингвокультура, дискурс, интертекстуальность, мультимодальность, темпоральность, прецедентность, прецедентный феномен

Для цитирования: Волкова, Р. А. Темпоральный аспект прецедентности / Р. А. Волкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 54–63. – DOI 10.37482/2687-1505-V419.

Original article

The Temporal Aspect of Precedence

Roza A. Volkova

Kuban State University, Krasnodar, Russia,

e-mail: volkoff-83@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6052-7168>

Abstract. The article deals with the temporal features of precedent phenomena. The author turns to this issue due to the importance of discovering, describing and recording the body of precedent units functioning in modern types of discourse in order to identify a system of material and spiritual guidelines of a linguocultural community. Precedent units, as elements of national cultural memory, are capable of accumulating and transmitting to subsequent generations the experience, traditions, values and ideals of society. Therefore, one should take into account the time frame for the functioning of these units, since they are included in the ideology of an era and invariably reflect it. The author considers the following to be the imperative factors that determine the “vitality” of precedent phenomena: functioning in the spaces of active influence discourses, presence of axiological and deontic components in the semantics of the precedent text, as well as immersiveness and regular reproduction. The implementation of the principles of multimodality as a consequence of the dominant role of the non-verbal component in modern communication ensures the involvement of several sensory receptors when perceiving precedent phenomena. This makes it possible to more fully unlock the communicative and pragmatic potential of precedent phenomena, thereby prolonging their “life cycle”. The research material includes texts from the information resource *Mel* (media about education and child rearing). Using the random sampling method, 25 national precedent phenomena were selected. Based on the survey of respondents from various age groups, the author comes to the conclusion that peripherally localized units in the system of precedent phenomena can, presumably, stay relevant for two or three generations of representatives of a specific linguocultural community, while the core composition of precedent phenomena remains relatively unchanged.

Keywords: *linguoculture, discourse, intertextuality, multimodality, temporality, precedence, precedent phenomenon*

For citation: Volkova R.A. The Temporal Aspect of Precedence. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 54–63. DOI: 10.37482/2687-1505-V419

Введение. В последнее время появилось большое количество научных работ, посвященных изучению прецедентных феноменов как ментальных единиц и «сгустков» национально-культурной памяти. Т.В. Марченко, указывая на уникальные свойства прецедентных феноменов «аккумулировать и отражать эмпирику человеческого существования, способствовать сохранению культурных констант и традиций» [1, с. 135], обращается к лингвосемиотической рефлексии поликодовой репрезентации прецедентных феноменов советского прошлого [2, 3].

В.А. Ефремов называет теорию прецедентности «мощным орудием лингвистических исследований культурной памяти», анализируя интертекстуальный тезаурус современного молодого россиянина [4]. Социологи, культурологи, психологи, лингвисты выявляют разнообразные характеристики данных феноменов, описывают уникальные в рамках своих научных направлений параметры и свойства. Тем не менее, с нашей точки зрения, до сих пор недостаточно внимания уделяется изучению темпоральных особенностей прецедентных единиц. Цель настоящей ра-

боты заключается в попытке описания временных рамок «жизни» данных языковых фактов в свете теории прецедентности. Полученные результаты действительно могут значительно обогатить наше знание о ценностных ориентирах лингвокультурного сообщества в конкретный период времени, а также могут быть учтены в практике работы над текстами в сфере рекламы, лингводидактики, журналистики.

Материалы и методы. Материалом исследования служат выявленные методом случайной выборки тексты информационного ресурса про образование и воспитание детей «Мел», включающие прецедентные феномены, источниками которых выступают как ядерные, так и периферийные тексты. Выбор материала аргументирован главенствующей ролью медиаресурсов в получении информации из области детской психологии, воспитания и образования, а также актуальностью указанных тем. Отобрано 25 национально-прецедентных феноменов для оценки их узнаваемости и употребляемости разными возрастными группами (метод опроса). Общелингвистические и специальные методы исследования включают традиционные методы лексико-семантического, контекстуального анализа прецедентных феноменов; при выявлении и описании прецедентных знаков применялись интертекстуальный анализ, статистический метод.

Теоретическое ядро. Предварить намеченный анализ необходимо с уточнения понятий «интертекстуальность» и «прецедентность» и соотношения этих категорий.

Впервые в научной литературе термин «интертекстуальность» был представлен французским постструктуралистом Ю. Кристевой для обозначения общего свойства текстов разных культурных эпох имплицитными и эксплицитными способами ссылаться друг на друга, образуя сложные связи, обмениваться смыслами и расширять их [5]. По мнению исследователя, мир – это огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано и изображено, а новое возможно только благодаря смешению известных элементов и переосмыслению их в новых комбинациях. Развитие теории интертекстуально-

сти длится чуть более полувека, но имманентно интертекстуальность обнаруживала себя во многих текстах разных эпох и культур начиная с античных времен. Обращение к цитатам, именам, духовным откровениям предыдущих поколений всегда было характерно для человеческой мысли. Без рефлексии и ревизии прошлого невозможно смотреть в будущее. «Фильтр» интертекстуальности способствовал формированию так называемого кода национальной культуры. Отобранные и отшлифованные временем тексты, зафиксированные в культурной памяти народа, демонстрируют ставшую традиционной для всей человеческой цивилизации систему материальных и нравственных принципов. Национально-культурная память как ключевая составляющая этнического самосознания есть «кладезь сведений, эмоций, фактов, откуда мы в нашей повседневности и обыденности черпаем данные для ответа на сакраментальные вопросы: кто мы есть, откуда мы и куда идем; чем гордимся в своем прошлом и настоящем, а чего стыдимся; почему это так, а не иначе; и даже – зачем все это. Это не история в чистом виде, а то, как прошлое представлено в нашей сегодняшней мысли и как оно вписывается в наши знания о современном мире» [6, с. 26].

Явление прецедентности абсолютно закономерно стало перспективным объектом изучения для исследователей последних десятилетий в силу значительно возросшей доступности произведений искусства и массового образования, развития средств массовой коммуникации и распространения массовой культуры. Помимо так называемых ядерных текстов (Библии, литературной классики) в системе прецедентных феноменов есть и периферийные – известные в конкретном временном отрезке рекламные тексты, популярные песенные композиции, интернет-мемы и т. д. «Тенденции к ностальгическому переживанию текстовых ценностей советской эпохи, к компилированию и осмыслению текстов других культур, к критическому переосмыслению ключевых текстов XX века» [7] в настоящее время находят реализацию практически во всех видах дискурса. Тем не менее многообразие научных подходов к изучению

понятия прецедентности до сих пор не внесло терминологической определенности. Начиная с разработки Ю.Н. Карауловым понятия «прецедентный текст», под которым ученый понимал вербальные ментефакты, характеризующиеся когнитивной значимостью, воспроизводимостью и сверхличностной природой [8], многие исследователи предпринимали попытки выведения определяющей дефиниции прецедентности. Наиболее разработанными участками теории прецедентности на сегодняшний день являются выведение таксономических категорий и описание функционального потенциала прецедентных текстов, что свидетельствует о многогранности и многомерности данного явления.

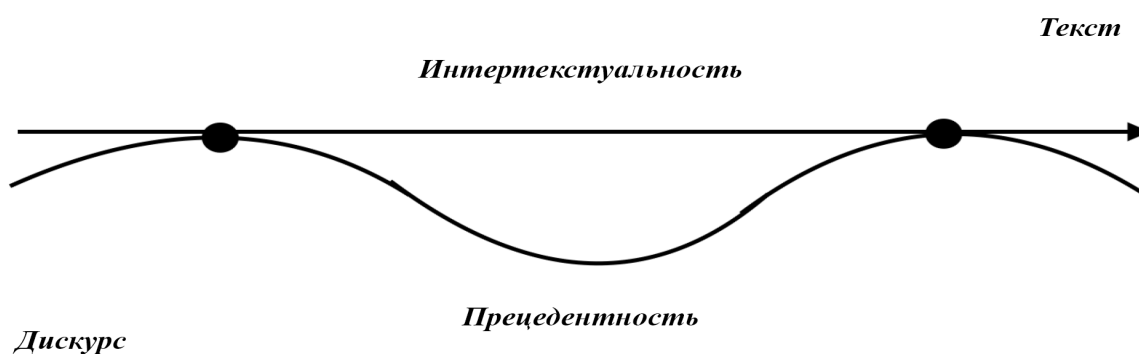
Прецедентность как интердискурсивная категория отличается фугитивной природой. Корпус прецедентных единиц постоянно изменяется, их практически невозможно, но очень важно обнаружить и зафиксировать. А.П. Чудинов отмечал: «У каждого времени – своя система метафор. Каждый новый этап социального развития страны отражается в метафорическом зеркале, где вне зависимости от чьих-либо намерений фиксируется подлинная картина общественного сознания. Система базисных метафор – это своего рода ключ к пониманию “духа времени”» [9, с. 31].

Результаты. Анализ специальной литературы позволяет нам прийти к следующим про-

межуточным выводам. Интертекстуальность как имманентное свойство, критерий текста, в первую очередь художественного, коррелирует с поликультурным контекстом, обладает монологичной атемпоральностью, общеэстетической и гносеологической ценностью. Прецедентность как явление дискурсивное отличается темпоральной диалогической динамикой, широким коммуникативно-прагматическим потенциалом и отражает этнокультурный или социогрупповой опыт. Интертекстуальный знак как квинтэссенция истинной человеческой духовности характеризуется более локальным контуром интерпретаций. Прецедентные феномены как обязательные элементы различных видов дискурса могут выступать экспликаторами множественных, подчас полярных смыслов и оценок.

Соотношение категорий «интертекстуальность» и «прецедентность» мы представили на рисунке.

Непостоянная, динамическая природа прецедентности отражает, таким образом, возможный «жизненный» цикл прецедентных феноменов. Свернутые до «точки» смыслы, репрезентируемые символами (вербальных и невербальных) прецедентных феноменов, сливаются в единый прецедентный фон, детерминированный современной общественной идеологией как системой ценностных ориентаций, идей, взглядов,

Взаимодействие явлений интертекстуальности и прецедентности

Interaction between the phenomena of intertextuality and precedence

представлений. Качественное изменение – «восхождение», «подъем» – прецедентного знака обусловлено рядом императивных факторов.

1. Функционирование в пространствах дискурсов активного воздействия в конкретный период развития общества (политический, рекламный, дискурс СМИ и т. д.). «Специфическая прагматическая направленность данных типов дискурсов связана с нарушением пассивного восприятия и активизацией проективных способностей адресата, т. е. формированием продуктивного общения посредством намеренного употребления неконвенциональных языковых форм и использованием стратегий коммуникативного воздействия», – пишет О.В. Соколова [10, с. 6]. Следует отметить, что массовое (а в ряде случаев и единичное) включение прецедентных феноменов в речи авторитетных личностей, известных политиков, лидеров мнений и т. п. служит неким энергетическим импульсом и практически гарантирует «жизнестойкость» анализируемых единиц. Так, прецедентными в свое время стали высказывания председателя Совета министров Российской Федерации В.С. Черномырдина «Мы выполнили все пункты: от А до Б», «У меня к русскому языку вопросов нет», «Хотели как лучше, а получилось как всегда», которые и сегодня нередко используются для означивания актуальных социальных вопросов и ситуаций.

2. Наличие в семантике прецедентного феномена аксиологического и деонтического компонентов, которые непосредственно связаны с положительной или отрицательной оценкой (хорошо/плохо, правильно/неправильно). «Прецедентные единицы служат единицами осмысления и измерения жизненных и интеллектуальных ценностей человека» [11, с. 100], что способствует снятию информационной энтропии в процессе коммуникации. Посредством прецедентных текстов члены социума

усваивают адекватные для данной лингвокультуры речеповеденческие модели в типичных коммуникативных ситуациях, которые на конкретных общественно-исторических отрезках закрепились как продуктивные. С большой долей вероятности для обозначения скупости и собирательства представитель русской лингвокультуры непременно включит в свою речь прецедентное имя Плюшкин, что можно наглядно продемонстрировать на следующих примерах: «Тренд #хочувыбрать – для тех, кто ощущает себя немного Плюшкиным»; «Пока весь материал, который я даю, кажется мне кучей в стиле Плюшкина – хватаю везде по чуть-чуть»¹. Прецедентное имя Иуда всегда будет ассоциироваться с ситуацией предательства и продажности: «В российском футболе никогда не было Иуды. Даже Быстров и Дзюба не подходят»².

3. Иммерсивность прецедентного текста, близость к реальной действительности, которые обеспечивают его селективность и репродуцируемость. Экстраполируя наблюдения В.Н. Волошинова на природу прецедентных феноменов, мы соглашаемся с тем, что «в каждую эпоху своего исторического существования произведение должно вступить в тесную связь с меняющейся жизненной идеологией, проникнуться ею, пропитаться новыми, идущими из нее соками. Лишь в той степени, в какой произведение способно вступить в такую неразрывную, органическую связь с жизненной идеологией данной эпохи, оно способно быть живым в данную эпоху. Вне такой связи оно перестает существовать, ибо перестает переживаться как идеологически значимое» [12, с. 100]. Актуальность прецедентных феноменов и повторяемость в речевой практике носителей языка эксплицируют их рекуррентную природу, что, безусловно, обеспечивает «продолжительность» их функционирования. Симптоматичными примерами данного утверждения могут служить современные рекламные видеоролики маркетплейсов («Озон», «Вайлдберриз» и др.)

¹Мел. URL: <https://mel.fm> (дата обращения: 02.06.2024).

²Медиасообщество «Футбол». URL: <https://www.soccer.ru/blogs/record/1355578/fernandes-mario-spartak> (дата обращения: 02.11.2024).

с использованием популярных музыкальных композиций и привлечением не менее популярных исполнителей.

Так, в рамках глобальной рекламной кампании 2021 года «Озон» активно развивал имидж мультикатегорийной площадки с амбассадором Дмитрием Маликовым, известным российским композитором и певцом. В ролике звучит первый джингл маркетплейса – фраза «Озон-зон-зон», а также песня, записанная на мотив «Арам зам зам». Это вариация традиционной марокканской детской мелодии, популярной в России благодаря группе «Дискотека Авария»³. Музыкальные видео сильнее вовлекают аудиторию, а формат емкого звучного текста хорошо справляется с целью соответствовать топовым коммерческим площадкам по причине популярности музыкальных соцсетей. Мелодия «Песенки Буратино» из всеми любимого в детстве кинофильма «Приключения Буратино» (1975) также была переосмыслена и использована в рекламном ролике «Озон» 2023 года⁴. «Прецедентные феномены обладают рекуррентным потенциалом, появляясь вновь и вновь в различных проявлениях и формах национальной культуры, и каждый раз к их содержательному ядру добавляются новые интерпретационные образные и оценочные слои» [13, с. 115].

В качестве, на первый взгляд, факультативного признака можно отметить мультимодальность как следствие доминирования в настоящем элементов визуальной и аудиальности коммуникации. В зарубежной традиции мультимодальность рассматривается как целостная и симультанная работа различных модусов, непосредственно взаимодействующих в процессе коммуникации [14]. В отечественной научной литературе мультимодальность зачастую представлена термином «поликодовость» – как качественная характеристика современной коммуникации, способствующая когнитивной доступности передаваемой информации, где под кодом подразумевается та или иная семи-

отическая система (аудиальная, визуальная и проч.), причем естественному языку (вербальности) в этом процессе отводится приоритетное место. В действительности в современных медиатекстах (графических романах, рекламе, интернет-мемах и т. д.) прецедентные единицы именно благодаря мультимодальности приумножают воздействующий потенциал и в определенной степени укрепляют свою «жизнеспособность», ссылаясь не только на вербальный прототекст, но и задействуя иные ресурсы (визуальные, пространственные, аудиальные и др.). В рубрике «Грамотность» на «Меле» публикацию под заголовком «“Оливье пересолен” или “оливье пересолено”: как говорить правильно» предваряет интернет-мем, содержащий изображение Юрия Яковлева в роли Ипполита из советского кинофильма «Ирония судьбы, или С легким паром!» (1975) и его заключенную в «баллон» знакомую многим фразу «Какая гадость эта ваша заливная рыба» в трансформированном варианте «Какая гадость это ваше пересоленное оливье»⁵. Мультимодальный аспект прецедентных феноменов указывает на слаженную работу целого семиотического комплекса. Симультанность воздействия как ключевая черта мультимодальности способствует построению различных матриц, «накладываемых на бесконечное множество сочетаний различных действий, каждое из которых имеет свою семантику, чаще всего прочно укорененную в культурных паттернах» [15].

Предположительно, оказываясь в плоскости интертекстуальности, прецедентный феномен способен интериоризировать характер интертекстуального знака, а следовательно, закрепиться в культурной памяти человечества и стать транслятором этой культуры (ее ценностей, оценок, установок, традиций, предпочтений, запретов и проч.). Но так называемая точка бифуркации допускает и иное развитие ситуации. Прецедентный феномен может потерять актуальность вследствие об-

³Advertology. Наука о рекламе. URL: <http://www.advertology.ru/article150905.htm> (дата обращения: 09.10.2024).

⁴Там же.

⁵Мел. URL: <https://mel.fm> (дата обращения: 02.06.2024).

щественно-политических сдвигов, смены читательских тенденций, утратить воздействующий потенциал на социально престижную группу и т. д., что на *рисунке* можно отметить как «нисходящую» тенденцию. Нельзя не согласиться с Н.А. Кузьминой, которая заключает, что «интертекстуальность соотносена с эстетической ценностью, культурной значимостью, вневременностью, явление прецедентности – с тем, что происходит сейчас и актуально сегодня, но вовсе не обязательно будет значимо завтра. Таким образом, интертекстуальность – это транслируемый код культуры как системы традиционных для человечества ценностей материального и духовного характера, прецедентность – явление жизни, которое может стать или не стать фактом культуры» [16, с. 205].

Мы составили опросник, содержащий 25 прецедентных феноменов. Респондентам (жителям г. Краснодара и Краснодарского края) предлагалось выбрать из списка знакомые выражения, т. е. те, которые участники опроса встречали в речи других людей, в различных текстах и значение которых им известно, а также отметить прецедентные единицы, реально используемые ими в речевой практике. Посредством Яндекс.Форм мы опросили 100 чел. разных возрастных групп: по 25 чел. 15–24 лет, 25–40 лет, 41–55 лет и старше 55 лет. Полученные данные представлены в *таблице*.

Анализ полученных результатов позволил нам прийти к следующим основным выводам. Прецедентные выражения, источниками которых выступают так называемые ядерные тексты, остаются актуальными для большинства респондентов вне зависимости от возраста (см. верхние строки *таблицы*). Корпус прецедентных феноменов, характерный для речи представителей более молодого поколения, не содержит выражений, источниками которых являются советские кинофильмы («Ловкость рук – и никакого мошенничества», «Огласите весь список, пожалуйста», «Экзамен для меня – всегда праздник, профессор!» и др.), песни («Буквы разные писать тонким перышком в тетрадь...», «И хорошее настроение не покинет больше вас» и др.). Значения многих приведенных в *таблице* выражений еще понятны младшей и средней возрастным категориям (до 40 лет), но уже менее востребованы в речевой практике («Пик коммунизма», «Нарисуем – будем жить», «Королевство кривых зеркал» и др.), поскольку лишены «погруженности» в жизнь, что обусловлено снижением ассоциативного потенциала. Также необходимо отметить, что в речи старшего поколения гораздо реже встречаются прецедентные феномены, источниками которых выступают популярная музыка, современные реалии («Шальная императрица», «Сын маминой подруги» и др.),

**Результаты опроса респондентов разного возраста на предмет знания
и употребления прецедентных высказываний, %**

Results of the survey of respondents from various age groups on the knowledge and use of precedent statements, %

Прецедентное высказывание	Лица 15–24 лет		Лица 25–40 лет		Лица 41–55 лет		Лица старше 55 лет	
	знают	употребляют	знают	употребляют	знают	употребляют	знают	употребляют
Хотели как лучше, а получилось как всегда	88	76	96	72	100	84	96	96
Где родился, там и пригодился	96	56	92	44	96	60	96	24
Учиться, учиться и еще раз учиться	88	44	100	48	88	64	96	48
Недолго музыка играла	100	76	92	48	84	68	96	20
Ловкость рук – и никакого мошенничества	88	44	96	52	92	60	96	60

Окончание таблицы

Прецедентное высказывание	Лица 15–24 лет		Лица 25–40 лет		Лица 41–55 лет		Лица старше 55 лет	
	знают	употреб- ляют	знают	употреб- ляют	знают	употреб- ляют	знают	употреб- ляют
Вагон и маленькая тележка	84	28	100	56	80	64	96	72
Лед тронулся	80	36	88	32	84	48	92	36
И пусть весь мир подождет	96	44	92	56	84	56	68	56
Шальная императрица	88	32	84	32	80	28	84	16
Буквы разные писать тонким перышком в тетрадь...	84	12	76	12	88	12	88	24
Огласите весь список, пожалуйста	52	24	96	40	88	64	96	68
Пока не доешь, из-за стола не выйдешь	76	16	92	24	76	12	72	20
Королевство кривых зеркал	60	8	80	16	80	4	88	28
А судьи кто?	80	48	56	20	72	20	88	48
Не верю!	68	48	48	32	72	36	76	52
Золотой век	68	20	48	8	68	4	84	8
И хорошее настроение не покинет больше вас	60	12	76	32	72	36	76	44
Сын маминой подруги	88	72	68	36	48	8	36	20
Зимняя вишня	32	4	68	4	72	10	88	16
Кто виноват и что делать?	12	24	44	20	56	24	88	36
Экзамен для меня – всегда праздник, профессор!	24	8	36	8	76	16	72	24
Правду говорить легко и приятно	32	12	32	8	44	16	56	20
Нарисуем – будем жить	36	4	28	16	52	28	88	60
Пик коммунизма	16	8	20	8	44	4	80	24
И дольше века длится день	12	—	8	4	56	4	72	16

поскольку не актуализируют знания, сопряженные с прошлым культурным опытом.

Заключение. Резюмируя сказанное выше, можно предположить, что единицы, занимающие периферийную позицию в системе прецедентных феноменов, будут востребованы в речевой практике двух-трех поколений носителей языка. Несмотря на то, что «жизнеспособности» прецедентных единиц служат такие

важнейшие качества, как аксиологичность, иммерсивность, мультимодальность, следует подчеркнуть, что по отношению к конкретной временной точке любой прецедентный феномен носит ретроспективный характер, отражая ценностные установки, моральные принципы и этические нормы предшествующего момента

времени, поскольку, чтобы стать составляющими элементами когнитивной базы социума, прецедентные единицы должны пройти сквозь

«фильтр» эпохи, установить корреляцию между ценностями и нормами общества, впитать актуальные смыслы культуры.

Список литературы

1. Марченко Т.В. Нарративная природа формирования и функционирования комплексных прецедентных феноменов // Науч. мысль Кавказа. 2023. № 3(115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnaya-priroda-formirovaniya-i-funktsionirovaniya-kompleksnyh-pretседentnyh-fenomenov> (дата обращения: 30.01.2025).
2. Марченко Т.В. Символьное наследие советской эпохи в современном социокультурном пространстве // Дискурсы «новый человек» и «советский народ» как общность в социокультурном пространстве СССР: междисциплинар. сб. науч. тр. Ставрополь: Секвойя, 2022. С. 156–170.
3. Марченко Т.В. Советская эпоха в поликодовой прецедентной медиарефлексии, или От каждого по способностям, каждому по потребностям // Актуал. проблемы филологии и пед. лингвистики. 2024. № 2. С. 200–219. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-2-200-219>
4. Ефремов В.А. Культурная память и прецедентные феномены: случай Ф.М. Достоевского // Мир рус. слова. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-pamyat-i-pretседentnye-fenomeny-sluchay-f-m-dostoevskogo> (дата обращения: 30.01.2025).
5. Kristeva J. Séméiotikè: Recherches pour une sémanalyse. Paris: Seuil, 1969. 384 p.
6. Караулов Ю.Н. Вехи национально-культурной памяти в языковом сознании русских в конце XX века // Актуальные проблемы современной лексикографии. М., 1997. С. 26–38.
7. Быстрова Т.Е. Прецедентные имена как вехи культурной памяти (на примере анализа рассказов А.П. Чехова) // Человек и культура. 2016. № 1. С. 77–100. <https://doi.org/10.7256/2409-8744.2016.1.17890>
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. 264 с.
9. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Рус. речь. 2001. № 3. С. 31–37.
10. Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014. 304 с.
11. Голубева Н.А. О развитии направлений прецедентной лингвистики // Вопр. когнитив. лингвистики. 2020. № 3. С. 92–103.
12. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 190 с.
13. Каменская И.Б., Ибрагимова Ф.И. Прецедентность как когнитивная категория художественного дискурса // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь, 2021. С. 112–117.
14. Mondada L. Challenges of Multimodality: Language and the Body in Social Interaction // J. Sociolinguistics. 2016. Vol. 20, № 3. P. 336–366. https://doi.org/10.1111/josl.1_12177
15. Загидуллина М.В. Мультиmodalность: к вопросу о терминологической определенности // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1(31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimodalnost-k-voprosu-o-terminologicheskoy-opredelennosti> (дата обращения: 01.07.2024).
16. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., 2004. 272 с.

References

1. Marchenko T.V. Narrativnaya priroda formirovaniya i funktsionirovaniya kompleksnykh pretседentnykh fenomenov [The Narrative Nature of Forming and Functioning of Complex Precedent Phenomena]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2023, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnaya-priroda-formirovaniya-i-funktsionirovaniya-kompleksnyh-pretседentnyh-fenomenov> (accessed: 30 January 2025).
2. Marchenko T.V. Simvol'noe nasledie sovetской epokhi v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve SSSR [Symbolic Legacy of the Soviet Era in the Modern Socio-Cultural Space]. *Diskursy "novyy chelovek" i "sovetskiy*

narod” kak obshchnost’ v sotsiokul’turnom prostranstve [The “New Man” and the “Soviet People” Discourses as a Community in the Socio-Cultural Space of the USSR]. Stavropol, 2022, pp. 156–170.

3. Marchenko T.V. The Soviet Epoch in Polycode Precedent Media Reflection, or From Each According to His Ability, to Each According to His Need. *Curr. Iss. Philol. Pedagog. Linguist.*, 2024, no. 2, pp. 200–219 (in Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-2-200-219>

4. Efremov V.A. Kul’turnaya pamyat’ i pretsedentnye fenomeny: sluchay F.M. Dostoevskogo [Cultural Memory and Precedent Phenomena: Fyodor Dostoevsky’s Case]. *Mir russkogo slova*, 2021, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-pamyat-i-pretsedentnye-fenomeny-sluchay-f-m-dostoevskogo> (accessed: 30 January 2025).

5. Kristeva J. *Sèmeiotikè: Recherches pour une sémanalyse*. Paris, 1969. 384 p.

6. Karaulov Yu.N. Vekhi natsional’no-kul’turnoy pamyati v yazykovom soznanii russkikh v kontse XX veka [Milestones of National and Cultural Memory in the Linguistic Consciousness of Russians in the Late 20th Century]. *Aktual’nye problemy sovremennoy leksikografii* [Current Issues of Modern Lexicography]. Moscow, 1997, pp. 26–38.

7. Bystrova T.E. Pretsedentnye imena kak vekhi kul’turnoy pamyati (na primere analiza rasskazov A.P. Chekhova) [Precedent Names as Milestones of Cultural Memory (Based on the Analysis of A.P. Chekhov’s Stories)]. *Chelovek i kul’tura*, 2016, no. 1, pp. 77–100. <https://doi.org/10.7256/2409-8744.2016.1.17890>

8. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost’* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, 2010. 264 p.

9. Chudinov A.P. Rossiya v metaforicheskom zerkale [Russia in a Metaphorical Mirror]. *Russkaya rech’*, 2001, no. 3, pp. 31–37.

10. Sokolova O.V. *Tipologiya diskursov aktivnogo vozdeystviya: poeticheskiy avangard, reklama i PR* [Active Effect Discourses: Poetic Avant-Garde, Advertising and PR]. Moscow, 2014. 304 p.

11. Golubeva N.A. O razvitii napravleniy pretsedentnoy lingvistiki [On the Development of Precedent Linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2020, no. 3, pp. 92–103.

12. Voloshinov V.N. *Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [Marxism and the Philosophy of Language: Key Problems of the Sociological Method in Linguistics]. Moscow, 1993. 190 p.

13. Kamenskaya I.B., Ibragimova F.I. Pretsedentnost’ kak kognitivnaya kategoriya khudozhestvennogo diskursa [Precedence as a Cognitive Category of Artistic Discourse]. *Formirovanie professional’noy kompetentnosti filologa v polikul’turnoy obrazovatel’noy srede* [Development of a Philologist’s Professional Competence in a Multicultural Educational Environment]. Simferopol, 2021, pp. 112–117.

14. Mondada L. Challenges of Multimodality: Language and the Body in Social Interaction. *J. Sociolinguistics*, 2016, vol. 20, no. 3, pp. 336–366. https://doi.org/10.1111/josl.1_12177

15. Zagidullina M.V. Mul’timodal’nost’: k voprosu o terminologicheskoy opredelennosti [Multimodality: To the Question of Terminological Definition]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2019, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimodalnost-k-voprosu-o-terminologicheskoy-opredelennosti> (accessed: 1 July 2024).

16. Kuz’mina N.A. *Intertekst i ego rol’ v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and Its Role in the Processes of Evolution of Poetic Language]. Moscow, 2004. 272 p.

Информация об авторе

Р.А. Волкова – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета (адрес: 350033, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149).

Information about the author

Roza A. Volkova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (address: ul. Stavropol’skaya 149, Krasnodar, 350033, Russia).

Поступила в редакцию 08.10.2024
Одобрена после рецензирования 14.02.2025
Принята к публикации 25.02.2025

Submitted 8 October 2024
Approved after reviewing 14 February 2025
Accepted for publication 25 February 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 64–72.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 64–72.

Научная статья
УДК 81'42
DOI: 10.37482/2687-1505-V420

Корреляционная обусловленность семантики ядерных лексем концептов «праздник» и «будни» (на материале рекламного медиадискурса)

Ольга Павловна Касымова¹✉

Анна Сергеевна Леонова²

^{1,2}Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

¹e-mail: olgakasyanova@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9317-6349>

²e-mail: anna-leonova93@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6081-9362>

Аннотация. Целью статьи является системное описание ядерных лексем концептов «праздник» и «будни» на материале рекламных микротекстов, которые ранее не рассматривались в данном аспекте. Сравнительный лингвистический анализ значения и функционирования ядерных лексем позволил определить общее и специфическое в их семантической структуре. Объектом исследования стали тексты современных медиареклам, где используются указанные концепты, предметом – ядерные лексемы, без обращения к их периферии – синонимам, фразеологическим единицам и ассоциатам. Материал был отобран методом сплошной выборки из региональных объявлений и видеороликов последних лет. В ходе работы использовались методы компонентного, корреляционного и контекстного анализа, корпусный метод. Общая функция рассматриваемых концептов в анализируемых рекламных текстах заключается в продвижении товаров и услуг. Слово «праздник» означает нерабочий день, а также счастливый, радостный день, в котором происходят важные, приятные события. Слово «будни» имеет противоположное значение: это монотонная, повседневная, обыденная жизнь. В контексте рекламы слово «праздник» кроме основного значения приобретает добавочное: это товар, который покупается, организуется, праздником называют скидки, разные важные события в жизни. Слово «будни», в свою очередь, не развивает добавочного значения. Оно обладает меньшими функциональными возможностями в сравнении со словом «праздник», выступая в роли триггера, призванного вызывать противоположные празднику ассоциации, т. е. используется для подчеркивания контраста со словом «праздник» или синонимичными ему словами.

Ключевые слова: концепт «праздник», концепт «будни», ядерная лексема, рекламный медиадискурс, медиареклама, рекламный микротекст

Для цитирования: Касымова, О. П. Корреляционная обусловленность семантики ядерных лексем концептов «праздник» и «будни» (на материале рекламного медиадискурса) / О. П. Касымова, А. С. Леонова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 64-72. – DOI 10.37482/2687-1505-V420.

Original article

Correlation Between the Meanings of the Core Lexemes of the Russian Concepts of Holiday and Everyday Life (Based on Advertising Media Discourse)

Olga P. Kasymova¹✉Anna S. Leonova²^{1,2}Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia¹e-mail: olgakasymova@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9317-6349>²e-mail: anna-leonova93@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6081-9362>

Abstract. The purpose of this article is a systematic description of the core lexemes of the Russian concepts of *prazdnik* ('holiday') and *budni* ('everyday life') based on the material of advertising microtexts that have not been previously studied in this aspect. A comparative linguistic analysis of the meaning and functioning of these core lexemes allowed us to identify common and specific features in their semantic structure. Texts of modern media advertisements that incorporate the concepts in question were chosen as the object of this research, while core lexemes (excluding the periphery, i.e. synonyms, phraseological units and associations), as the subject. The material was selected from regional advertisements and videos of recent years using the continuous sampling method. When working with the materials, the authors applied the methods of component, correlation, and contextual analysis, as well as the corpus method. The general function of the concepts under study in the analysed texts is to promote goods and services. The word *prazdnik* means a non-working day as well as a happy, joyous day on which important, pleasant events take place. The word *budni* carries the opposite meaning, i.e. monotonous, dull everyday life. In the context of advertising, the word *prazdnik* has an additional sense: a product that is purchased or organized; discounts are called *prazdnik*, as well as various important events in life. The word *budni*, on the contrary, has not developed any additional meanings; it is less functional compared to the word *prazdnik* and acts as a trigger designed to evoke associations opposite to *prazdnik* in order to emphasize the contrast between *budni* and *prazdnik* and its synonyms.

Keywords: *concept of holiday, concept of everyday life, core lexeme, advertising media discourse, media advertising, advertising microtexts*

For citation: Kasymova O.P., Leonova A.S. Correlation Between the Meanings of the Core Lexemes of the Russian Concepts of Holiday and Everyday Life (Based on Advertising Media Discourse). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 64–72. DOI: 10.37482/2687-1505-V420

На современном этапе развития лингвистики отчетливо наметился сдвиг от рассмотрения языка как относительно замкнутой системы к его изучению с точки зрения многочисленных связей и функций: язык и познание, язык и социум, язык и человек, что подтверждается

формированием ряда таких дисциплин, как этнолингвистика, психоллингвистика, лингвокультурология и др. С другой стороны, с конца XX века расширилась область исследования языковых явлений в связи с возникновением новых социальных сфер жизни, включая популярную

область – рекламу, которая выступает одной из форм коммуникативного поведения. Новизна работы обусловлена обращением к новейшим образцам рекламы, содержащим лексику праздников и повседневности, которая недостаточно изучена в рамках текстов медиарекламы.

Теоретическую базу исследования составили труды лингвистов, раскрывающих проблемы медиатекстов, в частности рекламы. В них рассмотрены языковые средства рекламы: стереотипы образа жизни (Н.П. Потоцкая [1]); метафора как яркое языковое средство воздействия на потребителя (О.И. Таюпова [2]); язык как средство создания виртуальной реальности возможностей в рекламных текстах (М.В. Ягодкина [3]); вербализация коммуникативных установок рекламы (Т.А. Пивоварчик, Е.Т. Костюшко [4]) и др. Также стоит отметить работы лингвистов, изучающих концепты «праздник» и «будни» в сопоставительном аспекте: в русском и китайском языках (В.Е. Иосифова [5], И.В. Семенова, Ц. Сун [6]); в немецкой и русской языковых картинах мира (И.И. Лейфа, М.Э. Медведева [7]); в русском и европейских языках (Д.И. Медведева [8]). На материале собственно русского языка концепт «праздник» рассматривался в религиозном дискурсе (И.В. Бугаева [9]); в рекламных текстах (В.С. Генерозова [10]); в сравнении с концептом «будни» (О.П. Касымова, А.С. Леонова [11]); в русской языковой картине мира (Ю. Чжан [12]). Эти аспекты не исчерпывают всей проблематики структуры и функционирования концептов «праздник» и «будни», что открывает возможности дальнейшего исследования.

Теоретическая значимость статьи заключается в уточнении представления о корреляционной обусловленности ядерных лексем концептов «праздник» и «будни», являющихся частью концептосферы русского языка, в расширении понимания универсальных связей и закономерностей взаимодействия концептов. Практическая значимость связана с возможностями использования результатов исследования в практике составления рекламных текстов, а также обучения маркетингу и рекламе.

Одной из главных функций рекламы, коммерческой или социальной, по мнению Н.П. Потоцкой, является информирование целевой аудитории, причем в той форме, которая наиболее выгодна создателям рекламы, поскольку это не просто сообщение как таковое, но и средство привлечения внимания, создания имиджа и даже формирования устойчивых стереотипов в образе жизни, принципов морали и нравственности [1]. Следовательно, язык рекламы, используемый как в устной и письменной форме, так и в виде креолизованных текстов, оказывает мощное влияние на восприятие и поведение людей.

Исходя из необходимости убеждать приобрести ту или иную услугу или товар языковая форма рекламы должна быть яркой, лаконичной, простой, краткой и запоминающейся, утверждают А.С. Грищенко и Д.М. Мамаева [13, с. 30]. Для достижения данной цели применяются как графические, так и речевые приемы. По нашим наблюдениям, с целью создания подобной привлекательной формы для продвижения товаров и услуг среди прочего используется образ праздника и его противоположность – образ будней.

По мнению Е.С. Кубряковой, «каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [14, с. 11–12]. Поэтому в данной статье ядерные лексемы концептов «праздник» и «будни» характеризуются с точки зрения трансформации их семантики в рекламном дискурсе – особом типе массовой коммуникации.

Мы проанализировали ядерные лексемы концептов «праздник» и «будни», основываясь на представлении о сложной полевой структуре концепта, предложенном З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [15]. Структура концепта, по словам данных лингвистов, включает образный компонент, информационное содержание, интерпретационное поле с оценочной, энциклопедической, утилитарной, регулятивной, социально-культурной и паремиологической зонами [15, с. 75–81]. Важной частью иссле-

дования любого концепта выступает построение его номинативного поля, являющего собой описание языковых средств, номинирующих концепт. Полное описание семантики единиц номинативного поля концепта при условии их когнитивной интерпретации в итоге дает представление о структуре и содержании концепта.

Цель данной статьи заключается в сравнении ядерных лексем концептов «праздник» и «будни» на материале рекламных микротекстов, которые ранее не рассматривались в данном аспекте. В качестве объекта исследования были выбраны ядерные лексемы концептов «праздник» и «будни» без привлечения их периферийной репрезентации – синонимов (*выходной, рабочий день, повседневность*), фразеологии (*праздник на носу*), ассоциатов (*веселье, 1 Мая, тяжёлые, серые*) и паремий (*Примечай будни, а праздники сами придут*).

При работе с материалом использовался метод компонентного анализа, предполагающий изучение значений языковых единиц путем выделения основных компонентов значения слова, или сем. При обращении к Национальному корпусу русского языка¹ применялся статистический метод, позволивший определить наиболее частотные коллокации рассматриваемых слов. Контекстный анализ помог понять, как слова меняют свое значение в зависимости от контекста. Метод корреляционного анализа способствовал установлению взаимосвязи значения и функциональной активности слов (в нашем случае «будни» и «праздник»). Сочетание этих методов обеспечило комплексный анализ

языковых данных. Материал исследования (52 примера) был отобран в течение 2023–2024 годов методом сплошной выборки из рекламных объявлений с сайтов г. Уфы (например, FILLIRAMI, Cook & Run, Япраздник.рф, РадугаПАРК, Mango Boom, Show Today и др.).

Анализ рекламных текстов продемонстрировал, что понятие «праздник» чаще всего встречается среди объявлений об организации того или иного торжества. Цель каждого объявления – доказать, что именно этот ведущий (или агентство) является профессионалом своего дела, для чего привлекаются красочные, эмоциональные описания, например:

*Проведу ваш праздник так, чтобы близкие люди вам говорили: «Все было потрясающе!» Подробно расскажу, как сделать ваш праздник незабываемым! Неиссякаемый источник креатива, импровизаций и юмора на ваш праздник!*²

*Шоколадный фонтан на Ваш праздник – удивительная изюминка мероприятия!*³

*Хотите устроить прекрасный, веселый и драйвовый праздник для своих детишек? Ваш сын любит супергероев? Дочка обожает принцесс или фей? Подарите ребенку МЕЧТУ – веселых и любимых героев на свой праздник!*⁴

*Агентство праздников FILLIRAMI – подарите своим близким незабываемые моменты! Устали от однообразных праздников? Хотите удивить гостей и создать яркое, неповторимое торжество? Тогда обращайтесь к нам!*⁵

¹Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 31.03.2024).

²Ведущий, тамада на свадьбу, корпоратив. Уфа. URL: https://www.avito.ru/ufa/predlozheniya_uslug/veduschiy_na_svadbu_korporativ_yubiley_7246507450?ysclid=m9qeukoai6566901964 (дата обращения: 31.03.2024).

³Услуги и сервисы в Уфе. URL: https://www.avito.ru/ufa/predlozheniya_uslug?q=%D1%88%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%84%D0%BE%D0%B%D1%82%D0%B0%D0%BD&ysclid=lvgxalg749160236377 (дата обращения: 01.12.2023).

⁴Супергерои на праздник. URL: https://vk.com/wall-206644621_2?ysclid=lvxgcdhwgm295586643 (дата обращения: 31.03.2024).

⁵Агентство праздников FILLIRAMI. URL: <https://vk.com/filrami?ysclid=m6einbl4v283709009> (дата обращения: 27.03.2024).

*Организовали 24 853 мероприятия. Доверьте свой праздник команде опытных профессионалов Cook & Run*⁶;

*Выбирайте готовую программу и организуйте веселый детский праздник*⁷.

Согласно толковому словарю, праздник определяется как день массовых игр, развлечений; счастливый, радостный день, ознаменованный каким-нибудь важным, приятным событием, удачей⁸. Частотными коллокациями к ключу «праздник», согласно Национальному корпусу русского языка, являются слова «большой», «великий», «Рождество», «Пасха», «светлый», «поздравлять», «воскресенье» и др.⁹ [16]. Данный факт подтверждает мнение М.В. Ягодкиной, что реклама служит неким «источником света, лампочкой» и этому способствует именно язык: «Реклама в своем языковом воплощении “подсвечивает” положительные стороны рекламируемого объекта, а все, что не соответствует рекламной концепции, – остается в тени» [3, с. 53].

В контексте рекламы слово «праздник» приобрело добавочный смысл: это товар, он покупается, организуется, праздником называют скидки (*Праздник скидок – черная пятница*), приобретение разных товаров (*Дарите праздник по приятным ценам!*).

В то же время можно отметить обратное явление: не только само праздничное событие вынуждает приобретать те или иные товары и

услуги, но и их приобретение приравнивается к празднику и всем положительным эмоциональным ассоциациям, с ним связанным:

Дарите праздник своим близким, – гласит слоган рекламы продукции Apple¹⁰.

Как следствие, в нашем сознании расширяется феноменология праздника, включающая, по мнению В.П. Курбатова и И.М. Верещагиной, типологичность, мифологизацию, ритуал и обряд, праздничное мироощущение и др. [16, с. 47–48]. Такое расширение прямого, основного значения слова «праздник» соответствует представлению о нем как о динамичном, сложном, многомерном образовании. Семой, объединяющей вышеперечисленные значения, становится понятие «приподнятое настроение, положительные эмоции». Совокупность данных значений образует ментальную общность, в которой отдельные компоненты сливаются в общий континуум. Модификация содержания ядерной лексики концепта «праздник» в современных текстах рекламы полностью соотносится с представлением о развитии лексического значения слова в концепции динамической спирали со множеством параметров К. Харди [17].

У понятия «будни» обнаруживается противоположное, антонимичное значение, и его эмоциональное наполнение в рекламе имеет другой характер. Словарное значение слова «будни» – непраздничные дни, повседневная, обыденная жизнь¹¹. В нашем коллективном сознании будни ассоциируются с трудом, мо-

⁶Cook & Run. URL: https://ufa.cookn.run/dr?roistat_referrer=dzen.ru&roistat_pos=none_0&roistat=direct6_cointext_14727369779_%D0%B3%D0%B4%D0%B5%20%D0%BE%D1%82%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%8C%20%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%2012%20%D0%BB%D0%B5%D1%82&yclid=16097431801307070463 (дата обращения: 27.03.2024).

⁷Wow-Land – детский интерактивный парк. URL: https://ufa.wow-land.site/?utm_source=yandex_direct&utm_medium=cpc&utm_campaign=mk_site_114588711&utm_term=---autotargeting&source=dzen.ru&device=desktop&utm_content=phrase_id|53209726890|gid|5497340168|aid|16532825296|adp|no&yclid=3101513854030184447 (дата обращения: 27.03.2024).

⁸Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ЭЛРИС, 2003. С. 578.

⁹Национальный корпус русского языка.

¹⁰Реклама Apple. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XrecO7bcG04> (дата обращения: 31.03.2024).

¹¹Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 62.

нотонной повседневностью, что обнаруживается в сочетаниях со словами «тяжелые», «серые», «тоскливые» и проч. В рекламе это слово употребляется как триггер, вызывающий нейтральные или отрицательные представления. Поэтому в текстах как части маркетинговых мероприятий, предназначенных формировать положительные образы у потребителей, слово «будни» используется только для подчеркивания контраста со словом «праздник» или с близкими ему, например:

Домашние будни... Освежись и сделай день, и классно оденься. Пережуем, – убеждает реклама Orbit¹²;

Раскрась будни! – гласит видеоролик «РадугаПАРКа» на YouTube, и в продолжение: Мы раскрасим будни, исправим в «РадугаПАРКЕ» с семьей и друзьями. Яркие будни в «Радуге» тут¹³;

Устали от серых будней? Ну и клик с ними. Пора в театр! – зазывает реклама Тикетленд.ру¹⁴;

Новый стикерпак «Семейные будни» доступен в Viber! В стикерпак вошли стикеры на все случаи семейной жизни, от банального (но очень важного) «Доброе утро!» до обязательного «Сходи в магазин!» – информирует интернет-СМИ Smart Press¹⁵;

Выпрыгни из будней! Отдохни по полной! – призывает реклама Mango Boom¹⁶.

Согласно Национальному корпусу русского языка, приведенные рекламные тексты соответствуют коллокам к ключу «будни»: «серый», «скрашивать», «скрасить»¹⁷. Эти примеры показывают, как язык рекламы служит созданию особой условной и одновременно достижимой реальности. Товары и услуги предо-

ставляют нам возможность отвлечься от серых, наскучивших будней, освежить и скрасить их. На фоне серости будней и недостатка цвета особенно выделяется яркий рекламируемый бренд. В целом слово «будни» как ключевая лексема одноименного концепта встречается в рекламных текстах намного реже слова «праздник» (1:10).

Анализ ключевых лексем концептов «праздник» и «будни» позволяет сделать вывод, что реклама реализует потенциальные возможности языка и влияет на языковые характеристики личности. Рекламные тексты могут обуславливать поведение адресатов, используя в основном суггестивные методы воздействия на аудиторию, заранее определяя заданный тип поведения. В социально-исторической, экономической и идеологической сферах реклама является уже признанным инструментом влияния. Исследование антонимичной пары «праздник» и «будни» в рекламном дискурсе показало, что используются они по-разному, их корреляционная обусловленность предусматривает расширение значений слова «праздник» и его активное функционирование, в то время как лексическое значение компонента «будни» стабильно и его функционирование ограничено: в приведенных примерах слово «праздник» употребляется в 10 раз чаще, чем слово «будни».

Слово «будни», реализующее ядерное значение концепта, обладает более ограниченными функциональными возможностями по сравнению со словом «праздник». Оно не имеет той же эмоциональной нагрузки, осуществляет свое основное словарное значение, не обнаруживая тенденции к расширению семантики в рекламном

¹²Реклама Orbit. URL: <https://timerek.ru/2022/01/27/reklama-orbit-serjozha-volk-na-futbolke-2022/?ysclid=lvxkw62oq857754073> (дата обращения: 31.03.2024).

¹³РадугаПАРК. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ri2aulPewic> (дата обращения: 31.03.2024).

¹⁴Тикетленд.ру. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KetjFGLVHqc> (дата обращения: 31.03.2024).

¹⁵Smart Press. URL: <https://ok.ru/smartpress/topic/155131931837311> (дата обращения: 31.03.2024).

¹⁶Mango Boom. URL: <https://mangoboom.ru/> (дата обращения: 31.03.2024).

¹⁷Национальный корпус русского языка.

медиадискурсе в отличие от слова «праздник». В паре «праздник – будни» доминирующим является слово «праздник», которое востребовано в нашем сознании, и в русской языковой картине мира оно активно развивается.

Перспективы исследования связаны с изучением рассматриваемых концептов в других

дискурсах в синхронии и диахронии, сопоставительным анализом этих концептов в различных языках, а также привлечением материалов синонимических, этимологических, фразеологических и ассоциативных словарей, т. е. полным описанием семантики единиц номинативного поля.

Список литературы

1. *Потоцкая Н.П.* Особенности перевода, национально-культурная адаптация и глобальная стандартизация рекламных текстов // Лингвистическое образование на современном этапе: российский и зарубежный опыт: сб. науч. ст. и материалов междунар. конф., посвящ. 15-летию первого вып. специалистов в обл. лингвистики в Сургут. гос. ун-те / отв. ред. И.А. Курбанов. Сургут: Сургут. гос. ун-т, 2017. С. 260–267.
2. *Таюпова О.И.* Метафоризация в рекламном дискурсе // Докл. Башкир. ун-та. 2022. Т. 7, № 2. С. 125–128.
3. *Ягодкина М.В.* Трансформация реальности в языке рекламы // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 46. С. 51–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-realnosti-v-yazyke-reklamy> (дата обращения: 20.04.2024).
4. *Пивоварчик Т.А., Костюшко Е.Т.* Прагматика лингвокультурного кода праздника в модульном рекламном тексте (на материале белорусской периодики второй половины XX века) // Медиалингвистика: материалы VI Междунар. науч. конф. / науч. ред. Л.Р. Дускаева, отв. ред. А.А. Малышев. СПб., 2022. С. 433–437.
5. *Иосифова В.Е.* Русские и китайские пословицы с компонентом «праздник» в лингвокультурологическом аспекте // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней: докл. междунар. науч. конф., посвящ. памяти д-ра филол. наук, проф. О.П. Ермаковой. Калуга, 2023. С. 92–98.
6. *Семенова И.В., Сун Цзинхуа.* Концепт «праздник/节日» в русской и китайской языковых картинах мира // Эпоха науки. 2016. № 8. С. 327–335.
7. *Лейфа И.И., Медведева М.Э.* Сопоставительный анализ полей концептов «alltäglichkeit» и «повседневность» в немецкой и русской языковых картинах мира // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2014. № 66. С. 110–117.
8. *Медведева Д.И.* Понятийный компонент концепта праздник и его аналогов в европейских языках // Языки и культура народов России и стран СНГ: сб. ст. по материалам докл. XXXI Междунар. науч. конф. к 80-летию юбилею Ин-та языка, лит. и искусства Акад. наук Респ. Татарстан. СПб.; Казань: Изд-во С.-Петерб. гос. экон. ун-та, 2019. С. 96–100.
9. *Бугаева И.В.* Концепт «праздник» в религиозном дискурсе: лексикографический аспект // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2(24). С. 155–159.
10. *Генерозова В.С.* Концепт праздник в рекламном дискурсе // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию филол. фак. БашГУ. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С. 37–43.
11. *Касымова О.П., Леонова А.С.* Симметрия и асимметрия семантической структуры многозначных слов «праздник» и «будни» // Рос. гуманитар. журн. 2022. Т. 11, № 5. С. 382–389.
12. *Чжан Юфань.* Концепт «праздник» в русской языковой картине мира // Соврем. ученый. 2023. № 5. С. 44–49.
13. *Грищенко А.С., Мамаева Д.М.* Особенности серий социальной рекламы в Китае // Междунар. науч.-исслед. журн. 2021. № 8-4(110). С. 26–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-seriy-sotsialnoy-reklamy-v-kitae> (дата обращения: 20.04.2024).
14. *Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопр. когнитив. лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.

15. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
16. Курбатов В.П., Верецагина И.М. Феноменология праздника // Концепт. 2015. № 6. С. 41–45.
17. Hardy C. Networks of Meaning: A Bridge Between Mind and Matter. Westport: Praeger, 1998. 217 p.

References

1. Pototskaya N.P. Osobennosti perevoda, natsional'no-kul'turnaya adaptatsiya i global'naya standartizatsiya reklamnykh tekstov [Translation, National Cultural Adaptation and Global Standardization of Advertising Texts]. Kurbanov I.A. (ed.). *Lingvisticheskoe obrazovanie na sovremennom etape: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt* [Linguistic Education at the Present Stage: Russian and Foreign Experience]. Surgut, 2017, pp. 260–267.
2. Tayupova O.I. Metaforizatsiya v reklamnom diskurse [Metaphorization in Advertising Discourse]. *Doklady Bashkirskogo universiteta*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 125–128.
3. Yagodkina M.V. Transformatsiya real'nosti v yazyke reklamy [Transformation of a Reality in the Language of Advertising]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, 2007, no. 46, pp. 51–61. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-realnosti-v-yazyke-reklamy> (accessed: 20 April 2024).
4. Pivovarchik T.A., Kostyushko E.T. Pragmatika lingvokul'turnogo koda prazdnika v modul'nom reklamnom tekste (na materiale belorusskoy periodiki vtoroy poloviny XX veka) [Pragmatics of the Linguocultural Code of a Holiday in a Modular Advertising Text (Based on the Belarusian Periodicals of the Second Half of the 20th Century)]. Duskaeva L.R., Malyshev A.A. (eds.). *Medialingvistika* [Media Linguistics]. St. Petersburg, 2022, pp. 433–437.
5. Iosifova V.E. Russkie i kitayskie poslovitsy s komponentom “prazdnik” v lingvokul'turologicheskom aspekte [Russian and Chinese Proverbs with the Component *Holiday* in the Linguocultural Aspect]. *Problemy lingvisticheskoy semantiki i pragmatiki yazykovykh edinits raznykh urovney* [Problems of Linguistic Semantics and Pragmatics of Language Units of Different Levels]. Kaluga, 2023, pp. 92–98.
6. Semenova I.V., Song Jinghua. Kontsept “prazdnik/节日” v russkoy i kitayskoy yazykovykh kartinakh mira [The Concept of “Holiday/节日” in Russian and Chinese Language Pictures of the World]. *Epokha nauki*, 2016, no. 8, pp. 327–335.
7. Leyfa I.I., Medvedeva M.E. Sopostavitel'nyy analiz poley kontseptov “alltäglichkeit” i “povsednevnost” v nemetskoy i russkoy yazykovykh kartinakh mira [The Comparative Research of the Field of the Concepts “Alltäglichkeit” and “Povsednevnost” in the German and the Russian Language Pictures of the World]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 66, pp. 110–117.
8. Medvedeva D.I. Ponyatiyny komponent kontsepta prazdnik i ego analogov v evropeyskikh yazykakh [Conceptual Component of the Concept of Holiday and Its Analogues in European Languages]. *Yazyki i kul'tura narodov Rossii i stran SNG* [Languages and Cultures of the Peoples of Russia and CIS Countries]. St. Petersburg, 2019, pp. 96–100.
9. Bugaeva I.V. Kontsept “prazdnik” v religioznom diskurse: leksikograficheskiy aspekt [Concept “Festival” in Religious Discourse: Lexicographic Aspect]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2009, no. 2, pp. 155–159.
10. Generozova V.S. Kontsept prazdnik v reklamnom diskurse [The Concept of Holiday in Advertising Discourse]. *Slavyanskije etnosy, yazyki i kul'tury v sovremennom mire* [Slavic Ethnic Groups, Languages and Cultures in the Modern World]. Ufa, 2017, pp. 37–43.
11. Kasymova O.P., Leonova A.S. Symmetry and Asymmetry of Semantic Structure of Polysemous Words “Holiday” and “Workdays”. *Lib. Arts Russ.*, 2022, vol. 11, no. 5, pp. 382–391 (in Russ.).
12. Zhang Yufan. The Concept “Holiday” in the Russian Linguistic Worldview. *Mod. Sci.*, 2023, no. 5, pp. 44–49 (in Russ.).
13. Grishchenko A.S., Mamaeva D.M. Osobennosti seriy sotsial'noy reklamy v Kitae [Features of Social Advertising Series in China]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2021, no. 8-4, pp. 26–32. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-seriy-sotsialnoy-reklamy-v-kitae> (accessed: 20 April 2024).
14. Kubryakova E.S. Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [Of Cognitive Science Guidelines and Vital Problems of Cognitive Linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2004, no. 1, pp. 6–17.
15. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, 2007. 314 p.

16. Kurbatov V.P., Vereshchagina I.M. Fenomenologiya prazdnika [Phenomenology of a Holiday]. *Kontsept*, 2015, no. 6, pp. 41–45.

17. Hardy C. *Networks of Meaning: A Bridge Between Mind and Matter*. Westport, 1998. 217 p.

Информация об авторах

О.П. Касымова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и методики его преподавания Уфимского университета науки и технологий (адрес: 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32).

А.С. Леонова – аспирант кафедры современного русского языкознания Уфимского университета науки и технологий (адрес: 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32).

Information about the authors

Olga P. Kasymova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Language Theory and Teaching Methods, Ufa University of Science and Technology (address: ul. Zaki Validi 32, Ufa, 450076, Russia).

Anna S. Leonova, Postgraduate Student, Department of Modern Russian Linguistics, Ufa University of Science and Technology (address: ul. Zaki Validi 32, Ufa, 450076, Russia).

Поступила в редакцию 07.05.2024
Одобрена после рецензирования 28.01.2025
Принята к публикации 30.01.2025

Submitted 7 May 2024
Approved after reviewing 28 January 2025
Accepted for publication 30 January 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 73–82.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 73–82.

Научная статья
УДК 81'322.4:[811.511.11+811.161.1]
DOI: 10.37482/2687-1505-V421

Нейронный машинный перевод и передача восприятия холода (на примере финско-русского перевода метеотекстов)

Анна Васильевна Мерзлая

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: aannaa@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7109-3351>

Аннотация. В данной статье представлено системное описание переводческих неудач, возникающих в результате нейронного машинного перевода на русский язык финноязычных метеорологических медиатекстов, содержащих прогнозы прохождения холодного фронта и фиксацию отрицательных температур. Актуальность темы обусловлена все более пристальным вниманием метеорологов к явлениям, связанным с изменением климата и погодными аномалиями, а также заинтересованностью специалистов IT-сферы в оптимизации систем нейронного машинного перевода, позволяющих существенно ускорить процесс межкультурной коммуникации. Основная цель исследования состоит в выявлении и систематизации переводческих неудач, возникающих при переводе финноязычных метеотекстов о холодной погоде, которые опубликованы в электронной версии газеты «*Ilta-Sanomat*», и содержащихся в них признаках холода. Сначала методом сплошной выборки был проведен отбор микроконтекстов, затем посредством онлайн-переводчика DeepL Translate выполнен перевод отобранных метеотекстов, наконец, с помощью компонентного и контекстуального анализа выявлены и представлены основные типы переводческих неудач, рассмотрены причины их возникновения. Исследование показало, что наибольшее количество переводческих неудач при передаче средств вербализации холода связано с утратой ощущения холода, когда сема холода, включенная в семантическую структуру финской лексемы, не находит отражения в переводе на русский язык. Переводческие неудачи также могут быть связаны с выбором не соответствующей контексту лексической единицы, с использованием имен собственных и лингвокреатом, передача которых требует поиска оригинальных переводческих решений и чаще всего не может быть реализована при нейронном машинном переводе. Результаты исследования могут быть использованы в целях оптимизации систем нейронного машинного перевода. Возможно также применение полученных данных при обучении переводу и постредактировании переводов метеорологических медиатекстов.

Ключевые слова: вербализация восприятия холода, метеотексты, финский язык, нейронный машинный перевод, переводческая неудача, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Мерзлая, А. В. Нейронный машинный перевод и передача восприятия холода (на примере финско-русского перевода метеотекстов) / А. В. Мерзлая // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 73–82. – DOI 10.37482/2687-1505-V421.

Original article

Neural Machine Translation and Conveying Cold Perception (Based on Finnish-Russian Translations of Meteorological Texts)

Anna V. Merzlaya

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: aannaa@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7109-3351>

Abstract. This article presents a systematic description of translation failures resulting from neural machine translation of Finnish-language meteorological media texts (forecasting a cold front and negative temperatures) into Russian. The importance of the topic is determined by the increasing attention of meteorologists to phenomena related to climate change and weather anomalies as well as by the interest of IT specialists in optimizing neural machine translation systems that can significantly accelerate the process of interlingual communication. The key aim of the study is to identify and systematize translation failures that occur when translating Finnish-language meteorological texts about cold weather published in the online version of the newspaper *Ilta-Sanomat* as well as attributes of the cold used in these texts. First, micro-contexts were selected by means of continuous sampling, then the selected meteorological texts were translated using the online service DeepL Translate, and finally, by means of component and contextual analyses, the main types of translation failures were identified and the reasons for their occurrence were described. The study demonstrates that the greatest number of failures when translating verbalizations of the cold include omitting cold sensations, i.e. the sense of the cold that is present in the semantic structure of the Finnish lexeme is not rendered in the Russian translation. Moreover, translation failures can arise from the choice of a lexical unit inadequate to the context or use of proper names and nonce words whose rendering requires finding original translation solutions and typically cannot be realized through neural machine translation. The results of the study can be used to optimize neural machine translation systems as well as to teach translation and post-editing of translations of meteorological media texts.

Keywords: *verbalization of cold perception, meteorological texts, Finnish language, neural machine translation, translation failure, interlingual communication*

For citation: Merzlaya A.V. Neural Machine Translation and Conveying Cold Perception (Based on Finnish-Russian Translations of Meteorological Texts). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 73–82. DOI: 10.37482/2687-1505-V421

В настоящее время наблюдается все более возрастающая потребность в быстром и качественном переводе. Машинный перевод является одним из средств удовлетворения данной потребности, поэтому в повышении его качества состоит одна из целей многих специалистов, работающих в IT-сфере. Для достижения указанной цели необходимо выявить и проанализировать неудачи нейронного машинного перевода, который не только помогает в поиске

и сопоставлении слов и выражений двуязычных корпусов, но и дает возможность «глубже проникнуть в связи, существующие между словами, и путем сложного анализа каждого переводимого образца изучить их взаимоотношения для выяснения контекста» [1, с. 497]. Важность исследования ошибок, возникающих в результате применения нейронного машинного перевода, подчеркивает увеличение количества научных работ отечественных [2, 3] и зарубежных [4, 5]

лингвистов, которые приводят описания ошибок машинного перевода и их возможные классификации. Стоит отметить и возрастание интереса к особенностям передачи перцептивной лексики в переводе, что находит отражение в появлении соответствующих научных трудов [6, 7], выполненных на основе либо параллельных корпусов текстов, либо сопоставления текстов оригинала и перевода, но в обоих случаях используются переводы, осуществленные человеком. Особенности же передачи перцептивной лексики в машинном переводе не уделяется внимания, хотя данный аспект является важным для перевода специальных текстов, например метеорологических.

Актуальность данной работы состоит в необходимости изучения особенностей передачи перцептивной лексики, а именно вербализации восприятия холода, в машинном переводе метеорологических текстов в условиях существующей возможности сопоставления переводов, выполненных машиной, с переводами, осуществленными переводчиком с творческим мышлением. В ходе исследования был проведен анализ переводческих неудач в передаче восприятия холода при переводе метеорологических медиатекстов с финского языка на русский. Под переводческой неудачей мы будем понимать искажение смысла текста в процессе перевода, а также нарушение текстовых параметров оригинала [8].

Исследование особенностей нейронного машинного перевода особенно важно в области сенсорной лингвистики – «области лингвистического знания, которая занимается языком перцепции, вербальной репрезентацией показаний 5 органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния» [9, с. 6]. В переводе перцептивной лексики большое значение имеет чувственный опыт переводчика, позволяющий ему ассоциативно выбрать из нескольких вариантов именно тот, который необходимо использовать в каждом конкретном случае [10, с. 51]. Перцептивный опыт способствует адекватному пониманию переводчиком сенсорной информации, что, в свою очередь, влияет на выбор языковых

средств, применяемых в тексте перевода. Может ли машина полноценно справиться с этой задачей при отсутствии перцептивного опыта, основываясь исключительно на лингвистической информации? Скорее всего, нет. Как отмечает А.В. Банарцева, именно способность чувствовать, ощущать и ассоциативно мыслить является залогом качественного перевода [10, с. 52], особенно перцептивной информации, что пока недоступно машине.

В ходе данного исследования был проведен анализ особенностей вербализации восприятия холода в переводах финноязычных метеорологических медиатекстов на русский язык, выполненных с помощью онлайн-переводчика DeepL Translate, работающего на основе нейронной сети. Микроконтексты отбирались методом сплошной выборки из метеорологических текстов, представленных в электронной версии газеты «*Ilta-Sanomat*» за 2021–2024 годы. В процессе изучения было зафиксировано 404 микроконтекста с описанием холодной погоды в виде прогноза или зарегистрированного наблюдения из 78 метеорологических медиатекстов. В 368 микроконтекстах (91 %) в результате нейронного машинного перевода была сохранена передача восприятия холода, в 36 случаях (9 %) отмечено игнорирование передачи ощущения холода либо наблюдалась неадекватная передача восприятия холода. Высокий показатель сохранения передачи исследуемой сенсорной информации в аспекте восприятия холода говорит о довольно высоком качестве нейронного машинного перевода, но для улучшения его качества необходимым и уместным представляется анализ ошибок. В связи с этим именно переводческие неудачи при передаче восприятия холода, т. е. лингвистические неточности, из-за которых может происходить искажение в передаче восприятия холода, заложенного в исходном тексте, наиболее интересны с точки зрения данного исследования.

Анализ переводов выявленных микроконтекстов позволил классифицировать неудачи в соответствии с классификацией ошибок машинного перевода, предложенной Дж. Карбонеллом,

А. Лави и А. Литос. Ученые выделили следующие группы ошибок: 1) опущение семантически важного слова (отсутствие в тексте перевода той или иной лексической единицы); 2) неверный выбор соответствия (неправильный выбор эквивалента, неверная передача специальной лексики); 3) использование незнакомого слова (например, при передаче имен собственных, сокращений и аббревиатур) [11, с. 89].

К первой группе переводческих неудач отнесем предложения, связанные с передачей в переводе температуры воздуха ниже 0 °С. В приведенных далее микроконтекстах первым идет текст оригинала и его дословный перевод, вторым – нейронный машинный перевод, третьим – перевод, выполненный нами.

Обратимся к анализу микроконтекстов из текстов оригиналов и их нейронных машинных переводов:

Suomen eteläosassa voi loppuviikolla olla jopa 15–25 pakkasastetta, keski- ja pohjoisosassa 20–30 pakkasastetta ja Lapissa jopa yli 30 astetta pakkasta (В южной части Финляндии в конце недели может быть даже 15–25 градусов мороза, в центральной и северной частях – 20–30 градусов мороза, а в Лапландии – даже ниже 30 градусов мороза):

В южной части Финляндии в конце недели может быть до 15–25 градусов по Цельсию, в центральной и северной частях – 20–30 градусов по Цельсию, а в Лапландии – до 30 градусов по Цельсию;

В южной части Финляндии в конце недели может быть до 15–25 градусов мороза, в центральной и северной частях – 20–30 градусов ниже нуля, а в Лапландии отрицательные температуры могут опуститься ниже 30 градусов.

В исходном тексте на температуру ниже 0 °С указывают лексемы *pakkasastetta* (досл. морозных градусов), *astetta pakkasta* (градусов мороза). В случае нейронного машинного перевода это указание утрачивается, и температура может восприниматься реципиентом как нечто нейтральное, не связанное с холодом. Лишь более широкий контекст позволяет указать реципиенту текста перевода, выполненного DeepL Translate,

на то, что речь идет об отрицательных температурах.

Еще более явным примером неудачного машинного перевода при передаче температуры ниже 0 °С может служить следующий микроконтекст:

Lapissa pakkaslukemat kiristyvät alle 10 asteesta 15 ja 20 asteen välimaastoon. Yli 20 asteen pakkasetkin voivat olla mahdollisia, jos pilvipeite rakoilee ja tuuli on riittävän heikkoa, meteorologi ennustaa (В Лапландии морозные значения увеличатся с менее чем 10 градусов до 15–20 градусов. Также возможны морозы ниже 20 градусов, если облачный покров «даст трещины» и ветер будет достаточно слабым, отмечает метеоролог):

В Лапландии температура повысится с менее чем 10 до 15–20 градусов. По прогнозам метеорологов, температура выше 20 градусов Цельсия возможна при разрыве облачности и слабом ветре;

В Лапландии ожидается усиление морозов с однозначных отрицательных значений до 15–20 градусов ниже нуля. Метеорологи отмечают, что температура может преодолеть и 20-градусную отметку при умеренном ветре и переменной облачности.

В тексте нейронного машинного перевода не находят реализации лексемы *pakkaset* (морозы) и *pakkaslukemat* (досл. морозные значения), указывающие на низкую температуру. Кроме того, использование глагола «повыситься», а также наречия «выше» в данном микроконтексте создает впечатление, что речь идет о положительном спектре температур, что может приводить в сознании реципиента к когнитивному диссонансу, в то время как в финноязычном тексте однозначно читается, что температура воздуха опускается ниже 15 °С, а значит, речь идет о морозной (холодной) погоде.

Переводческие неудачи, относящиеся ко второй группе, можно условно разделить на три подгруппы: 1) использование в переводе не соответствующей контексту лексической единицы; 2) неточный перевод терминов, связанных с

передачей ощущений холода; 3) игнорирование в переводе передачи ощущений холода при выборе лексических единиц.

К первой подгруппе отнесем нейронный машинный перевод следующего микроконтекста:

*Ilmatieteen laitos on antanut suureen osaan maata **pakkasvaroituksen** *purevan* pakkasen vuoksi* (Финский метеорологический институт выдал на большую часть страны предупреждение о морозе из-за кусачего мороза):

Финский метеорологический институт выпустил **предупреждение о заморозках** на значительной части территории страны из-за сильных морозов;

Финский метеорологический институт предупредил о сильных морозах на значительной части территории страны.

Комментируя использование в тексте оригинала финского композита *pakkasvaroitus* (*pakkas-* ← *pakkanen* (мороз) + *varoitus* (предупреждение), т. е. *предупреждение о морозах*), заметим, что *pakkanen* определяется в словаре «Suomen kielen perussanakirja» как *ilman lämpötilasta, joka on alle 0 °C; vars. hyvin kylmä sää*¹ («о температуре воздуха ниже 0 °C, особ. очень холодная погода»). В тексте, полученном в результате нейронного машинного перевода, лексема *pakkasvaroitus* передается словосочетанием «предупреждение о заморозках». Заморозок определяется как «падение температуры ниже 0 °C на поверхности почвы и растений, наблюдаемое в вегетационный период при положительных среднесуточных температурах воздуха»². Получается, что и мороз, и заморозок предполагают температуру ниже 0 °C, но в случае с заморозком похолодание происходит в вегетационный период. Приведенный выше текст был опубликован в Финляндии в феврале

2021 года, т. е. говорить в этот отрезок времени о вегетационном периоде нельзя. Использование лексемы «заморозок» в тексте, созданном DeepL Translate, представляется в данном случае неудачным, не соответствующим контексту.

Еще одним примером неадекватного выбора лексической единицы в нейронном машинном переводе может служить следующий случай:

Vähäsateinen pakkassää jatkuu (Малоснежная морозная погода сохранится):

Небольшой дождь и морозная погода продолжаются;

Погода останется морозной, возможен небольшой снег.

Прилагательное *sateinen* определяется в словаре «Suomen kielen perussanakirja» как *jolloin t. jossa sataa (paljon)*³ («когда или во время которого идет дождь/снег»). Оно образовано от существительного *sade* (осадки), которое используется для обозначения осадков в виде дождя, снега, мокрого снега и града⁴. Приведенная информация о морозной погоде указывает на наличие осадков в виде снега и отсутствие осадков в виде дождя. Однако нейронный машинный перевод свидетельствует об обратном, что может привести к когнитивному диссонансу.

Ко второй подгруппе переводческих неудач отнесем перевод термина *pakkasen purevuus* (досл. *кусачесть мороза*), создавшего проблемы при нейронном машинном переводе. *Pakkasen purevuus* зафиксировано в финском языке как *tuulen aiheuttamaa kylmyyden tunteen lisääntymistä paljaalla iholla*⁵ («усиление ощущения холода на открытом участке кожной поверхности при воздействии ветра»), т. е. в данном случае имеется в виду жесткость погоды, характеризующая ощущаемую человеком сте-

¹Suomen kielen perussanakirja. Toinen osa. Helsinki, 1996. S. 395.

²Сельскохозяйственный энциклопедический словарь. URL: https://agricultural_dictionary.academic.ru (дата обращения: 09.11.2024).

³Suomen kielen perussanakirja. Kolmas osa. S. 31.

⁴Ibid. S. 7.

⁵Pakkasen purevuus. URL: <https://sattuma.net/purevuus.html> (дата обращения: 19.11.2024).

пень холода при одновременном воздействии ветра и мороза⁶. Способом определения жесткости погоды является ветро-холодовой индекс⁷. В русскоязычных метеотекстах на то, что этот индекс учтен, указывает фраза «ощущается как». Например, «за окном +2, ощущается как –5»⁸.

Рассмотрим далее нейронный перевод микроконтекста:

Tuuli vaikuttaa pakkasen purevuuteen, joten vaateetukseen kannattaa kiinnittää huomiota (Ветер влияет на кусачесть мороза, поэтому следует обратить внимание на одежду):

Ветер влияет на укус мороза, поэтому стоит обратить внимание на одежду;

Ветер будет усиливать ощущение морозности, поэтому стоит обратить особое внимание на выбор одежды.

При машинном переводе осуществляется калькирование финского термина. Словосочетание «укус мороза» не имеет широкого применения в русском языке, хотя в данном случае позволяет сохранить в переводе вербализацию осязательных/болевых ощущений от воздействия холода. Более предпочтительным представляется переводческое решение, предлагаемое нами: здесь сема холода сохраняется за счет использования предикативной конструкции «ветер будет усиливать ощущение морозности», что свидетельствует о передаче жесткости холодной погоды при одновременном воздействии ветра и мороза, а следовательно, о наличии в семантике ощущения холода при воздействии ветра.

К третьей подгруппе отнесем микроконтексты, в которых использование лексических

единиц приводит к игнорированию в переводе передачи ощущений холода:

Näillä alueella puhuri puhalttaa pahiten (В этих регионах сильный холодный ветер будет дуть сильнее всего):

Именно в этих местах ветер дует сильнее всего;

Именно в этих регионах холодный ветер покажет всю свою силу.

Лексема *puhuri* определяется в словаре «Suomen kielen perussanakirja» как *kylmä voimakas tuuli*⁹ («холодный сильный ветер»). Такая характеристика ветра, как «холодный», включена в семантическую структуру данной лексемы. В нейронном машинном переводе семантика холода не находит своего отражения. Переводческое решение, предлагаемое нами, показывает возможность фиксации сочетания силы и холодности ветра при использовании соответствующего словоупотребления.

Приведем еще один микроконтекст:

Viikonloppu etenee sangen talvisessa säässä ja yölämpötilat putoavat kautta maan kaksinumeroisiin pakkasasteisiin (Выходные пройдут при очень зимней погоде, температура упадет по всей стране до двузначных градусов мороза):

Выходные пройдут при очень ветреной погоде, а ночные температуры по всей стране опустятся до двузначных значений;

На выходных ожидается довольно холодная погода, а ночные температуры по всей стране могут опуститься до двузначных значений.

Прилагательное *talvinen* определяется в «Suomen kielen perussanakirja» следующим образом: *talven aikainen, talvelle ominainen, talvella tapahtuva*¹⁰ («зимний, свойственный

⁶Справочная книжка полярника. Климат: термины и определения. URL: https://www.geolmarshrut.ru/biblioteka/catalog.php?ELEMENT_ID=3143 (дата обращения: 18.11.2024).

⁷Суркова Г.В. Ветровой режим и жесткость погоды в Арктике. URL: <https://www.geogr.msu.ru/upload/iblock/556/kxtp3o989223fewkwdnx2ue5hy8h2jr5.pdf> (дата обращения: 09.11.2024).

⁸Матлин А. «За окном +2, ощущается как –5». Пермский синоптик рассказал, что это значит. URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/27470.5/4676027/?ysclid=m48s7pq0si409836428> (дата обращения: 10.11.2024).

⁹Suomen kielen perussanakirja. Toinen osa. S. 532.

¹⁰Ibid. Kolmas osa. S. 248.

зиме, происходящий в зимнее время»). Зима, безусловно, является временем года, связанным с холодом, поэтому передача финского прилагательного посредством русского *ветренный* приводит к утрате ощущения холода в тексте перевода, произведенного DeepL Translate. Возможно, выражение «зимняя погода» не было использовано в переводе, поскольку оно заметно реже применяется для обозначения погоды с низкими температурами по сравнению с другими вариантами. Например, на материале Национального корпуса русского языка¹¹ было проведено исследование выражений «зимняя погода», «холодная погода», «морозная погода», результаты которого показывают, что реже всего в русском языке употребляется сочетание «зимняя погода» (51 словоупотребление), заметно чаще – «морозная погода» (89), намного чаще – «холодная погода» (353).

Далее рассмотрим третью группу переводческих неудач, которая имеет непосредственное отношение к передаче имен собственных, связанных с холодом, а также использованию лингвокреатем. Примером употребления имени собственного при вербализации холода может служить следующий микроконтекст:

Uudenvuoden sää voi tuntua siltä kuin Muumien Mörkö talloisi yli (Новогодняя погода может показаться такой, как будто протопчет Морра из книг о муми-троллях):

Новогодняя погода может показаться вам похожей на то, как топчется бугимен Мумин;

В новый год можно будет ощутить ледяную поступь Морры.

Комментируя этот микроконтекст, поясним, что Морра – это героиня произведений Туве Янссон о муми-троллях («Шляпа волшебника», «Муми-папа и море»). Появление Морры вызывает замерзание земной поверхности и гибель растений. Возможности нейронного машинного перевода не позволили передать это имя адекватно. Кроме того, при переводе необходимо сделать дополнительное указание на

то, что Морра связана с холодом, т. к. не все носители русского языка знают об этом. В переводе, выполненном нами, данный факт учтен. В нем к описанию поступи Морры добавлено прилагательное «ледяной», способствующее вербализации ощущения холода.

Использование лингвокреатем (инновационных лексических единиц, созданных окказионально для обозначения холода) можно наблюдать в данном микроконтексте:

Nyt tulee Jäämeren pakkastiristäjä (Сейчас приходит трескучий мороз с Северного Ледовитого океана):

А вот и ледокол «Северный Ледовитый океан»;

Наступают арктические морозы.

В этом варианте лексема *pakkastiristäjä* является лингвокреатемой, поскольку одна из частей композита (*tiristäjä*) получена в результате присоединения к глаголу суффикса *-ja/jä* для образования существительных, которые обозначают исполнителя действия, выраженного глаголом. Глагол *tiristää* имеет значение *keittää rasvassa, paistaa pannussa*¹² («готовить на жире, жарить на сковороде»). Таким образом, лексема *pakkastiristäjä* употребляется для описания мороза, воздействие которого вызывает ощущения, сходные со жжением. Мультимодальная передача ощущений холода за счет одной лингвокреатеми, полученной при задействовании потенциальных возможностей финского языка, является вызовом для переводчика, поскольку в русском языке невозможно создать аналогичную лингвокреатему. В финском метеорологическом дискурсе перво-степенную роль играет передача ощущения холода осязательным модусом, что, конечно же, используется в случае невозможности передачи ощущений остальными модусами. Важность осязательного модуса подчеркивается в разбираемом микроконтексте несогласованным определением *Jäämeren* (Северного Ледовитого океана), что указывает на принадлежность определяемого слова к данному «холодному» региону.

¹¹Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.11.2024).

¹²Suomen kielen perussanakirja. Kolmas osa. S. 313.

В русскоязычном метеорологическом дискурсе эталонным регионом холода выступает Арктика, что определило использование в переводе микроконтекста словосочетания «арктический холод».

Интересно отметить, что с некоторыми лингвокреатемами нейронный машинный перевод вполне успешно справляется. Примером может служить следующий заголовок:

Pakkasmoukarin paluu! Suomen säässä taas täyskäännös (Возвращение морозного молота! В финской погоде снова полный поворот):

Возвращение морозобойки! Очередной полный перелом в финской погоде;

И вновь лютая стужа! Погода в Финляндии опять делает крутой поворот.

Статистика неудач нейронного машинного перевода при передаче восприятия холода по приведенным выше группам представлена в таблице.

Частотность неудач нейронного машинного перевода с финского на русский язык при передаче восприятия холода
Frequency of neural machine translation failures in conveying the verbalization of the cold
when translating from Finnish into Russian

Группа	Подгруппа	Количество примеров, шт. (%)	
		Группа	Подгруппа
Опущение семантически важного слова	—	9 (25,0)	9 (25,0)
Неверный выбор соответствия	Несоответствующая контексту лексическая единица	23 (63,9)	6 (16,7)
	Неточный перевод терминов		3 (8,3)
	Утрата передачи холода		14 (38,9)
Использование незнакомого слова	Перевод имен собственных	4 (11,1)	1 (2,8)
	Перевод лингвокреатом		3 (8,3)

Таким образом, неверно выбранное соответствие является самым распространенным видом ошибок в нейронном машинном переводе финноязычных метеорологических текстов на русский язык. Стоит подчеркнуть, что приведенные данные совпадают с результатами исследований, проведенных Ю.В. Березиной, О.В. Байковой, О.В. Скурихиной, рассматривающими ошибки машинного перевода научно-

публицистических текстов с английского языка на русский [12, с. 197]. Многозначительным представляется явное лидерство группы переводческих неудач, связанных с отсутствием реализации восприятия холода, что сигнализирует о сложностях, возникающих в нейронном машинном переводе при передаче ощущений холода. Наименьшее количество неудач связано с использованием имен собственных и лингвокреатом (что, впрочем, может быть объяснено в т. ч. их редким употреблением в метеорологическом медиадискурсе).

Итак, анализ существующих возможностей передачи восприятия холода в нейронном машинном переводе показал, что в большинстве случаев происходит сохранение восприятия холода, что говорит о довольно высоком качестве нейронного машинного перевода в изучаемом аспекте. Больше всего неудач в

передаче восприятия холода связано с недостаточным учетом семы холода, входящей в семантическую структуру финских лексем, что может приводить к отсутствию отражения семантики холода в нейронном переводе. Сложности возникают, как правило, и с передачей лингвокреатом, имен собственных, а также значений температуры воздуха ниже 0 °С.

Список литературы

1. Мифтахова Р.Г., Морозкина Е.А. Машинный перевод. Нейроперевод // Вестн. Башкир. ун-та. 2019. Т. 24, № 2. С. 497–502.
2. Егорова А.Ю., Зацман И.М., Нуриев В.А. Экспертная оценка машинного перевода // Системы и средства информатики. 2021. Т. 31, № 3. С. 144–157.
3. Гончаров А.А., Бунтман Н.В., Нуриев В.А. Ошибки в машинном переводе: проблемы классификации // Системы и средства информатики. 2019. Т. 29, № 3. С. 92–103.
4. Popović M. Error Classification and Analysis for Machine Translation Quality Assessment // Translation Quality Assessment. Machine Translation: Technologies and Applications / ed. by J. Moorkens, S. Castilho, F. Gaspari, S. Doherty. Vol. 1. Cham: Springer, 2018. P. 19–158. https://doi.org/10.1007/978-3-319-91241-7_7
5. Daems J., Vandepitte S., Hartsuiker R., Macken L. Identifying the Machine Translation Error Types with the Greatest Impact on Post-Editing // Front Psychol. 2017. Vol. 8. Art. № 1282. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01282>
6. Бариева Ю.Ю., Абрамичева Е.Н. Difficulties in Rendering Perception Nominations // LinguaNet: сб. материалов Всерос. молодеж. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. Ю.А. Иванцовой, Н.С. Руденко. Севастополь, 2019. С. 81–85.
7. Ярошенко П.В. Модели перевода сенсорной лексики (на материале корпуса множественных переводов). URL: <https://conference-spbu.ru/conference/50/reports/17918> (дата обращения: 14.01.2025).
8. Алексеева Л.М. Переводческая ошибка vs переводческая неудача // Лингвистические чтения – 2006. Цикл 2: материалы конф. Пермь, 2006. С. 3–9.
9. Харченко В.К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: Либроком, 2012. 216 с.
10. Банарцева А.В. Языковые переводы: человек vs машинный перевод // Вестн. науки и образования. 2018. Т. 1, № 8(44). С. 50–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-perevody-chelovek-vs-mashinnyy-perevod/viewer> (дата обращения: 19.11.2024).
11. Llitjós A.F., Carbonell J.G., Lavie A. A Framework for Interactive and Automatic Refinement of Transfer-Based Machine Translation // Proceedings of the 10th Annual Conference of the European Association for Machine Translation (EAMT). Budapest, 2005. P. 87–96.
12. Березина Ю.В., Байкова О.В., Скурихина О.В. Лингвистический анализ лексико-грамматических ошибок машинного перевода // Наука. Образование. Общество: тенденции и перспективы развития: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2020. С. 196–197.

References

1. Miftakhova R.G., Morozkina E.A. Mashinnyy perevod. Neyroperevod [Machine Translation. Neural Translation]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2019, vol. 24, no. 2, pp. 497–502.
2. Egorova A.Yu., Zatsman I.M., Nuriev V.A. Ekspertnaya otsenka mashinnogo perevoda: klassifikatsiya oshibok [Expert Evaluation of Machine Translation: Error Classification]. *Sistemy i sredstva informatiki*, 2021, vol. 31, no. 3, pp. 144–157.
3. Goncharov A.A., Buntman N.V., Nuriev V.A. Oshibki v mashinnom perevode: problemy klassifikatsii [Machine Translation Errors: Problems of Classification]. *Sistemy i sredstva informatiki*, 2019, vol. 29, no. 3, pp. 92–103.
4. Popović M. Error Classification and Analysis for Machine Translation Quality Assessment. Moorkens J., Castilho S., Gaspari F., Doherty S. (eds.). *Translation Quality Assessment. Machine Translation: Technologies and Applications*. Vol. 1. Cham, 2018, pp. 19–158. https://doi.org/10.1007/978-3-319-91241-7_7
5. Daems J., Vandepitte S., Hartsuiker R.J., Macken L. Identifying the Machine Translation Error Types with the Greatest Impact on Post-Editing. *Front Psychol.*, vol. 8. Art. no. 1282. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01282>
6. Barieva Yu.Yu., Abramicheva E.N. Difficulties in Rendering Perception Nominations. Ivantsova Yu.A., Rudenko N.S. (eds.). *LinguaNet*. Sevastopol, 2019, pp. 81–85.
7. Yaroshenko P.V. Modeli perevoda sensornoy leksiki (na materiale korpusa mnozhestvennykh perevodov) [The Translation Models for Sensory Lexicon (a Case Study of the Multiple-Translation Corpus)]. Available at: <https://conference-spbu.ru/conference/50/reports/17918> (accessed: 14 January 2025).

8. Alekseeva L.M. *Perevodcheskaya oshibka vs perevodcheskaya neudacha* [Translation Error vs Translation Failure]. *Lingvisticheskie chteniya – 2006. Tsikl 2* [Linguistic Readings – 2016. Series 2]. Perm, 2006, pp. 3–9.

9. Kharchenko V.K. *Lingvosensorika: Fundamental'nye i prikladnye aspekty* [Sensory Linguistics: Fundamental and Applied Aspects]. Moscow, 2012. 216 p.

10. Banartseva A.V. *Yazykovye perevody: chelovek vs mashinnyy perevod* [Language Translations: Man vs. Machine Translation]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 2008, vol. 1, no. 8, pp. 50–53. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-perevody-chelovek-vs-mashinnyy-perevod/viewer> (accessed: 19 November 2024).

11. Llitjós A.F., Carbonell J.G., Lavie A. A Framework for Interactive and Automatic Refinement of Transfer-Based Machine Translation. *Proceedings of the 10th Annual Conference of the European Association for Machine Translation (EAMT)*. Budapest, 2005, pp. 87–96.

12. Berezina Yu.V., Baykova O.V., Skurikhina O.V. *Lingvisticheskiy analiz leksiko-grammaticheskikh oshibok mashinnogo perevoda* [Linguistic Analysis of Lexico-Grammatical Errors in Machine Translation]. *Nauka. Obrazovanie. Obshchestvo: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Science. Education. Society: Trends and Prospects for Development]. Cheboksary, 2020, pp. 196–197.

Информация об авторе

А.В. Мерзлая – аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

Information about the author

Anna V. Merzlaya, Postgraduate Student, Translation Studies and Applied Linguistics Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 10.11.2024

Одобрена после рецензирования 27.01.2025

Принята к публикации 30.01.2025

Submitted 10 November 2024

Approved after reviewing 27 January 2025

Accepted for publication 30 January 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
 Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 83–93.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
 Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 83–93.

Научная статья
 УДК 81'367.6:811.163.1
 DOI: 10.37482/2687-1505-V424

Система словоизменительных типов имени существительного в морфологическом и словообразовательном аспектах (на материале памятника середины XVIII века)

Николай Валентинович Чугаев

Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Пермь, Россия,
 e-mail: aegolios@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4245-5279>

Аннотация. Цель настоящей работы заключается в рассмотрении морфологического и словообразовательного состава имен существительных и установлении соотношения их словоизменительных классов, количественной оценке наиболее продуктивных словообразовательных типов и выявлении их стилистической соотнесенности в памятнике «Стоп приходной денежной казны Пысгорской заводской канторы 1741 году». Кроме того, в фокусе исследования находится решение проблемы нейтрализации стилистической маркированности ряда словообразовательных суффиксов разного происхождения: показателей лица, отвлеченных существительных и др. Научная значимость статьи состоит в уточнении хронологии морфологических и стилистических изменений на материале ранее не изученных скорописных документов провинциальных канцелярий. Согласно результатам, наибольшее количество имен существительных принадлежит к твердым типам *о-склонения мужского рода и *а-склонения женского рода. Особенно продуктивными являются девербативные словообразовательные модели с нулевой суффиксацией и суффиксами -к(а) и -ени(е). Кроме того, исследование показало тенденцию к потере стилистической маркированности рядом церковно-книжных суффиксов, в т. ч. широкое использование в памятнике существительных на -ни(е), бывших в предыдущие этапы развития приметой книжного узуса. Также наблюдается применение в одних и тех же контекстах суффиксов -щик, -к(а) с одной стороны и -тель, -ств(о) и даже -стви(е) с другой. Процесс нейтрализации внутри словообразовательной системы, впрочем, не может считаться завершенным, т. к., во-первых, не зафиксировано параллельных образований с иноstileвыми суффиксами, во-вторых, сохраняется корреляция одностилевых префиксальных и суффиксальных формантов: вы-, рос-/к(а); ис-, рас-/ни(е).

Ключевые слова: деловая письменность XVIII века, историческая морфология, историческая стилистика, историческое словообразование, имя существительное, словообразовательные суффиксы

Для цитирования: Чугаев, Н. В. Система словоизменительных типов имени существительного в морфологическом и словообразовательном аспектах (на материале памятника середины XVIII века) / Н. В. Чугаев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 83-93. – DOI 10.37482/2687-1505-V424.

Original article

System of Inflection Types of Russian Nouns in the Morphological and Derivational Aspects (Based on a Written Record of the Mid-18th Century)

Nikolay V. Chugaev

Perm Military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation, Perm, Russia,

e-mail: aegolios@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4245-5279>

Abstract. This article aimed to study the morphological and derivational composition of nouns and determine the ratio of their inflectional classes, as well as identify the most productive types of word formation and their stylistic correlation in the 1741 written record “Stolp prikhodnoy denezhnoy kazny Pyskorskoy zavodskoy kantory 1741 godu” (Receipt Ledger of Pyskor Plant Treasury for the Year 1741). In addition, the paper focused on the neutralization of the stylistic markedness of a number of derivational suffixes of different origin: markers of grammatical person and abstract nouns, and others. The scientific importance of the study consists in clarifying the chronology of morphological and stylistic changes based on the material of previously unexplored cursive documents of provincial offices. According to the results, the largest number of nouns belongs to the hard-stem types of masculine declension (ending in *-o*) and feminine declension (ending in *-a*). Deverbative word-forming models with the zero suffix and suffixes *-к(a)* and *-ну(e)* were found to be especially productive. In addition, the research showed a tendency of a number of Church Slavonic suffixes to lose their stylistic markedness, which is evidenced by the widespread use of nouns ending in *-ну(e)* in the written record under study. Moreover, the suffixes *-щик* and *-к(a)* on the one hand and *-тель*, *-ств(o)* and even *-ству(e)* on the other are used in the same contexts. The process of neutralization within the word-formation system, however, cannot be considered complete since, firstly, no parallel derivatives with different-style suffixes were identified, and, secondly, there remains a correlation between same-style prefixes and suffixes: *вы-*, *рос-/к(a)*; *ис-*, *рас-/ну(e)*.

Keywords: written records of the 18th century, historical morphology, historical stylistics, historical word formation, noun, derivational suffixes

For citation: Chugaev N.V. System of Inflection Types of Russian Nouns in the Morphological and Derivational Aspects (Based on a Written Record of the Mid-18th Century). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 83–93. DOI: 10.37482/2687-1505-V424

Настоящее исследование посвящено системе словоизменительных типов имени существительного в памятнике письменности середины XVIII века «Столп приходной денежной казны Пысгорской заводской канторы 1741 году»¹ (Столп). Основная задача настоящей статьи – рассмотреть систему имени в

синхронном срезе середины XVIII века в сопоставлении с другими источниками. Отметим, что само содержание документов (управление и учет на производстве) диктует употребление лексики с суффиксами лица по действию/принадлежности и отвлеченного признака и действия.

¹«Столп приходной денежной казны Пысгорской заводской канторы 1741 году» (хранится в Государственном архиве Пермского края. Ф. 180. Пысгорский медеплавильный завод. Оп. 1, № 27) цитируется по изданию: Столп приходной денежной казны Пысгорской заводской канторы 1741 году / сост. Н.В. Чугаев. Пермь, 2016. 298 с.

Цель исследования – определить специфику морфологического и словообразовательного состава имен существительных в региональной деловой письменности середины XVIII века, наиболее продуктивные словообразовательные типы, а также их стилистическую соотношенность.

Работа выполнена в русле школы лингвистического источниковедения на основе принципов, заложенных С.И. Котковым. В исследовании используются описательный, сопоставительный и количественный методы. При сборе языкового материала применяется метод сплошной выборки.

Актуальность работы заключается в необходимости изучения делового языка XVIII века на основании надежных скорописных документов, созданных в провинциальных канцеляриях, в сопоставлении с данными других канцелярий. Новизна состоит во введении в научный оборот ранее не исследованного памятника деловой письменности XVIII века и в его анализе в заявленном аспекте. Такой анализ позволит уточнить состояние категории имени существительного в данный исторический период.

Мы исходим из положения В.В. Виноградова о связи морфологии и словообразования (развитого в работах Ю.С. Азарх [1], Е.Н. Прокопович [2] и др.), согласно которому «в классе существительных формы словоизменения обусловлены в некоторой мере приемами словопроизводства» [3, с. 92]. Между тем многие исследователи (например, Т.Н. Попова [4, с. 229] и Н.Н. Щербакова [5, с. 159]) при классификации производных слов руководствуются только характером производящего суффикса, игнорируя родовые характеристики производных и их склонение. Несмотря на то, что многие производные существительные, образованные с помощью одинаковых суффиксов, действительно имеют родовые варианты (в частности, *гуляк/гуляка*, *блажь/блаж* [5, с. 159]), такая вариативность статистически незначительна. Поэтому представляется, что соотношенность рода и склонения производного слова является таким же существенным признаком словообразовательного типа, как и производящий суффикс.

Между тем Ю.С. Азарх устанавливает корреляцию между словообразовательным формантом и различными морфологическими функциями (указанием на часть речи, род, тип склонения), выделяя 4 типа соотношения и прослеживая их эволюцию от исходной, праславянской системы до времени формирования русского литературного языка нового типа [1, 7–10].

М.А. Пильгун, решая проблему соотношения словообразовательных формантов и грамматического рода, также обнаруживает корреляцию между родом образований с нулевым суффиксом и общим значением словообразовательного типа (глаголы со значением физического действия образуют девербативы мужского рода («ходь», «крикь»)), существительные женского рода – от глагола со значением отвлеченного действия («хвала», «победа», «утрата») – девербативы женского рода, субстантивы со значением лица в древнерусский период исключительно мужского рода («брехь»)) [6, с. 105].

Е.Н. Прокопович выявляет зависимость суффикса -тель от основ глаголов различной семантики, отмечая при этом тесную связь суффиксов -ник и -щик как с глагольными, так и с именными основами [2, с. 57]. Исследователь определяет, что к XVII веку суффикс -тель выходит за пределы жанровых границ церковно-книжного типа речи и проникает в деловой язык [2, с. 21], а суффикс -щик выходит за пределы жанровых границ делового языка. За суффиксом -щик закрепляется преимущественное образование имен от основ глаголов с конкретной семантикой, за суффиксом -ник – с абстрактной [2, с. 57].

В своем фундаментальном труде по историческому словообразованию Г.А. Николаев устанавливает, что суффиксы -ость и -кость, -тель, -ств(о), -ни(е), -стви(е) связаны с книжными жанрами (ср. также у Е.М. Иссерлин [7, с. 19]), приглагольные образования на -к(а), имена на -щик свойственны деловой письменности [8, с. 111, 119], а суффиксы -ьникъ, -ьць, -ьба, -ø стилистически нейтральны [8, с. 112–113]. К XVIII веку, однако, происходит активный процесс разрушения стилистической ограниченности и возможности соединяться основам

и формантам, принадлежащим к различным стилистическим пластам [9, с. 390–391].

Рассмотрим все существительные, встречающиеся в Столпе, с точки зрения их морфологической и словообразовательной принадлежности. Кроме того, коснемся вопроса об определении тематических групп существительных. Для описания системы имени существительного данного периода мы используем классификацию В.М. Живова с разделением по праславянскому тематическому гласному и выделением твердой и мягкой разновидности [10, с. 277]. К XVIII веку различия твердой и мягкой разновидности нивелируются и влияют только на выбор гласного окончания в мужском и среднем роде и на графическое отображение окончания в женском роде (-а/-я). Вместе с тем слова прежних исторических типов склонения (например, «день», «камень») перераспределяются в сохранившиеся типы. Распределение лексем по родам и типам склонения в Столпе представлено в *табл. 1*.

ставлены у В.В. Пичугиной: *возка, крышка, набивка, отставка, пайка, раздѣлка, рубка, сноска* [11, с. 84–85]. К девербативам на -к(а) примыкают отглагольные существительные с нулевым суффиксом и древним суффиксом -j-. Мягкую разновидность склонения на -а почти полностью составляют недавно заимствованные слова. Исключением являются исконное *деревня* и ранние заимствования *копия, резолюция, попадья, баня*.

Отметим, что доля девербатов на -к(а) составляет 23 % от всех слов этого типа, девербаты с нулевым суффиксом насчитывают также 23 %. Следовательно, почти половина всех слов на -а – это отглагольные образования.

Широко распространенной моделью отглагольного словообразования в склонении на *ѡ является нулевая суффиксация. Большую группу слов в этом склонении составляют образования с суффиксами -щик/-чик, -ник, -тель со значением лица, причем девербатов на -щик/-чик обнаруживается 8, а отыменных образований – всего 3.

Таблица 1

Соотношение лексем разных родов и типов склонения в документе
«Столп приходной денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году»
Correlation between lexemes of different genders and declension types
in the Receipt Ledger of Pyskor Plant Treasury for the Year 1741

Показатель	Женский род			Мужской род		Средний род		Итого
	*а	*ја	*і	*о	*јо	*о	*јо	
Количество лексем	97	14	26	163	34	22	66	422
Доля лексем, %	22,99	3,32	6,16	38,63	8,06	5,21	15,64	100

Примечание: *а, *ја, *і, *о, *јо – типы склонения.

Среди слов *а-склонения (*табл. 2*) большую группу образуют отглагольные и отыменные существительные с суффиксом -к при явном преобладании девербатов, что отражает значительную продуктивность в XVIII веке этого словообразовательного типа по сравнению с современным языком (ср. современное *посылка, справка* в предметном значении и *посылка, справка* в процессуальном значении в Столпе).

Образования на -к со значением «действие по производящему глаголу» широко пред-

ставлены у В.В. Пичугиной: *возка, крышка, набивка, отставка, пайка, раздѣлка, рубка, сноска* [11, с. 84–85]. К девербативам на -к(а) примыкают отглагольные существительные с нулевым суффиксом и древним суффиксом -j-. Мягкую разновидность склонения на -а почти полностью составляют недавно заимствованные слова. Исключением являются исконное *деревня* и ранние заимствования *копия, резолюция, попадья, баня*.

Отметим, что доля девербатов на -к(а) составляет 23 % от всех слов этого типа, девербаты с нулевым суффиксом насчитывают также 23 %. Следовательно, почти половина всех слов на -а – это отглагольные образования.

Широко распространенной моделью отглагольного словообразования в склонении на *ѡ является нулевая суффиксация. Большую группу слов в этом склонении составляют образования с суффиксами -щик/-чик, -ник, -тель со значением лица, причем девербатов на -щик/-чик обнаруживается 8, а отыменных образований – всего 3.

Таблица 2

**Способы производства слов женского рода *а-/*ја-склонений в документе
«Столл приходной денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году»**

Formation of feminine nouns ending in -a/-ja in the Receipt Ledger of Pyskor Plant Treasury for the Year 1741

Скло- нение	Происхождение		Количество	Примеры
*а	Непроизводные исконные		19	Вдова, верста, глава, гривна, душа, жена, кожа, кру- па, мера, мука, пара, посуда, река, руда, рука, сила, слюда, смола, цена
	Непроизво- дные заим- ствования	ранние	4	Казна, книга, статья, кирка
		поздние	7	Монета, казарма, кантора, квартира, шахта, сумма, проба
	Отыменные с суффиксом -к		9	Бутылка (ср. <i>На том же листе бутылъ</i>), лопатка, слободка, сумка, денежка, копейка, короватка, лавка, рубашка
	Девербати- вы	с суффиксом -к	22	Возка, выключка, выписка, доимка, записка, повозка, оковка, отписка, оценка, ошибка, пересылка, подписка, покупка, поставка, непоставка, посылка, присылка, росписка, справка, ставка, уноска, прибавка
		с нулевым суффиксом	14	Езда, закрепа, исправа, нужда, охота, перемена, переработа, пересуда, плата, подвода, помета, порука, справа, смена
		с суффиксом -ј-	9	Выдача, дача, наддача, недача, отдача, передача, раздача, добыча, продажа
		с суффиксами -иц(а), -от(а), -ит(а), -ин(а), -б(а), -очк(а), -ушк(а)	12	Самодержица, страница, доброта, работа, волокита, вотчина, половина, осмина, пошлина, просьба, кумочка, полушка
*ја	Непроизводные исконные		1	Деревня
	Непроизво- дные заим- ствования	ранние	4	Копия, резолюция, попадаья, баня
		поздние	10	Артиллерия, ассигнация, канцелярия, квитанция, конфузия, препорция, промемория, публикация, ревизия, фузея
	-н(я)		1	Таможня

невелико, немногочисленны и девербативы с суф-
фиксами -ок- и -ёж. Существительные мужского
рода на -о/-јо представлены в табл. 3 (см. с. 98).

Основную часть слов на -о/-јо составляют
отвлеченные (в первую очередь отглагольные)
существительные с различными суффиксами.
Наиболее продуктивными являются суффик-

сы -аниј(е)/-ениј(е) (что подтверждают данные
А.В. Петрухиной, установившей крайнюю про-
изводительность этого форманта для образова-
ния существительных с процессуальным зна-
чением в письмах А.Н. Демидова² [12, с. 93]).
В Столле встречается 54 лексемы с таким фор-
мантом. Суффиксом -ств(о) образовано 9 лексем,

²А.В. Петрухина также подчеркивает дублетность между формантами -ни(е) и -к(а): *закаливание/закалка, отливание/отливка*, причем в текстах писем они не обнаруживают стилистической дифференциации.

Таблица 3

**Способы производства слов мужского рода *о-/*jo-склонений в документе
«Столи приходной денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году»**

Formation of masculine nouns ending in -o/-jo in the Receipt Ledger of Pyskor Plant Treasury for the Year 1741

Скло- нение	Происхождение		Коли- чество	Примеры
*о	Непроизводные исконные		18	Брат, внук, год, город, двор, дом, конюх, короб, месяц, овес, погост, порох, снег, солод, срок, сын, топор, человек
	Непроизводные заимствования	ранние	15	Август, анбар, генерал, капитан, караул, кошт, лист, мастер, напарей, пуд, солдат, столп, сундук, товарищ, фунт
		поздние	38	Арестант, барон, бергамт, бергтаур, берггешворин, гармахер, генерал-бергдиректориум, гитенмейстер, гитенфорвальтер, дистрикт, документ, журнал, инструмент, канцелярист, кондуктор, копиист (копейист), майор, медикамент, обербергамт, оборштеигер, оборшмелцер, провиант (правиант), протоколист, подканцелярист, пункт, рашлак, регистр, резстр, рекрут, репорт, ундершихтмейстер, шихтмейстер, шлак, шмельцер, штраф, экстракт, номер, сорт
	Нулевая суффиксация		50	Вес, возврат, вычет, доклад, допрос, завод, заклад, зачет, клей, наем, объезд, оклад, оков, отпуск, подряд, пожар, привоз, приговор, прием, прииск, приказ, принос, припас, присмотр, приход, провоз, прогон, промысел, расход, сбор, счет, сплав, сыск, тес, торг, убог, уезд, указ, устав, бур, воз, долг, корм, труд, чекан, молот, стан, суд, признак, случай ³
	-щик/-чик		17	Выборщик, засыпщик, кормщик, плавильщик, плательщик, россыльщик, рудоразборщик, сборщик, писчик, рудонощик, денщик, плотинщик, повытчик, заводчик, подрядчик, приказчик, расходчик
	-ник		12	Наследник, охотник, работник, рудопромышленник, ученик, целовальник, молотник, плотник, подполковник, рудник, сотник, школьник
	-як, -ин, -анин, -ец, -ок, -ёж		12	Вотьяк, господин, крестьянин, иноземец, кузнец, купец, писец, саксонец, гребок, остаток, список, платёж
*jo	Непроизводные исконные		4	Деготь, день, уголь, камень
	Непроизводные заимствования	ранние	13	Апрель, генварь, декабрь, июль, июнь, ноябрь, октябрь, сентябрь, февраль, май, монастырь, пономарь, секретарь
		поздние	2	Вексель, госпиталь
	-тель		8	Житель, надзиратель, поручитель, проситель, рудопоказатель, служитель, управитель, учитель

³Вопрос, утратили ли слова *бур, воз, долг, корм, труд, чекан, вес, воз, корм, молот, стан, суд, признак, случай, курень, перечень, рубль* к середине XVIII века связь с соответствующими глаголами или понимались как отглагольные образования с нулевым суффиксом, является дискуссионным и выходит за рамки настоящей статьи.

суффиксы -тиј(е)/-ть(е), -ствиј(е), -ј(е) отмечены единичными примерами. Среди слов с суффиксом -ани(е)/-ени(е) выделяется словообразовательная модель с приставкой не-, свойственная и современной деловой речи (ср. «неявка», «недопущение»): *невзыскание*, *неимение* и проч. Следует отметить, что производные названной модели образуются от слов как на -ни(е), так и на -к(а). Существительные среднего рода на -о/-јо представлены в табл. 4 (см. с. 100).

Показательным является абсолютное преобладание орфографической формы, связанной с книжной письменностью, в суффиксах -аниј(е)/-ениј(е), -тиј(е) при наличии всего трех лексем с отраженной на письме утратой редуцированного (*жалованье*, *платье*, *несчастье*). Также примечательно употребление в деловой письменности суффикса -стви(е), позже всего проникающего в деловую письменность.

Таким образом, к непроизводной лексике относится 39 % слов твердого типа и 10 % мягкого типа *о-склонения. Наибольшее количество производных слов имеет нулевую суффиксацию (29 %), суффиксальные образования составляют около 20 % лексики, причем наиболее продуктивные суффиксы -щик, -ник, -тель охватывают приблизительно одинаковое число лексем.

Непроизводные существительные среднего рода того же типа склонения, напротив, насчитывают всего около 11 % всех лексем, основная часть слов этого типа (58 %) относится к производным с суффиксом -ани(е)/-ени(е), в предыдущие эпохи стилистически чуждым деловому языку.

Склонение женского рода на *і представлено 8 непроизводными единицами (*лошадь*, *медь*, *бутылъ*, *вещь*, *нить*, *сажень*, *соль*, *память*), 7 девербативами с нулевым суффиксом (*запись*, *печь*, *прибыль*, *опись*, *отпись*, *ропись*, *обувь*) и 11 образованиями с суффиксом -ость (*безопасность*, *бытность*, *ведомость*, *ветхость*, *гнилость*, *неверность*, *неисправность*, *опасность*, *прилежность*, *скудость*, *тягость*), причем слова с нулевой суффиксацией имеют преимущественно конкретное значение, слова с суффиксом -ость – отвлеченное.

Помимо существительных названных словоизменительных типов в тексте Столпа зафиксированы существительные Pluralia tantum: *весы*, *деньги*, *дрова*, *заморозы*, *меха*, *пожитки*, *сани*, *дети*, *люди*. Согласно В.И. Дегтяреву, имена Pluralia tantum имеют живую связь с соответствующими мотивирующими формами ед. ч. [13, с. 263], поэтому большинство слов этой группы в рассматриваемый период склоняется по *а- или *ја-склонению, кроме слов *дети*, *люди*, относящихся к *і-склонению. Вместе с тем в Столпе присутствует существительное с древней основой на *en – *время*. Большинство из этих слов непроизводны, дериваты образуются с помощью нулевой суффиксации (*заморозы*) и суффикса -к (*пожитки*), причем образование *заморозы* явно коррелирует со словом современного языка *заморозки*. Кажется, этот пример подтверждает высказанную выше мысль о близости словообразовательных типов *а-склонения на -к(а) и на -ѳ типа *справка/справа*. Между тем оба суффикса – нулевой и -к – относятся к общеименным [1, с. 21]. По мнению Ю.С. Азарх, девербативы на -к(а) являются производными от отглагольных имен с нулевым суффиксом (всех типов склонения: *вывеска* – *вывесь*, *выписка* – *выпись*, *запорка* – *запора* и т. д.), однако в отличие от параллелизма форм типа *переруб/перерубка*, *пошив/пошивка* [1, с. 64–65] параллелизм форм женского рода типа *справа/справка* отдельно не анализируется.

Итак, рассмотрев систему существительного в конкретном памятнике середины XVIII века в морфологическом и словообразовательном аспекте, можно прийти к некоторым выводам.

В Столпе обнаруживаются лексемы твердой и мягкой разновидностей *о-склонения мужского и среднего рода, *а-склонения преимущественно женского рода и *ь-склонения женского рода, а также слова категории Pluralia tantum.

Количественный анализ показал, что наиболее многочисленными группами лексики выступают слова твердой разновидности *о-склонения мужского рода (обращает на себя внимание, что основная масса заимствований оформляется по этому типу склонения), твердой

Таблица 4

Способы производства слов среднего рода *о-/*jo-склонений в документе
«Стопп приходной денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году»

Formation of neuter nouns ending in -o/-jo in the Receipt Ledger of Pyskor Plant Treasury for the Year 1741

Склоне-ние	Происхождение		Количе-ство	Примеры
*о	Непроизводные исконные		1	Лицо, место, сало, село, дело, письмо, число, клеймо
	Непроизводные заимствования	ранние	2	Железо, клеймо
		поздние	1	Кайло
	-ьц-, -ьк-		2	Сельцо, яичко
*jo	-аниj(e)/-ениj(e)		54	Непостояние, взывание, взыскание, забрание, знание, наказание, невзыскание, несобрание, показание, пропитание, репортование, содержание, состояние, требование, удержание, возвращение, вспоможение, вступление, доношение, жжение, исполнение, исчисление, мнение, награждение, неимение, необъявление, нерачение, получение, попечение, послабление, правление, предложение, приложение, принуждение, произведение, прощение, расчисление, рассмотрение, решение, смотрение, сообщение, строение, сужение, течение, уведомление, уложение, умедление, умножение, упущение, неупотребление, объявление, опасение, определение, отправление
	-аньj(e)		1	Жалованье
	-ств-		9	Богатство, ведомство, величество, искусство, начальство, обстоятельство, помешательство, свидетельство, сумнительство
	-ствиj(e)		2	Ответствие, следствие
	-тиj(e)		4	Взятие, известие, отбытие, принятие
	-ть(e)		3	Несчастье, платье, повытье
	-j(e)		2	Подмастерье, батожье

разновидности *а-склонения женского рода и мягкой разновидности *о-склонения среднего рода. Количественный перевес слов последней группы возникает за счет многочисленных образований с суффиксом -ени(e). Хотя в рамках настоящей статьи привлекался некоторый материал для сопоставления, перспективной задачей последующих исследований является сравнение количественных данных пыскорских памятников с данными других письменных источников.

Многие образования нулевой суффиксации *а-склонения соотносятся со словами современного языка с суффиксом -к(а), что позво-

ляет говорить о близости этих двух словообразовательных моделей: *переработа, помета, справа* (при наличии в Стоппе деривата *справка*). При этом модель с нулевой суффиксацией женского рода *а-склонения кажется более распространенной в языке Стоппа по сравнению с современным языком. Слова-девербативы, образованные по этим двум моделям, составляют около половины всех слов данного типа склонения.

В стилистическом аспекте для словообразования Стоппа характерно как использование исконно деловых суффиксов -щик, -к(а)

и нейтральных -ник и -ец, так и проникновение исконно книжных формантов -тель, -ни(е), -ств(о), и даже два примера употребления наиболее поздно проникающего в деловые жанры суффикса -стви(е): *ответствие, следствие* (для сравнения, на материале московской деловой письменности Г.А. Николаев фиксирует 15 слов с таким суффиксом [8, с. 123]). О стилистическом смешении исконно книжных и деловых суффиксов со значением невыполнения свидетельствует и образование данных слов от дериватов как с суффиксом -ни(е) (*нерачение*), так и с суффиксом -к(а) (*непоставка*). С другой стороны, одним из важных критериев снятия стилистической маркированности между формантами Т.Н. Попова считает способность этих формантов образовывать слова от одинаковых основ [14, с. 187]. Между тем параллельных образований от одной и той же основы с использованием иноstileвых суффиксов (типа *выключение/выключка*) в Столпе не зафиксировано. Отметим, что более поздняя переписка А.Н. Демидова (1774–1777 годы), касающаяся вопросов уральской горнозаводской промышленности, такие образования содержит [12, с. 93]. Для книжных суффиксов характерно употребление преимущественно в книжной орфографии, без воздействия фонетических процессов, свойственных разговорному языку.

Таким образом, нельзя констатировать полную нейтрализацию стилистической маркированности исконно книжных и исконно деловых суффиксов. В этом смысле показательно упо-

требление исконно русских вариантов приставки *възъ-* с суффиксами -ани(е)/-ени(е) (*взымание, взыскание, вспоможение*) при сохранении славянского суффикса в неполногласной форме *возвращение* (впрочем, в последнем случае стяженная форма была бы невозможна по фонетическим причинам возникновения стечения 4 согласных). Вместе с тем исконно русская приставка *вы-* встречается в Столпе только с суффиксом -к(а) (*выключка, выписка*) и с нулевой суффиксацией (*вычет*): «по сеи докладно **выпи^скѣ** собранные ... днги ... приняты (Столп, Л. 3 об.)»; «велено мнѣ ... подушные и камисарские денги | за **выключкою** ... семнатцати копее^к | з дѣши девяно^сто¹ пять четвертью копейки | взыскать (Столп, Л. 111)». Книжная приставка *ис-*, напротив, – с суффиксом -ени(е) (*исполнение, исчисление*) и также с нулевой суффиксацией (*исправа*): «и под темъ помета I **и|сполнение** (Столп, Краткая опись, Л. 1); «а нынѣ досталные **по исправе** са оснащенные меха I припасы днги ... объявляю» (Столп, Л. 57)». С суффиксом -ени(е) употребляется книжный вариант приставки *рас-* (*рассмотрение, расчисление*), слово *рописка* (впрочем, как и глагол *рописать* и его формы) последовательно используется с русским вариантом приставки *рос-*. Лексемы с приставкой *с-* образованы путем нулевой суффиксации и с помощью суффикса -к(а), а лексемы с книжным префиксом *со-* – посредством не только суффиксов -ани(е)/-ени(е), но и такой яркой приметы книжности, как рефлекс *tj>щ (*содержание, сообщение, состояние*).

Список литературы

1. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / отв. ред. Р.И. Аванесов, В.В. Иванов. М.: Наука, 1984. 247 с.
2. Прокопович Е.Н., Хохлачева В.Н., Шелихова Н.Т. Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV–XVII вв. М.: Наука, 1974. 224 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.
4. Попова Т.Н. Словообразовательная синонимия в русском диалектном словопроизводстве // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2008. Т. 150, кн. 6. С. 225–236.

5. Щербакова Н.Н. Отглагольные суффиксальные существительные в русском просторечии XVIII в. // Омск. науч. вестн. 2004. № 2(27). С. 158–162.
6. Пильгун М.А. Средства выражения морфологического рода существительных в истории русского языка (на материале личных имен мужского рода) // Лес. вестн. 1999. № 3. С. 105–112.
7. Иссерлин Е.М. Лексика русского литературного языка XVII в. М., 1961. 80 с.
8. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. М.: Либроком, 2010. 184 с.
9. Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 370 с.
10. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков: моногр. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 655 с.
11. Пичугина В.В. Отглагольные существительные с суффиксом -к(а) в памятниках XVII в. // Исследования по исторической грамматике и лексикологии / под ред. И.С. Улукханова. М.: Изд-во АН СССР, 1990. С. 83–94.
12. Петрухина А.В. Лексика горнозаводского производства как репрезентант исторической языковой личности // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2017. № 3(399), вып. 105. С. 91–97.
13. Дегтярев В.И. Диахроническая грамматика русского языка: древнерусские имена собирательные в сравнительно-историческом изложении. Ростов н/Д.: НМЦ «Логос», 2007. 238 с.
14. Попова Т.Н. Народно-речевые словообразовательные типы в русском диалектном словопроизводстве: суффикс -щик // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2008. № 4(16). С. 179–188.

References

1. Azarkh Yu.S. *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nykh v istorii russkogo yazyka* [Word Formation and Form Building of Nouns in the History of the Russian Language]. Moscow, 1984. 247 p.
2. Prokopovich E.N., Khokhlacheva V.N., Shelikhova N.T. *Suffiksaly'noe slovoobrazovanie sushchestvitel'nykh v vostochnoslavjanskikh jazykakh XV–XVII vv.* [Suffixal Derivation of Nouns in the East Slavic Languages of the 15th – 17th Centuries]. Moscow, 1974. 224 p.
3. Vinogradov V.V. *Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammatical Teaching About the Word)]. Moscow, 1947. 783 p.
4. Popova T.N. Slovoobrazovatel'naya sinonimiya v russkom dialektnom slovoproizvodstve [Word-Formative Synonymy in Russian Dialectal Word-Formation]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2008, vol. 150, book 6, pp. 225–236.
5. Shcherbakova N.N. Otglagol'nye suffiksaly'nye sushchestvitel'nye v russkom prostorechii XVIII v. [Verbal Suffixal Nouns in 18th-Century Vernacular Russian]. *Omskij nauchnyy vestnik*, 2004, no. 2, pp. 158–162.
6. Pil'gun M.A. Sredstva vyrazheniya morfoloicheskogo roda sushchestvitel'nykh v istorii russkogo yazyka (na materiale lichnykh imen muzhskogo roda) [Means of Expressing the Morphological Gender of Nouns in the History of the Russian Language (Based on Masculine Personal Names)]. *Lesnoy vestnik*, 1999, no. 3, pp. 105–112.
7. Isserlin E.M. *Leksika russkogo literaturnogo yazyka XVII v.* [Vocabulary of the Russian Literary Language of the 17th Century]. Moscow, 1961. 80 p.
8. Nikolaev G.A. *Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie. Teoreticheskie problemy* [Russian Historical Word Formation. Theoretical Problems]. Moscow, 2010. 184 p.
9. Mal'tseva I.M., Molotkov A.I., Petrova Z.M. *Leksicheskie novoobrazovaniya v russkom yazyke XVIII v.* [Neologisms in the 18th-Century Russian Language]. Leningrad, 1975. 370 p.
10. Zhivov V.M. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov* [Essays on the Historical Morphology of the Russian Language of the 17th – 18th Centuries]. Moscow, 2004. 655 p.
11. Pichugina V.V. Otglagol'nye sushchestvitel'nye s suffiksom -k(a) v pamyatnikakh XVII v. [Verbal Nouns with the Suffix -k(a) in 17th-Century Written Records]. Ulukhanov I.S. (ed.). *Issledovaniya po istoricheskoy grammatike i leksikologii* [Studies on Historical Grammar and Lexicology]. Moscow, 1990, pp. 83–94.
12. Petrukhina A.V. Leksika gornozavodskogo proizvodstva kak reprezentant istoricheskoy yazykovoy lichnosti [Vocabulary of the Mining Industry as a Representation of the Historical Linguistic Personality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 3, iss. 105, pp. 91–97.

13. Degtyarev V.I. *Diakhronicheskaya grammatika russkogo yazyka: drevnerusskie imena sobiratel'nye v sravnitel'no-istoricheskom izlozhenii* [Diachronic Grammar of the Russian Language: Old Russian Collective Names in a Comparative Historical Aspect]. Rostov-on-Don, 2007. 238 p.

14. Popova T.N. Narodno-rechevye slovoobrazovatel'nye tipy v russkom dialektnom slovoproizvodstve: suffiks -shchik [Folk Types of Word Formation in Russian Dialectal Derivation: Suffix -shchik]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2008, no. 4, pp. 179–188.

Информация об авторе

Н.В. Чугаев – кандидат филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Пермского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации (адрес: 614112, г. Пермь, ул. Гремячий Лог, д. 1).

Information about the author

Nikolay V. Chugaev, Cand. Sci. (Philol.), Prof. at the Department of the Humanities and Social Sciences, Perm Military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation (address: ul. Gremyachiy Log 1, Perm, 614112, Russia).

Поступила в редакцию 01.04.2024

Одобрена после рецензирования 20.01.2025

Принята к публикации 22.01.2025

Submitted 1 April 2024

Approved after reviewing 20 January 2025

Accepted for publication 22 January 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 94–106.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 94–106.

Научная статья
УДК 81'42:[811.161.1+811.111]
DOI: 10.37482/2687-1505-V423

Негативная оценка в устном научном диалоге (на материале русского и английского языков)

Оксана Николаевна Чалова^{1, 2}

¹Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель, Республика Беларусь,
e-mail: oksana-chalova@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9811-4005>

²Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В качестве объекта анализа выступает устный научный диалог, интерпретируемый как разновидность публичного общения, функционирующая на пересечении двух типов дискурса – научного (как дискурса-основы) и обыденно-разговорного (как дискурса-донора, оказывающего значительное влияние на первичные параметры научного дискурса). В статье обосновывается идея о том, что в диалогических условиях существенному влиянию со стороны обыденно-разговорной коммуникации подвергаются аксиологические параметры научного дискурса, что проявляется в ряде моментов: 1) активизации в научном диалоге негативно-оценочных высказываний и расширении их функционала; 2) использовании прямых способов выражения критики (непосредственных указаний на несогласие, возражение, сомнение и др.); 3) активном употреблении двух разнонаправленных приемов – деинтенсификации (смягчения) и интенсификации негативной оценки (первого – за счет инициального одобрения, маркеров возможной ошибочности негативной оценки и т. д., второго – с помощью различных способов и лексем, например наречий-интенсификаторов, усиливающих семантику негативно-оценочных средств); 4) расширении объекта негативной оценки (в т. ч. благодаря ее направленности на внешние по отношению к научному дискурсу явления/факты, что в отдельных случаях превращает негативную оценку из профессиональной в наивную или личностно ориентированную). Исследование проводится на материале русского и английского языков как основных рабочих языков международной научной коммуникации. Автор приходит к выводу об идентичных тенденциях в использовании негативной оценки в обоих национальных вариантах научного диалога (тенденции к активизации негативной оценки, ее прямому выражению, использованию в смягченном или усиленном виде, а также расширению объекта). При этом подчеркивает специфический характер вербализации негативной оценки в русскоязычном научном диалоге. Полученные результаты могут быть учтены при организации обучения специалистов в различных областях нормам полемической научной коммуникации, включая ситуации международного общения.

Ключевые слова: устный научный диалог, русскоязычный научный дискурс, англоязычный научный дискурс, эксплицитная негативная оценка, смягченная негативная оценка, интенсифицированная негативная оценка

Для цитирования: Чалова, О. Н. Негативная оценка в устном научном диалоге (на материале русского и английского языков) / О. Н. Чалова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 94-106. – DOI 10.37482/2687-1505-V423.

Original article

Negative Evaluation in Oral Scientific Dialogue (Based on Russian and English)

Oksana N. Chalova^{1, 2}

¹Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Republic of Belarus,
e-mail: oksana-chalova@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9811-4005>

²Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The object of this research is scientific dialogue interpreted as a form of communication at the interface of two types of discourse – scientific (as a recipient discourse) and everyday (as a donor discourse, having a significant influence on the initial parameters of scientific discourse). The paper substantiates the idea that in the conditions of dialogue, everyday communication greatly affects the axiological structure of scientific discourse, which is reflected in the following ways: 1) activation of negative evaluative statements and diversification of their functions; 2) use of direct critical comments (expressing disagreement, objection, doubt, etc.); 3) active use of two opposite methods – de-intensification, i.e. softening (through initial approval, admittance of possible wrongness of the criticism, etc.), and intensification (through various techniques or words, e.g. intensifying adverbs amplifying the negative semantics) of negative evaluation; 4) expansion of the object of negative evaluation (by aiming it at external facts and phenomena, which can transform professional evaluation into personal or naïve). The study is based on the material of Russian and English as the main languages of international scientific communication. The author concludes that the two national variants of scientific dialogue have similar tendencies in terms of negative evaluation: activation and direct expression of negative evaluation, as well as its intensified or de-intensified use and expansion of its object. At the same time, a specific nature of verbalization of negative evaluation in the Russian scientific dialogue is emphasized. The results obtained can be applied in teaching scientists and academics the norms of polemical speech, including in an international setting.

Keywords: *oral scientific dialogue, Russian scientific discourse, English scientific discourse, explicit negative evaluation, softened negative evaluation, intensified negative evaluation*

For citation: Chalova O.N. Negative Evaluation in Oral Scientific Dialogue (Based on Russian and English). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 94–106. DOI: 10.37482/2687-1505-V423

Введение. В фокусе нашего исследовательского внимания находится устный научный диалог, противопоставленный письменной научной речи, которая также интерпретируется в лингвистике в качестве диалогической [1],

однако диалогичность письменной научной коммуникации связывается с активной реализацией в ней таких семантико-прагматических категорий, как авторизация, адресация и ин-тертекстуальность, в то время как устный науч-

ный диалог ассоциируется с особой формальной/структурной организацией, развитием по принципу «стимул – реакция» и установкой на активное речевое взаимодействие. Другими словами, устный научный диалог – это обмен репликами ученых на научном форуме любого формата (например, на этапе дискуссии на научной конференции после представления доклада выступающим) с целью обсуждения научных вопросов (понятие «научный диалог» как определенная (стимульно-реактивная) форма взаимодействия субъектов научного познания и понятие «научная дискуссия» как единственный научный жанр, существующий в данной форме, могут использоваться как взаимозаменяемые).

Понятно, что устный научный диалог представляет собой разновидность публичной речи, которая разворачивается в реплицирующем режиме, характеризуется относительной спонтанностью и произвольностью, а также экспрессивностью и эмоциональностью. В этом смысле устный научный диалог существенно отличается от других жанров научного общения, что, на наш взгляд, обусловлено способностью собственно диалогической научной коммуникации сочетать в себе черты двух типов дискурса – научного (как профессионального общения представителей научного сообщества с целью обсуждения и решения научных вопросов, отличающегося признаками логичности, рациональности и проч.) и обыденно-разговорного (бытового/повседневного, характеризующегося спонтанностью и ярко выраженной экспрессивностью). Влияние разговорного дискурса на научный приводит к тому, что в условиях устного диалога исходные параметры научного дискурса существенно модифицируются.

Изменениям подвергаются и аксиологические характеристики научного общения, в частности специфика реализации в нем негативной оценки, что мотивирует к ней определенный исследовательский интерес. Подчеркнем, что в зоне нашего внимания находится именно аксиологическая оценка как отличающаяся, напри-

мер, от эпистемической оценки и связанная с выражением отношения (в нашем случае – отрицательного) к объекту. Обращение к проблеме актуализации негативной оценки в устном научном диалоге может помочь расширить и углубить представления лингвистов об аксиологической составляющей данной разновидности общения в частности и научного дискурса в целом, о характере взаимодействия аксиологических и прагматических параметров научной коммуникации, что обуславливает актуальность настоящей работы. Цель исследования состоит в выявлении особенностей (тенденций) функционирования негативной оценки в устном научном диалоге, в ее описании с учетом нескольких параметров (семантики, прагматики, объектов и средств выражения).

Обзор литературы. Актуальность статьи также мотивирована недостаточной разработанностью проблемы аксиологической организации устного научного диалога в частности и научного дискурса в целом: единственным научным жанром, который разносторонне исследуется в лингвистике с точки зрения своих оценочных параметров, является жанр научной рецензии [2, 3]. Так, выделяются разновидности научных рецензий (нормативно-оценочная и диалогическая), систематизируются объекты оценки (материал, цели и задачи и т. д.), дифференцируются оценочные значения, эксплицируемые в научных рецензиях [2], делаются выводы о субъективном и индивидуально-авторском характере рецензий и тесной связи категории оценочности, актуализирующейся в научной рецензии, с категорией диалогичности, о перевесе положительных оценок над отрицательными [3].

Отдельные исследования по вопросам аксиологической организации научного дискурса опубликованы в виде научных статей и монографий [4–7]. Особое место занимает публикация Н.В. Данилевской, приписывающей научному дискурсу обязательное наличие познавательной оценки как особого вида оценивания, имеющего телеологическую направленность [4].

Что же касается собственно диалогической научной коммуникации (устного научного диалога), то ее оценочная составляющая описана лишь фрагментарно: рассматриваются роль оценки в устном научном диалоге [8], гендерная специфика выражения согласия и несогласия [9], аспекты реализации категории толерантности [10] и некоторые другие вопросы. Фокус же внимания зарубежных авторов смещен в сторону монологических (условно диалогических) научных жанров [11, 12]. Более того, в отличие от письменного научного дискурса, который всесторонне исследуется в лингвистике [13–16], устный научный диалог не охарактеризован в ней с точки зрения не только своих оценочных, но и любых других параметров. Сказанное обуславливает важность изучения как устного научного диалога, так и оценки в нем, в т. ч. негативной.

В лингвистике существует два основных подхода к интерпретации аксиологической оценки: узкий, предполагающий характеристику/описание/квалификацию объекта с позиции «хорошо – плохо» [17], и широкий, подразумевающий не только характерологическую, но и любую форму выражения положительного или отрицательного отношения к чему-либо или кому-либо, в т. ч. в виде согласия/несогласия [8–10, 18]. С учетом специфики устного научного диалога в данной работе понятие «негативная оценка» истолковывается довольно широко – как любое выражение критики, недовольства, несогласия, неодобрения и др.

Материалы и методы. Источниками материала служат стенограммы современных русско- и англоязычных научных дискуссий (с 2000 года по настоящее время) различной тематической направленности (дискуссии по гуманитарным и естественным наукам) общим объемом 500 тыс. словоупотреблений (по 250 тыс. словоупотреблений в каждом из двух языков). Из этих источников было отобрано 300 негативно-оценочных высказываний (по 150 высказываний в каждом из двух языков), которые и составили корпус нашего эмпирического материала.

В качестве основного метода исследования и интерпретации данных был выбран контекстуальный анализ, предполагающий изучение языковых и речевых единиц в контексте (с учетом особенностей их текстового окружения и специфики коммуникативной ситуации) и в нашем случае конкретизирующийся в виде таких частных методов, как:

- лингвоаксиологический (связанный с дифференциацией и систематизацией аксиологически заряженных коммуникативных ходов в научном диалоге, с отбором негативно маркированных речевых актов);

- контекстно-семантический (направленный на изучение аспектов регулирования степени проявления негативной оценки в структуре высказывания);

- функционально-прагматический (ориентированный на выявление функционально-прагматического потенциала аксиологически значимых речевых действий в изучаемом типе коммуникации).

Результаты. По нашим наблюдениям, в условиях устного научного диалога негативная оценка имеет следующие тенденции реализации.

1. Тенденция к активизации негативной оценки. В устной диалогической среде негативная оценка фактически становится необходимым условием существования речевого взаимодействия. Регулярное использование негативной оценки в научном диалоге продиктовано необходимостью не только верифицировать результаты своей и «чужой» научной работы и заниматься поиском истины, но и поддерживать речевую активность участников. Одним из наиболее действенных способов побуждения коммуникантов к взятию речевой инициативы является (наряду с вопросами) несогласие, неодобрение и т. п., поскольку практически любая критика одновременно направлена и на оценку положений и постулатов оппонента, и на передачу слова последнему, т. е. предполагает обязательный комментарий со стороны адресата, например:

(1): *Формально, у человека больше молекулярного сходства с собакой, хотя эволюционно ближе мышь...*

(2): *Нет, простите, я здесь вас прерву. Сейчас палеонтологами накоплено достаточное количество знаний. Среднее время существования крупных млекопитающих – меньше миллиона лет, мышей – примерно два-три миллиона, насекомых – примерно шесть-семь миллионов, и так далее. Это факт.*

(1): *Нет, я не спорю, я только не понимаю, каким образом время существования таксона связано со скоростями оборота и прочим. Если хорошо приспособленный таксон, то пускай он живет. А в чем состоит парадокс?*¹

Реплика (2) в приведенном контексте функционирует в качестве несогласия с позицией собеседника/возражения относительно степени родства человека с разными животными. Это несогласие маркируется частицей *нет*, благодаря которой негативная семантика реплики сразу считывается. Понятно, что частица *нет* (в функции возражения) является атрибутом именно устного научного диалога, а ее присутствие обусловлено действием принципов разговорного дискурса (донорского) в структуре устной диалогической речи в сфере науки. Воздействие же собственно научного дискурса на изучаемый тип коммуникации проявляется в наличии аргументативной части (в форме ссылки на палеонтологические факты), подтверждающей выраженное частицей *нет* несогласие. Несогласие воспринимается адресатом как вызов, что определяет его реакцию в виде сообщения о непонимании и вопроса-уточнения позиции оппонента и, соответственно, дальнейшее развитие диалога. Другими словами, в приведенной реплике негативная оценка используется в качестве, во-первых, основания для постановки/акцентуирования и последующего решения научной проблемы, во-вторых, способа поддержания речевого контакта и речевого взаимодействия.

Аналогичная ситуация наблюдается и в англоязычном научном диалоге, где негативная оценка также носит обуславливающий/вынуж-

дающий характер – как в содержательном, так и в диалогическом плане, например:

(1): *You get a human embryo through somatic cell nuclear transfer with a human ovum and the whole set of 46 chromosomes.*

(2): *And that's where we part...*

(1): *Well, that's what generates the moral problem. I mean, even before our ways part, that's where the problem lies.*

(3): *We at least see where the discussion has to go*².

Коммуникант (2) открыто сообщает о своем негативном отношении к мнению оппонента (о возможности проведения экспериментов над человеческими эмбрионами). Это отношение маркируется глаголом *part* («расходиться»), что позволяет интерпретировать реплику *And that's where we part* («Здесь мы с вами **не совпадаем**») в качестве критического замечания даже без опоры на контекст. Данное замечание вызывает, во-первых, ответное действие со стороны аргументатора, сформулированное в виде признания существования определенной проблемы нравственного порядка, во-вторых, реакцию другого участника дискуссии, указывающую на необходимость обсуждения обозначенной проблемы. Из сказанного явствует, что приведенная реплика, содержащая негативную оценку, располагает широкими акцентуирующими возможностями, связанными с привлечением внимания к конкретному вопросу и позиционированием определенной точки зрения среди множества других, а также обладает большим диалогическим потенциалом, предполагающим способность негативной оценки к продвижению речевого взаимодействия. В акцентуирующей, верифицирующей, диалогической роли и состоит прагматика негативных высказываний в устном научном диалоге. В этом смысле негативная оценка сближается с вопросами, которые также направлены на постановку проблемы и побуждение адресата к

¹Геномы и эволюция. URL: <https://paleoforum.ru/index.php?topic=236.120> (дата обращения: 20.10.2024).

²Biotechnology and Public Policy: Embryo and Related Research. URL: <http://tech.groups.yahoo.com/group/Lacanian/html> (дата обращения: 20.10.2024).

речевой активности, и, таким образом, приобретает интеррогативную семантику. От собственно вопроса ее отличают оценочная составляющая и наличие (в большинстве случаев) аргументативной части, сопровождающей негативную оценку с целью защиты и обоснования последней.

Говоря иначе, широкое использование негативной оценки в собственно диалогической коммуникации объясняется ее ориентированностью на максимально интенсивное обсуждение научных вопросов и активный поиск научной истины, режимом «живого» общения, предполагающим возможность непосредственного обращения к аргументатору и, соответственно, незамедлительного уточнения и верификации его позиции, а также необходимостью поддержания общения, в т. ч. за счет оценочных высказываний, способствующих переходу коммуникативной инициативы от одного участника к другому.

2. Тенденция к прямому выражению негативной оценки. Одной из особенностей экспликации негативной оценки в научном диалоге является тенденция к ее прямому (незамаскированному) выражению.

Принципы кооперативного общения предписывают участникам научного дискурса выражать критику косвенно (завуалированно), в замаскированном виде, чтобы не нанести урон имиджу оппонента. Подобные «предписания» неуклонно соблюдаются в письменных жанрах научной речи (например, статье или монографии), где эксплицитная негативная оценка обнаруживается далеко не в каждой работе. В то же время в устной

диалогической научной речи негативная оценка регулярно подвергается прямому выражению, что обусловлено природой рассматриваемой разновидности общения, ее спонтанным и произвольным характером, а также довольно жестким временным регламентом, необходимостью доносить информацию максимально быстро и точно, чтобы сэкономить время и минимизировать возможные коммуникативные неудачи.

Так, в научном диалоге представлены самые разные способы выражения негативной оценки:

а) указание на несогласие, эксплицируемое однотипно в обоих языках с помощью предикатов *не соглашаться* / *not to agree (to disagree)* и их дериватов:

Я не согласен с интерпретацией схемы многоплоскостного знания с теми следствиями, на которые указал Петр³;

I disagree with Dr. Curlin in one way⁴;

б) ссылка на возражение, универсально маркируемое в обоих языках глагольными лексемами *возражать* / *to object* и их производными:

У меня сначала маленькое возражение. То, что вы назвали нерелигиозным покаянием, это было не покаяние, а самооговор, – это разные вещи⁵;

I object to this because it's not professional. It's outside the bounds of the goals of medicine⁶;

в) указание на сомнение, выражающееся с помощью предикатов *сомневаться* / *to doubt* и их дериватов:

However, a recent paper by Robert Siman casts serious doubts⁷;

(1): *У меня с траекторией все в порядке.*

(2): *А я в этом сомневаюсь⁸;*

³Развитие методологии в сторону феноменологической саморефлексии. URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/1.html> (дата обращения: 20.10.2024).

⁴Conscience in the Practice of the Health Professions. URL: <http://bioethics.georgetown.edu/pcbe/transcripts/sept08/session3.html> (дата обращения: 20.10.2024).

⁵Русский грех и русское спасение. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Viktor-Zhivov/russkij-greh-i-russkoe-spasenie/> (дата обращения: 20.10.2024).

⁶Conscience in the Practice of the Health Professions.

⁷New Theories of Presenilin Function. URL: <https://www.alzforum.org/webinars/new-theories-presenilin-function> (дата обращения: 20.10.2024).

⁸Методология ММК как метафронезис коллективно-распределенного мышления. URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/17.html> (дата обращения: 20.10.2024).

г) замечание, которое можно одновременно отнести как к категории несогласия, так и к категории возражения (в обоих языках чаще всего маркируется частицей *нет/no* (в функции возражения/несогласия) и противительными союзами *но, однако/but, however*, вводящими противоположное мнение, а также эпистемическими модусными рамками *наподобие я не думаю, не считаю/I don't think, I don't believe* и некоторыми другими средствами: *наоборот, напротив, противоположный, противоречие, не так, нельзя, невозможно, недопустимо, неправда, спорный, on the contrary, contradictory, impossible, wrong, false, not true, argue* и т. п.):

*Нет, это не так. Есть общие точки*⁹;

*No, no. This is the amount I gave you. You can't do that. You can't change that*¹⁰.

Несмотря на то, что выделенные языковые средства невозможно отнести к конкретной категории – согласия или возражения, их направленность на выражение негативного отношения к позиции/мнению адресата очевидна;

д) выражение собственно негативной оценки (описательной/характерологической), т. е. присвоение отрицательной характеристики мнению/идее/позиции на основании разных параметров: пользы, эффективности, способности воздействовать на интеллектуальную сферу реципиента и соответствовать принятым нормам. Стандартными средствами выражения собственно негативной оценки в устном научном диалоге являются оценочные прилагательные (и их дериваты) *наподобие плохой, неинтересный, бесполезный, ненужный, неэффективный,*

нецелесообразный, бессмысленный, нерациональный, неправильный, нестандартный, запутанный, bad, not interesting, incorrect, useless, no need, ineffective, complicated и др.:

*Не надо нас использовать как способ вашего понимания. Это неэффективно*¹¹;

*I was looking at the wrong group. That is why it wasn't effective*¹².

Список средств выражения собственно негативной оценки расширяется за счет слов, номинирующих эмоции, прежде всего грусть/страдание/разочарование/презрение (*грустный, печальный, страдание, презирать*, а в английском языке – только *sad*), и слабо ассоциирующихся с научной речью, но проникающих в нее под действием императивов разговорной коммуникации:

*Просто страдание, что не я это придумала*¹³;

*So it's sad to say, but we're dealing with students who come in... because of economic conditions and that's the state, it's not a good one*¹⁴.

В первом примере говорящий высказывает недовольство в связи со своей собственной несостоятельностью как автора определенной идеи, во втором – в связи с проблемой недосыпа в школьной среде.

Кроме того, в русскоязычном научном диалоге для выражения собственно негативной оценки может использоваться стилистически маркированная лексика (*бред, ерунда, вранье, сумасшедший, дурацкий, идиотский* и их производные), что составляет особенность изучаемого типа общения:

Разговор как Щедровицкого, так и Леонтьева о деятельности как о том, что вообще

⁹Молекулярно-генетическая эволюция человека. URL: https://www.vechnayamolodost.ru/articles/drugie-nauki-o-zhizni/molekulyarno_geneticheskaya_evolyutsiya_cheloveka/ (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁰How People Learn. URL: https://mcpnet-static.s3.amazonaws.com/math_6_27_04.doc (дата обращения: 20.10.2024).

¹¹Проблема развития в психологической теории деятельности (ТД) и СМД-методологии. URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/6.html> (дата обращения: 20.10.2024).

¹²How People Learn.

¹³Как мы мыслим? Разноязычие и кибернетика мозга. URL: https://econet.kz/articles/181392-tatyana-chernigovskaya-nasha-zavisimost-ot-mozga-gorazdo-bolshe-chem-my-privykli-dumat#google_vignette (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁴How People Learn.

наблюдаемо в данном историческом срезе, для всех этих классиков, немцев вообще немислим, это полная дурь¹⁵;

*Я повторяю, что я знаком с автором этих бредней, и я у него спросил, знает ли он, сколько воды в Гренландском ледовом щите*¹⁶.

В первом случае объектом оценки становится особый подход к интерпретации понятия «деятельность», во втором – идея возможности опреснения океанических вод. Для характеристики этих объектов используется стилистически сниженная лексика, являющаяся, с одной стороны, индикатором некорректного речевого поведения и отсутствия профессиональной гибкости ученого, с другой – весьма эффективным способом привлечения внимания к сообщаемому.

В англоязычном варианте изучаемого типа общения таких контекстов обнаружено не было.

Итак, в плане выражения эксплицитная негативная оценка в устном научном диалоге – весьма вариативный феномен. Выбор говорящим конкретного способа передачи оценки зависит от интенций коммуникантов и текущих задач речевого взаимодействия. Различия между русским и английским языком проявляются в том, что в отличие от русского в английском для выражения негативной оценки не используется стилистически маркированная лексика, что более чем оправданно, поскольку в структуре научного дискурса, в т. ч. в устном научном диалоге, любое средство оценки уже само по себе довольно экспрессивный феномен.

3. Тенденция к смягчению негативной оценки. Взаимодействие в пространстве устного научного диалога свойств двух типов дискурса – научного и разговорного – обуславливает представленность в изучаемом типе общения двух разнонаправленных тенденций,

связанных с экспликацией прямой негативной оценки: во-первых, стремление к ее смягчению, во-вторых, абсолютно противоположное стремление – к ее интенсификации. Рассмотрим каждую из них поочередно.

В соответствии с нормами и постулатами конструктивного и вежливого общения прямая негативная оценка требует от участников научного диалога использования эффективных способов и приемов ее деинтенсификации.

В научном диалоге к числу основных приемов деинтенсификации прямой негативной оценки относятся следующие:

а) сочетание прямой негативной оценки с позитивной, средством репрезентации которой может стать любое слово с ярко выраженной оценочной (позитивной) семантикой, например предикаты (и их дериваты) *важный, интересный, большой, полезный, нужный, necessary, useful, excellent* и др. Введение позитивной оценки в подобных случаях способствует не столько содержательному развитию диалога, сколько реализации этикетных тактик:

*Well, I just think that's an interesting point of view from a CEQA consultant... but I would say it's not working*¹⁷;

*Замечательный доклад, очень интересный, но мне кажется странным то, что вы опровергаете огромную традицию представления о русской культуре как о максимально советливой, богобоязненной*¹⁸.

В обоих примерах негативная оценка предваряется указанием на сильные стороны доклада/мнения, однако в семантическом плане зона позитивного занимает в структуре приведенных высказываний весьма скромное место, поскольку основное назначение рассматриваемых реплик сводится именно к выражению негативной оценки позиции адресата, а положи-

¹⁵Проблема развития в психологической теории деятельности (ТД) и СМД-методологии.

¹⁶Климатическая сенсация. URL: <https://polit.ru/articles/publichnye-lektsii/klimaticheskaya-sensatsiya-cto-nas-ozhidaet-v-blizhayshe-i-otdalenno-budushchem-2007-02-15/> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁷The California Environmental Quality Act. URL: <https://www.planetizen.com/node/19871> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁸Русский грех и русское спасение.

тельная оценка используется лишь в этикетных целях;

б) сочетание прямой негативной оценки со ссылками на возможную ошибочность, субъективность, гипотетичность собственного критического замечания или неуверенность в своем мнении, прагматика которых заключается, как и в предыдущем случае, в снижении категоричности и резкости критического замечания и, соответственно, повышении степени кооперативности речевого взаимодействия. С этой целью обычно употребляются эпистемические формулы *думаю (что)*, *как мне кажется*, *it seems to me*, *I guess* и т. п.; парентетические вставки *на мой взгляд*, *с моей точки зрения*, *in my opinion*, *in my view* и др.; вводно-модальные слова *возможно*, *видимо*, *по-видимому*, *probably*, *possibly* (а в английском языке – модальные глаголы *can*, *could*, *might*: *I can be wrong*...):

*У вас несколько таких констатаций прозвучало, которые, на мой взгляд, важны, но и спорны*¹⁹ (помимо инициального одобрения негативная оценка смягчается за счет вводной вставки *на мой взгляд*, указывающей на невысокую степень уверенности говорящего в сообщаемом);

*I'm also wondering, in your experience with these various groups, there is also, I might argue, the risk of a geneticization or a medicalization of risk and benefit overall*²⁰ (степень полемического напряжения, которое задается ссылкой на критику, снижается благодаря использованию алетического глагола в условном наклонении *might*);

в) сочетание прямой негативной оценки с наречиями-деинтенсификаторами (*довольно ис-*

каженное представление, достаточно сухо и жестко, звучит немного страшно, несколько упрощает картину, a bit embarrassed, a little bit strange, don't quite make sense in your scheme и др.), а также с глаголами в условном наклонении (*я бы так не сказал, which I would never do*), ослабляющими оценочную семантику:

*Это довольно наивное рассуждение*²¹;

*I wouldn't make quite the dichotomy you made*²²;

г) сочетание прямой негативной оценки со ссылками на сожаление (*жаль/жалко, к сожалению, sorry*), которые, во-первых, выполняют сигнально-предупредительную роль, помогают адресату заранее настроиться на восприятие содержания последующей части реплики, во-вторых, снижают категоричность критики:

*Позиция тоже, к сожалению, не очень удачная*²³;

*I'm sorry. <...> Although our speaker said on several occasions "theologians say this", "theologians say that" ...I would argue that it's not specifically a theological doctrine*²⁴.

Понятно, что в обоих примерах речь едва ли идет об истинной жалости. Ссылки на жалость здесь выполняют смягчающую функцию и служат способом проявления заботы об адресате.

Использование приемов смягчения свидетельствует о готовности говорящего к научному и речевому взаимодействию, его желании соблюсти речевую этикет. Сочетание нескольких приемов, безусловно, усиливает деинтенсифицирующий эффект.

4. Категоричное и интенсифицированное использование негативной оценки.

¹⁹Традиции и квазитрадиции: о природе российской «исторической колеи». URL: <https://www.hse.ru/news/2931262.html> (дата обращения: 20.10.2024).

²⁰How People Learn.

²¹«Нация» и «народность» в России XIX века. URL: https://studopedia.net/13_76158_aleksey-miller-foto-natashi-chetverikovoy.html (дата обращения: 20.10.2024).

²²Biotechnology and Public Policy: Embryo and Related Research.

²³Язык и коммуникация: новые тенденции. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/1980> (дата обращения: 20.10.2024).

²⁴Conscience and the History of Moral Philosophy. URL: <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/transcripts/sept08/session2.html> (дата обращения: 20.10.2024).

Специфика устного научного диалога такова, что наряду со смягчением (деинтенсификацией) негативной оценки в нем прослеживается прямо противоположная тенденция – к ее интенсифицированному использованию, что предполагает выбор языковых средств и речевых действий, которые усиливают оценочную (негативную) семантику критического замечания, делают его формулировку более резкой и категоричной.

В изучаемом типе коммуникации к категоричной и интенсифицированной негативной оценке целесообразно относить:

а) критику, не подкрепленную аргументами и вводно-модальными конструкциями: прием использования необоснованной и несмягченной критики (являющийся преимущественно атрибутом русскоязычного устного научного диалога) усиливает оценочную семантику высказывания и, соответственно, оказывает более сильное психологическое воздействие на адресата в силу своей резкости и безапелляционности:

(1): *Нет, это нужно, конечно... <...>*

(2): *Да не нужно это все!*²⁵

(1): *Удалось четко определить понимание ситуации...*

(2): *Это невозможно все. Этого не может быть*²⁶.

Как в первом, так и во втором случае негативная оценка не подкреплена ни аргументацией, ни формулами вежливости, что сводит к минимуму содержательную насыщенность реплики и придает ей категоричное звучание; более того, во втором примере полемический компонент усиливается еще больше за счет двойного выражения (повтора) оценки: «это невозможно все» и «этого не может быть»;

б) негативную оценку, сопровождаемую наречиями и другими квалификаторами-интенсификаторами (*сильно, очень, глубоко, много, целый, very, really, terribly, not at all; that bothers me terribly*), заметно повышающими степень категоричности высказывания и степень эмоционального (психологического) давления на адресата:

*У тебя все очень **сильно** усложняется*²⁷;

*Well, you called a blastocyst an organism, which I would **never** do*²⁸.

Последняя реплика представляет собой яркий пример того, как в одном контексте сочетаются средства интенсификации критики (наречие *never*) и ее деинтенсификации (глагол *do* в условном наклонении: *would do*);

в) критику, содержащую стилистически сниженную лексику, которая в условиях научного диалога привлекает особое внимание к сообщаемому и передает высокую степень уверенности говорящего в пропозиции, усиливает категоричность оценки:

*Вы говорите, что архив – это национальная память, которая формирует общество... А я скажу: **ерунда** все это*²⁹;

*Интернет делает явление популярным и быстро его распространяет. Пару **идиотских** формулировок британских ученых подхватил кто-то еще*³⁰.

Этот прием, который одновременно служит и способом выражения критики, и способом ее интенсификации, представлен в русскоязычном научном диалоге. В англоязычном корпусе нашего материала такое явление обнаружено не было.

Таким образом, в русском языке присутствуют все три способа интенсификации нега-

²⁵Достижения Московского методологического кружка. URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/13.html> (дата обращения: 20.10.2024).

²⁶Как мы мыслим? Разноязычие и кибернетика мозга.

²⁷Развитие методологии в сторону феноменологической саморефлексии. URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/1.html> (дата обращения: 20.10.2024).

²⁸Biotechnology and Public Policy: Embryo and Related Research.

²⁹Современная Россия: Дискуссия: материалы семинаров Центра российеведения ИНИОН РАН, 2008–2013) / отв. ред. И.И. Глебова. М., 2014. 324 с.

³⁰Язык и коммуникация: новые тенденции. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/1980> (дата обращения: 20.10.2024).

тивной оценки. В английском языке негативная оценка усиливается за счет квалификаторов-интенсификаторов.

5. Расширение объекта негативной оценки. Традиционно объектами негативной оценки в научном дискурсе являются исследовательская деятельность оппонента, ее результаты, методы, объект/предмет изучения.

Однако в устной диалогической научной речи негативная оценка может быть направлена и на другие объекты, факты и явления, в связи с этим дополнительно выделяются следующие ее разновидности:

а) *автореферентная оценка*, обычно нацеленная на критику речевой деятельности самого говорящего и призванная выполнять в научном диалоге превентивно-защитную роль, т. е. служить приемом блокировки возможной критики со стороны оппонента: в русском языке такая оценка маркируется предикатами *идиотский*, *наивный*, *дилетантский*, в английском языке – *not right*:

*Вот такие наивные вопросы у меня к Вашему докладу*³¹;

*I don't know if that is the right question. If it is not, we can skip it, but you mentioned that ideas follow logically from one to another*³².

Как видно, в русском языке спектр средств оценки собственного высказывания шире, чем в английском;

б) *внешняя/наивная оценка*, ориентированная на объекты, не связанные с основной темой обсуждения (составляет специфику русскоязычного научного диалога):

*Особенно это впечатляло, когда я преподавал в довольно низкого уровня университете в Техасе, там очень много было матерей семейств*³³ (в данном примере объектом негативной оценки является техасский университет, о котором речь до сих пор в обсуждении не шла, а переключение фокуса внимания аргументатора на данный университет связано с включени-

ем в устный научный диалог контекста автобиографического порядка);

в) *генерализованная оценка*, предполагающая критику результатов не конкретной работы, статьи, доклада, сообщения, а профессиональной деятельности коллеги в целом или его личности:

*Если взять его ранние и поздние работы, то это бог знает что*³⁴ (здесь критике подвергается не конкретная работа / мнение / точка зрения ученого, а целые периоды его исследовательской деятельности, что усиливает степень полемичности критического замечания).

Единичное использование генерализованной негативной оценки регламентируется влиянием норм и требований научного дискурса как дискурса-основы по отношению к устному научному диалогу; в то же время ее встречаемость в изучаемом типе коммуникации оправдана действием принципов разговорного дискурса как дискурса-донора для устной диалогической научной коммуникации.

Как видно, объекты негативной оценки в устном научном диалоге весьма разнообразны, что указывает на ее способность верифицировать самые разные явления и факты и, следовательно, подчеркивает ее значимость и важность в диалогической речи в сфере науки.

Заключение. Таким образом, в условиях устного научного диалога негативная оценка отличается рядом особенностей реализации: так, в научном диалоге прослеживается диверсификация способов выражения негативной оценки (несогласие, возражение, сомнение и собственно негативная оценка), приемов ее интенсификации и деинтенсификации, видов негативной оценки по характеру объекта (автореферентная, генерализованная и внешняя), а также прагматических задач (акцентирующая, верифицирующая и диалогическая функции).

³¹Современная Россия: Дискуссия...

³²How People Learn.

³³Гуманитарное образование в трех национальных образовательных системах. URL: <https://polit.ru/lectures/2009/11/12/gumeducation.html> (дата обращения: 20.10.2024).

³⁴Методология ММК как метафронезис коллективно-распределенного мышления. URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/17.html> (дата обращения: 20.10.2024).

Основные сходства между англо- и русскоязычным научным диалогом заключаются в том, что в обоих языках представлены одинаковые способы выражения негативной оценки (несогласие, возражение, сомнение и собственно негативная оценка), а также идентичные разновидности оценки по степени ее толерантности (корректная оценка – аргументированная и смягченная, некорректная – интенсифициро-

ванная). Что касается различий между англо- и русскоязычным научным диалогом, то они состоят в характере языковых средств, используемых для выражения негативной оценки: если в русском языке с целью выражения критики могут употребляться стилистически маркированные и экспрессивные средства, то английский язык обычно ограничивается нейтральной лексикой.

Список литературы

1. Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь: Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького, 1986. 91 с.
2. Кондратенко А.И. Категория экспертной оценки в научном дискурсе (на материале немецкой и российской лингвистики): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2023. 126 с.
3. Соловьянова Е.В. Агональность в академическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2021. 471 с.
4. Данилевская Н.В. Научный текст как динамика оценочных действий // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. 2009. № 2. С. 20–28.
5. Guangwei Hu, Lang Chen. “To Our Great Surprise...”: A Frame-Based Analysis of Surprise Markers in Research Articles // J. Pragmat. 2019. Vol. 143. P. 156–168. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.02.021>
6. Tutin A. Surprise Routines in Scientific Writing: A Study of French Social Science Articles // Rev. Cogn. Linguist. 2015. Vol. 13, № 2. P. 415–435. <https://doi.org/10.1075/rcl.13.2.06tut>
7. Peng J.E. Authorial Voice Constructed in Citation in Literature Reviews of Doctoral Theses: Variations Across Training Contexts // J. Engl. Acad. Purp. 2019. Vol. 37. P. 11–21. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2018.11.001>
8. Задворная Е.Г., Садовская Е.Ю. Аксиологическая специфика дискурса: вопросы оценки // Бизнес. Инновации. Экономика: сб. науч. ст. Минск: Печ. дом «Вишневка», 2017. С. 152–158.
9. Маслова Л.Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 192 с.
10. Соловьева Н.В. Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект: на материале текстов научных дискуссий 1950–2000-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. 244 с.
11. Bruce I. Academic Writing and Genre: A Systematic Analysis. London: Continuum, 2008. 194 p.
12. Charles M., Pecorari D., Hunston S. Academic Writing: At the Interface of Corpus and Discourse. London: Continuum, 2009. 303 p.
13. Баженова Е.А. Структура нового знания в научном тексте // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2020. № 4(210). С. 144–151. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-4-144-151>
14. Савчук Т.В. Семантико-прагматические ошибки в научной аргументации (на материале русских и белорусских гуманитарных текстов) // Глобальные и локальные процессы в славянских языках, литературах, культурах 2. Рига: Латв. ун-т, 2019. С. 135–147. (Сер.: Rusistica Latviensis. Т. 8). <https://doi.org/10.22364/ruslat.glp.15>
15. Савчук Т.В. Тактика эмоционального усиления аргументации в письменном научно-гуманитарном дискурсе // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2022. № 478. С. 30–43. <https://doi.org/10.17223/15617793/478/4>
16. Чернявская В.Е. Язык оценок в научном дискурсе: терминологическое поле и методологические подходы // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 44–55. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-3-44-55>
17. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.
18. Нефедов С.Т. Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Яз. и лит. 2021. Т. 18, № 4. С. 760–778. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.408>

References

1. Kozhina M.N. *O dialogichnosti pis'mennoy nauchnoy rechi* [On the Dialogic Nature of Written Scientific Speech]. Perm, 1986. 91 p.
2. Kondratenko A.I. *Kategoriya ekspertnoy otsenki v nauchnom diskurse (na materiale nemetskoj i rossijskoj lingvistiki)* [The Category of Expert Assessment in Scientific Discourse (Based on the Material of German and Russian Linguistics): Diss.]. St. Petersburg, 2023. 126 p.

3. Solov'yanova E.V. *Agonal'nost' v akademicheskoy diskurse* [Agonism in Academic Discourse: Diss.]. Voronezh, 2021. 471 p.
4. Danilevskaya N.V. Nauchnyy tekst kak dinamika otsennochnykh deystviy [Scientific Text as a Dynamics of Evaluative Actions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2009, no. 2, pp. 20–28.
5. Guangwei Hu, Lang Chen. "To Our Great Surprise...": A Frame-Based Analysis of Surprise Markers in Research Articles. *J. Pragmat.*, 2019, vol. 143, pp. 156–168. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.02.021>
6. Tutin A. Surprise Routines in Scientific Writing: A Study of French Social Science Articles. *Rev. Cogn. Linguist.*, 2015, vol. 13, no. 2, pp. 415–435. <https://doi.org/10.1075/rcl.13.2.06tut>
7. Jian-E Peng. Authorial Voice Constructed in Citation in Literature Reviews of Doctoral Theses: Variations Across Training Contexts. *J. Engl. Acad. Purp.*, 2019, vol. 37, pp. 11–21. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2018.11.001>
8. Zadornaya E.G., Sadovskaya E.Yu. Aksiologicheskaya spetsifika diskursa: voprosy otsenki [Axiological Specifics of Discourse: Assessment Issues]. *Biznes. Innovatsii. Ekonomika* [Business. Innovation. Economics]. Minsk, 2017, pp. 152–158.
9. Maslova L.N. *Vyrazhenie soglasiya/nesoglasiya v ustnoy nauchnoy kommunikatsii: gendernyy aspekt* [Expression of Agreement/Disagreement in Oral Scientific Communication: Gender Aspect: Diss.]. Moscow, 2007. 192 p.
10. Solov'eva N.V. *Tolerantnost' v nauchnoy diskussii: lingvostilisticheskiy aspekt: na materiale tekstov nauchnykh diskussiy 1950–2000-kh gg.* [Toleration in Scientific Discussion: Linguistic and Stylistic Aspect: Based on the Texts of Scientific Discussions of 1950–2000: Diss.]. Perm, 2007. 244 p.
11. Bruce I. *Academic Writing and Genre: A Systematic Analysis*. London, 2008. 194 p.
12. Charles M., Pecorari D., Hunston S. *Academic Writing: At the Interface of Corpus and Discourse*. London, 2009. 303 p.
13. Bazhenova E.A. Struktura novogo znaniya v nauchnom tekste [The Structure of New Knowledge in a Scientific Text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2020, no. 4, pp. 144–151. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-4-144-151>
14. Savchuk T.V. Semantiko-pragmaticheskie oshibki v nauchnoy argumentatsii (na materiale russkikh i belorusskikh gumanitarnykh tekstov) [Semantic-Pragmatic Fallacies in Scientific Argumentation (on the Material of Russian and Belarusian Texts in Humanities)]. *Global'nye i lokal'nye protsessy v slavyanskikh yazykakh, literaturakh, kul'turakh 2* [Global and Local Processes in Slavic Languages, Literatures and Cultures 2]. Riga, 2019, pp. 135–147. <https://doi.org/10.22364/ruslat.glp.15>
15. Savtchouk T.N. The Tactic of Emotional Amplification of Argumentation in the Written Discourse of the Humanities. *Tomsk State Univ. J.*, 2022, no. 478, pp. 30–43 (in Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/478/4>
16. Chernyavskaya V.E. Evaluative Language in Scientific Discourse: Terminological Framework and Methodological Perspectives. *Perm Univ. Her. Russ. Foreign Philol.*, 2022, vol. 14, no. 3, pp. 44–55 (in Russ.). <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-3-44-55>
17. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of a Person]. Moscow, 1999. 896 p.
18. Nefedov S. T. The Variety of Evaluation in Communicative Practices of Academic Discourse. *Vestn. St. Petersburg Univ. Lang. Lit.*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 760–778 (in Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.408>

Информация об авторе

О.Н. Чалова – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (адрес: 246027, Республика Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, д. 104), докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Минского государственного лингвистического университета (адрес: 220034, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, д. 21).

Information about the author

Oksana N. Chalova, Cand Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Department of Theory and Practice of the English Language, Francisk Skorina Gomel State University (address: ul. Sovetskaya 104, Gomel, 246027, Republic of Belarus), Doctoral Candidate, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Minsk State Linguistic University (address: ul. Zakharova 21, Minsk, 220034, Republic of Belarus).

Поступила в редакцию 28.11.2024

Одобрена после рецензирования 06.02.2025

Принята к публикации 11.02.2025

Submitted 28 November 2024

Approved after reviewing 6 February 2025

Accepted for publication 11 February 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 107–114.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 107–114.

Научная статья
УДК 165.19:004
DOI: 10.37482/2687-1505-V425

Особенности социального бытия науки в цифровом обществе

Ольга Витальевна Пашенко

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия,
e-mail: o.pashchenko@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6232-6407>

Аннотация. Научное знание является неотделимым компонентом современного общества. Это обусловлено тем, что научная деятельность, осуществляемая учеными, вплетается в ткань социальной реальности, которую без науки и ее достижений представить уже невозможно. Вся производственная, материально-техническая, а зачастую и духовная деятельность связана с научными открытиями. Социум признает главенствующую роль науки в процессе преобразовательной деятельности. Цель данного исследования заключается в рассмотрении особенностей развития научного знания в процессе изменения качества социальной среды. Нормальное функционирование цифрового общества сложно представить без научных работ. Научная деятельность выступает базисом для усиления процессов цифровизации, ставших трендом и главным показателем уровня развития общественных отношений. Основная задача статьи состоит в демонстрации того, что аксиологическое измерение науки отходит на второй план, уступая место социологическому. Такое понимание науки подчеркивает взаимозависимость ее и общества. Научно-исследовательская деятельность – приоритетное направление развития для любого государства технократического цифрового мира. Продукты научной деятельности являются не просто элементом научного производства – они становятся составной частью общественного сознания, которое одержимо идеей, что все должно быть научно проверено, обосновано и доказано. Более того, можно утверждать, что научные знания превращаются в информационный ресурс общества. Интенсификация цифровых технологий способствует повышению уровня образованности общества и создает условия для включения различных акторов, не занимающихся наукой профессионально, в научные исследования и разработки. Таким образом, человек оказывается перед новой реальностью, в которой наука играет решающую роль.

Ключевые слова: социальная среда, социальное бытие науки, научное знание, гуманистическая ориентация, цифровое общество, технократический контроль

Для цитирования: Пашенко, О. В. Особенности социального бытия науки в цифровом обществе / О. В. Пашенко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 107–114. – DOI 10.37482/2687-1505-V425.

Original article

The Existence of Science in a Digital Society

Olga V. Pashchenko

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia,

e-mail: o.pashchenko@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6232-6407>

Abstract. Scientific knowledge is an integral component of modern society due to the fact that scientific activity carried out by scientists is woven into the fabric of social reality, which is impossible to imagine without science and its achievements. All production, material, technical and, oftentimes, spiritual activities are associated with scientific discoveries. Society recognizes the leading role of science in the transformational activity. This article aims to consider the development of scientific knowledge in the process of changing the quality of social environment. A digital society can hardly function without scientific achievements. Scientific activity provides a basis for enhancing digitalization processes, which have become a trend and the main indicator of the level of development of social relations. The main task of this paper is to demonstrate that the axiological dimension of science is fading into the background, giving way to the sociological dimension. This understanding of science emphasizes the interdependence between science and society. Research activity is a priority area of development for any country in the technocratic digital world. The products of scientific activity are not simply elements of scientific production, but an integral part of social consciousness, which is obsessed with the idea that everything must be scientifically verified, substantiated and proven. Moreover, it can be argued that scientific knowledge is turning into an information resource for society. The intensification of digital technologies contributes to an increase in society's level of education and allows various actors who are not scientists by profession to get involved in scientific research and development. Thus, humans are facing a new reality in which science plays a decisive role.

Keywords: *social environment, social existence of science, scientific knowledge, humanistic orientation, digital society, technocratic control*

For citation: Pashchenko O.V. The Existence of Science in a Digital Society. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 107–114. DOI: 10.37482/2687-1505-V425

Введение. Наука в цифровом обществе представляет собой сложный социальный феномен, пронизывающий все сферы общественной деятельности. Воспринимаемая как когнитивно-социальная деятельность, наука является предметом комплексного изучения и пристального внимания начиная с XX века, когда вектор ее направленности переменялся в сторону преобразовательной деятельности в соответствии с общественным запросом. Актуальность темы обусловлена прежде всего возрастающей ро-

лью науки в формирующемся цифровом обществе. Активно развивающиеся технологии влекут за собой пересмотр не только отношения общества к науке, но и самих ее оснований, таким образом требуя нового концептуального осмысления. Целью данной статьи являются рассмотрение и анализ влияния процессов цифровизации на развитие научного знания. Основная задача состоит в оценке угроз и рисков, возникающих в ходе цифровизации. Теоретическая и практическая значимость

заключается в определении перспектив развития науки, а также проблемных точек, требующих дальнейшего изучения. Технологии активно развиваются и вынуждают нас задуматься о прогнозировании возможных вызовов со стороны науки для предотвращения негативных сценариев.

Материалы и методы. Обеспечить целостное восприятие науки как социокультурного феномена позволило использование системного подхода, который дал возможность выявить социальные предпосылки развития научного знания в современном мире. Диалектический подход помог сопоставить формы и способы репрезентации науки в социальном пространстве. Данные подходы определили главенствующую роль критического анализа в отношении господствующих в цифровом обществе установок относительно развития научного знания.

При рассмотрении особенностей социального бытия науки было уделено внимание анализу субъекта научной деятельности, который претерпевает изменения в новом обществе. Творчество ученых становится коллективным процессом, требующим соучастия других членов общества, причем не только занятых научной деятельностью, но и представителей бизнес-структур, менеджеров, чиновников, обычных граждан, интересующихся научным знанием. В современном обществе расширяются возможности участия в научных исследованиях и формируется новое понятие – «гражданская наука». Процессы цифровизации сыграли в этом не последнюю роль. Как отмечает О.А. Серова, занимающаяся изучением правовых аспектов нового понятия, «к исследованиям через цифровые платформы привлекаются обычные люди, что и повлекло возникновение термина “гражданская наука”» [1, с. 101]. Социальная реальность трансформируется и влечет за собой изменение представления о субъекте науки.

Субъект научного исследования. Ученый всегда признавался главным субъектом научного исследования, т. к. именно его творческая деятельность приводила к научным открытиям. Но в современном обществе ситуация

меняется и ученый больше не играет особую роль в развитии науки – субъектом становится коллектив ученых. Как подметил Ю.М. Резник, «в социальном мире, где пересекаются линии поведения многих субъектов, человек почти всегда является “гостем”, которому приходится играть по “чужим”, зачастую навязанным ему правилам, тогда как в своем жизненном мире он склонен считать себя “хозяином”» [2, с. 109]. Ученый, как и любой другой человек, является заложником существующих в обществе порядков и вынужден действовать в рамках заданного периметра, который очерчивает социальное бытие науки.

Цифровая реальность накладывает свой отпечаток на представления о субъекте научной деятельности. В самом широком смысле процессы цифровизации – это не что иное, как создание цифровых моделей мира, в т. ч. и научных. Л.В. Шиповалова выделила три особенности субъекта научной деятельности в цифровом мире. Первая – субъект выступает оператором персонального компьютера и участником научных сетевых коммуникаций. Вторая – к субъекту научной деятельности относятся как к субъекту социальной практики. Третья – субъект подвергается переосмыслению фундамент наук и таким образом задает новые смыслы [3].

Особо остро стоит проблема доверия к науке, появляющаяся из-за того, что субъект научной деятельности погружается в мир цифровых технологий. Цифровые модели мира, которых может быть бесчисленное множество, допускают возможность открытого вмешательства любых акторов, в т. ч. и не занимающихся научной деятельностью профессионально. Это приводит к вариативности интерпретаций и использования научной информации и, как следствие, размытию такого критерия научного знания, как точность. Все чаще мы сталкиваемся с понятием «цифровое доверие», подразумевающим под собой «уверенность пользователей в способности цифровых институтов, предприятий, организаций, технологий и процессов создать безопасный цифровой мир» [4, с. 36]. Обще-

ство хочет доверять научному знанию, поэтому внедрение цифровых платформ должно происходить обдуманно и с учетом данного фактора.

Рассматривая особенности субъекта научной деятельности, нельзя не затронуть изменения, касающиеся объекта научных исследований: «Если в классической науке объектом исследования выступали малые структурированные данные, то за последние 30 лет им становятся большие неструктурированные данные» [5, с. 1629]. Особое беспокойство вызывает гуманитарное знание, объем данных которого неуклонно растет и подвергается разного рода модификациям.

Социальный характер науки. Рассуждая о природе социальной реальности, Ю.М. Резник выделяет три формы социальных изменений: социальное участие, социальное служение и социальное творчество. Если эти формы рассматривать применительно к деятельности ученого, то наиболее распространенной в современном мире является социальное служение, тогда как социальное творчество остается привилегией меньшинства. Характеризуя социальное служение, Ю.М. Резник подчеркивает его преимущественно безвозмездный характер, тогда как в рамках функционирования научного знания подобная деятельность связана с желанием получить прибыль [2]. Стоит согласиться с тем, что служение подразумевает практическую деятельность, направленную на изменение условий жизни людей в лучшую сторону, на увеличение степени комфорта, улучшение качества жизни и т. п.

Социальное творчество в науке представляет собой созидательный процесс, нацеленный на появление чего-то нового и уникального, его можно назвать определяющей формой социальных изменений XX века, т. к. в это время фундаментальные открытия не заставляли себя ждать. Участь современного ученого – шлифовать, совершенствовать, внедрять в реалии социальной жизни те знания, которые были подарены миру в прошлом веке.

Современная наука – «служанка» общества потребления. Она призвана удовлетворять

вновь и вновь возникающие запросы ненасытного общества. На такие запросы ориентированы прежде всего технические науки, но и гуманитарные науки подстраиваются под эти же стандарты. Научное знание в обществе потребления транслирует идею ориентации на человека, т. е. гуманистическую направленность развития. Наука призвана работать на человека, улучшать его жизнь во всех проявлениях. Вместе с тем возникает обратная ситуация, когда гуманистическая ориентация на человека в современной культуре становится основой антигуманистического порядка. Связано это в первую очередь с изменяющимся отношением к наукам о человеке. Все чаще методы естественных наук используются при изучении человека – его рассматривают с позиции механицизма, биологизма, редукционизма и т. п. Подобные подходы к исследованию человека напрямую приводят к «расчеловечиванию», а следовательно, к появлению антигуманистического порядка. В.А. Лекторский пишет: «Если до недавних пор наука использовалась для переделки природы (в результате чего возникла экологическая проблема), то сегодня настала очередь самого человека – для чего уже имеются соответствующие средства. В частности, это возможность “редактировать” генетическую карту и создавать “по заказу” определенные типы человеческих существ, возможность воздействия на мозговые (а через них на психические) процессы, переноса некоторых интеллектуальных процессов на искусственные (цифровые) носители» [6, с. 5]. Человек – это нечто большее, чем часть мира природы, он живет в искусственном, созданном им самим мире, но объективировать человека, не лишая его человеческого содержания, невозможно.

Социальный характер науки во многом раскрывается в тотальном технократическом контроле, который становится очевидным, несмотря на культивирование идеи создания условий для свободного раскрытия индивидуальности каждого человека. Подобный технократический уклад несет определенные риски для развития научного знания, поскольку способствует

формированию «счастливого сознания», особенностью которого, в понимании Г. Маркузе, является убеждение в том, что культура (в нашем случае наука) продолжает создавать блага для улучшения качества жизни человека [7]. Единственным критерием оценки обществом научных разработок выступает их продуктивность, т. е. способность содействовать реальному повышению степени комфорта человека. В рамках развития цифрового общества появляются особые критерии оценки продуктивности. Например, внедрение балльно-рейтинговых систем оценки деятельности ученых, ставших очень востребованными во всем мире, включая российскую науку. Критерии, как правило, затрагивают вопрос о востребованности исследований мировым сообществом: «Дело в том, что наука – явление интернациональное (а не национальное), поэтому эквивалент-результат научной деятельности необходимо соотносить с международным масштабом» [8, с. 201]. Но подобные системы оценки продуктивности несовершенны и нуждаются в дополнительном анализе.

Если брать во внимание все вышеизложенные суждения, то вполне оправданной кажется позиция И. Лакатоса, исходным пунктом которой является положение о необходимости научно-исследовательских программ [9]. Они должны не только сменять друг друга по мере роста и динамики научного знания, но и приводить к увеличению объема знаний в рамках существования действующей научно-исследовательской программы. «Нужно, чтобы каждый следующий шаг исследовательской программы направлялся к увеличению содержания, иными словами, содействовал последовательно прогрессивному теоретическому сдвигу проблем», – подчеркивает И. Лакатос [10]. Если примерить позицию мыслителя к современному научному знанию, весьма спорным становится вопрос о формировании «зрелой науки», в основе которой лежат исследовательские программы и которую И. Лакатос противопоставляет «незрелой науке», включающей метод проб и ошибок.

Развитие научного знания на современном этапе реконструирует представления о дей-

ствительности, преподнося ее в многомерном изображении. К этому подталкивает сама специфика цифрового общества, главная особенность которого заключается в непрерывном производстве информации в процессе создания цифровых моделей мира. И если в момент зарождения науки ее главной задачей было производство знаний, то наука цифрового информационного общества стремится к производству научной информации. «С точки зрения информационного подхода ее можно рассматривать и как особую информационную систему, в которой происходит процесс обмена научной информацией», – считают В.Н. Гончаров и О.Ю. Колосова [11, с. 27]. В рамках научно-информационной деятельности происходит взаимовлияние социума и науки. Ученые стремятся к распространению научной информации, а общество – к ее поиску для получения ответов на возникающие в процессе жизнедеятельности вопросы. В ходе подобного взаимодействия повышается вероятность искажения и подмены научных данных «удобными» формулировками. Развитие информационного общества создает условия для распространения ненаучной и псевдонаучной информации.

Если рассматривать науку как социальный институт, необходимо обратить внимание на принципы формирования научного знания, которые тоже претерпевают изменения. Наиболее универсальным и востребованным способом организации научных исследований является адхократия, подразумевающая работу временных исследовательских групп для решения конкретных задач. Подобные группы динамичны, даже при наличии костяка в виде ведущих ученых их структура все время меняется, появляется возможность включения в научные исследования людей, не обладающих специальным образованием. Все чаще научные организации, в т. ч. университеты, выбирают адхократический вариант управления, при котором представители разных научных дисциплин организуют единое целое, что позволяет более эффективно осуществлять междисциплинарные и трансдисциплинарные иссле-

дования, ставшие мейнстримом современной науки: «Вся новаторская деятельность в университетах строится вокруг сложных проектов, основанных на требованиях рынка, поддерживает и поощряет развитие конкретных типов специализированного опыта и различных областей компетентности» [12, с. 94]. Несмотря на то, что бюрократический элемент в науке еще силен, он постепенно уступает место адхократической модели управления. По мнению Э. Тоффлера, «важно то, что сейчас мы движемся к мощным формам обработки знаний, которые глубоко антибюрократичны» [13, с. 217]. Внедрение цифровых технологий упрощает процесс обмена информацией и приводит к утрате монополии ученых на знание, позволяя использовать его любому человеку, имеющему доступ к информационным ресурсам. В мире цифровых технологий объем информации настолько велик, что вполне рационально распределять работу между участниками исследования так, чтобы каждый отвечал за свой узкий сегмент – согласно своей специализации, навыкам и компетенциям.

Рассматривая социальное бытие науки, невозможно обойти вниманием экономическую составляющую, поскольку реалии экономической жизни влияют на все сферы жизнедеятельности современного человека. Как правило, наибольшее финансирование получают опытно-конструкторские разработки, которые можно эффективно внедрить в производственный цикл, и прикладные научные исследования, а фундаментальные поддерживаются с меньшей инициативой. Возросший интерес к науке, благодаря которому она стала составной

частью общества, с одной стороны, привел к увеличению объема финансирования, что, несомненно, положительно сказалось на многих проводимых исследованиях, с другой – сделал науку «заложницей» общества потребления и определил направление ее развития.

Заключение. Подводя итог, можно выделить несколько принципиально важных особенностей социального бытия науки.

Процессы цифровизации, охватившие развивающееся информационное общество, приводят к изменению облика субъекта научного исследования. Для эффективной профессиональной деятельности ученые вынуждены объединяться в коллективы, в которых, как и в любой другой сфере общественной деятельности, каждый оказывается «винтиком» огромного механизма, заменяемым в любой момент. Ученый больше не носитель сакрального знания о мире, а специалист в одной из областей научного знания.

Наиболее распространенной формой социальных изменений в области науки становится социальное служение, главной задачей которого является не постижение истины, а увеличение степени комфорта общества. Наука направлена на общество и человека, она перестает быть ценностью сама по себе, но ценна в аспекте влияния на социальную реальность.

Адхократия – наиболее востребованная модель управления в научных организациях, позволяющая эффективно проводить междисциплинарные и трансдисциплинарные научные исследования, которые считаются приоритетными и необходимыми, т. к. на стыке наук сохраняется большое количество тайн, не раскрытых человеком.

Список литературы

1. Серова О.А. Субъекты научно-исследовательской деятельности: от традиционных представлений к гражданской науке // Правовое гос-во: теория и практика. 2022. № 3. С. 98–103. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2022.3.13>
2. Резник Ю.М. Понятие «социальное» в современной философии и науке // Вопр. соц. теории. 2008. Т. II, вып. 1(2). С. 88–111.
3. Шиповалова Л.В. О субъекте научной деятельности в цифровую эпоху // Социальные и цифровые исследования науки: коллектив. моногр. / под ред. А.А. Аргамаровой, Е.В. Масланова, В.В. Слюсарева, Т.М. Хусяинова.

М.: Рус. о-во истории и философии науки, 2020. С. 23–37. URL: [http://rshps.ru/books/social-and-digital-studies-of-science\(2020\).pdf](http://rshps.ru/books/social-and-digital-studies-of-science(2020).pdf) (дата обращения: 19.07.2024).

4. Нурмухаметов Р.К., Торин С.С. Цифровое доверие (digital trust): сущность и меры по его повышению // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2020. № 1. С. 32–39.

5. Платонова С.И. Эпистемологические трансформации науки в цифровую эпоху // Манускрипт. 2021. Т. 14, вып. 8. С. 1628–1631. <https://doi.org/10.30853/mns210275>

6. Лекторский В.А. Возможны ли науки о человеке? // Вопр. философии. 2015. № 5. С. 3–15.

7. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. URL: <http://socium.ge/downloads/komunikaciisteoria/markuze%20odnomerni%20chelovek.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

8. Матвеев В.С., Матвеева И.С., Матвеева Л.А., Ходаринова Н.В., Шапошников В.Л. Современные методы диагностики продуктивности управления исследовательской деятельностью // Уч. зап. ун-та им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 1(167). С. 199–204.

9. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000330/index.shtml> (дата обращения: 13.05.2024).

10. Лакатос И. Методология научных исследовательских программ. URL: <https://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/philosophy/lacatos.htm> (дата обращения: 13.05.2024).

11. Гончаров В.Н., Колосова О.Ю. Социально-философский аспект научно-информационной деятельности в системе общественного развития // Гуманит., соц.-экон. и обществ. науки. 2015. № 9. С. 26–29.

12. Ахунжанова И.Н., Лунев А.П., Томашевская Ю.Н., Кошкарров А.В., Гамидов С.С. Адхократия как современная форма организации деятельности университетов России // Управленч. науки. 2019. № 9(4). С. 85–97. <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2019-9-4-85-97>

13. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 669 с.

References

1. Serova O.A. Subjects of Research Activities: From Traditional Concepts to Civil Science. *Rule-of-Law State Theory Pract.*, 2022, no. 3, pp. 98–103 (in Russ.). <https://doi.org/10.33184/pravgos-2022.3.13>

2. Reznik Yu.M. Ponyatie “sotsial’noe” v sovremennoy filosofii i nauke [The Concept “Social” in Recent Philosophy and Science]. *Voprosy sotsial’noy teorii*, 2008, vol. 2, no. 1, pp. 88–111.

3. Shipovalova L.V. O sub”ekte nauchnoy deyatel’nosti v tsifrovuyu epokhu [On the Subject of Scientific Activity in the Digital Age]. Argamakova A.A., Maslanov E.V., Slyusarev V.V., Khusyainov T.M. (eds.). *Sotsial’nye i tsifrovye issledovaniya nauki* [Social and Digital Studies of Science]. Moscow, 2020, pp. 23–37. Available at: [http://rshps.ru/books/social-and-digital-studies-of-science\(2020\).pdf](http://rshps.ru/books/social-and-digital-studies-of-science(2020).pdf) (accessed: 19 July 2024).

4. Nurmukhametov R.K., Torin S.S. Tsifrovoe doverie (digital trust): sushchnost’ i mery po ego povysheniyu [Digital Trust: The Essence and Measures to Increase It]. *Izvestiya Tul’skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2020, no. 1, pp. 32–39.

5. Platonova S.I. Epistemologicheskie transformatsii nauki v tsifrovuyu epokhu [Epistemological Transformations of Science in Digital Age]. *Manuskript*, 2021, vol. 14, no. 8, pp. 1628–1631. <https://doi.org/10.30853/mns210275>

6. Lektorskiy V.A. Vozmozhny li nauki o cheloveke? [Are Human Sciences Possible?]. *Voprosy filosofii*, 2015, no. 5, pp. 3–15.

7. Markuse H. *Odnomernyy chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial’nogo obshchestva* [One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. Available at: <http://socium.ge/downloads/komunikaciisteoria/markuze%20odnomerni%20chelovek.pdf> (accessed: 1 June 2024).

8. Matveev V.S., Matveeva I.S., Matveeva L.A., Khodarinova N.V., Shaposhnikov V.L. Sovremennye metody diagnostiki produktivnosti upravleniya issledovatel’skoy deyatel’nost’yu [Modern Methods of Diagnostics of Efficiency of Management of Research Activities]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*, 2019, no. 1, pp. 199–204.

9. Lakatos I. *Istoriya nauki i ee ratsional’nye rekonstruktsii* [History of Science and Its Rational Reconstructions]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000330/index.shtml> (accessed: 13 May 2024).

10. Lakatos I. *Metodologiya nauchnykh issledovatel’skikh programm* [The Methodology of Scientific Research

Programmes]. Available at: <https://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/philosophy/lacatos.htm> (accessed: 13 May 2024).

11. Goncharov V.N., Kolosova O.Yu. Sotsial'no-filosofskiy aspekt nauchno-informatsionnoy deyatel'nosti v sisteme obshchestvennogo razvitiya [Social and Philosophical Aspect of Scientific Information Activities in the System of Social Development]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2015, no. 9, pp. 26–29.

12. Akhunzhanova I.N., Lunev A.P., Tomashevskaya Yu.N., Koshkarov A.V., Gamidov S.S. Adhocracy as a Modern Form of Organization of Russian Universities Activities. *Manag. Sci. Russ.*, 2019, no. 9, pp. 85–97 (in Russ.). <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2019-9-4-85-97>

13. Toffler A. *Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century*. New York, 1990. 585 p. (Russ. ed.: Toffler E. *Metamorfozy vlasti*. Moscow, 2003. 669 p.).

Информация об авторе

О.В. Пашенко – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (адрес: 454080, г. Челябинск, просп. Ленина, д. 76).

Information about the author

Olga V. Pashchenko, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Philosophy, South Ural State University (National Research University) (address: prosp. Lenina 76, Chelyabinsk, 454080, Russia).

Поступила в редакцию 18.09.2024

Одобрена после рецензирования 20.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Submitted 18 September 2024

Approved after reviewing 20 February 2025

Accepted for publication 25 February 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 115–123.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 115–123.

Научная статья
УДК 008:13
DOI: 10.37482/2687-1505-V426

Практика культурной адаптации иностранных студентов на основе творческой деятельности

Светлана Валерьевна Попкова

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: s.popkova@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6576-1711>

Аннотация. В статье поставлена цель продемонстрировать роль творческой деятельности в процессе адаптации иностранных студентов к другой культуре. Анализ строится вокруг понятия продуктивной способности воображения И. Канта. Установлено, что творчество выступает фундаментальной основой коммуникации, а продуктивная способность воображения – неотъемлемой частью процесса коммуникации. Творчество понимается как коллективный процесс коммуникации, способствующий формированию общего для представителей разных культур опыта. Автор акцентирует внимание на значимости применения современных когнитивных теорий, включая концепцию ситуационного познания и когнитивную лингвистику, предоставляющие эффективные модели для объяснения процесса формирования межкультурного опыта в условиях творческой коммуникации. В качестве примера, в котором совместные творческие практики студентов из разных стран приводят к успешному межкультурному взаимодействию и адаптации к другой культуре, приведен опыт работы Кенозерского национального парка (Архангельская область) и этнографического парка «Этномир» (Калужская область). В заключение сделан вывод, что продуктивная способность воображения обуславливает создание общих смыслов, обеспечивающих диалог культур, и обозначены перспективы дальнейшей реализации заявленного взаимодействия. Теоретическая значимость статьи заключается в том, что показан эвристический потенциал кантовской теории творчества и воображения в исследовании практики культурной адаптации иностранных студентов. Практическая значимость состоит в том, что обозначены перспективы дальнейшей разработки проекта «Развитие новых практик сотрудничества по социокультурной адаптации мигрантов в Архангельской области», который был реализован в рамках конкурса грантов губернатора Архангельской области в 2023–2024 годах.

Ключевые слова: современные когнитивные теории, творческая деятельность, диалог культур, межкультурный опыт, адаптация иностранных студентов, продуктивное воображение, И. Кант

Для цитирования: Попкова, С. В. Практика культурной адаптации иностранных студентов на основе творческой деятельности / С. В. Попкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 115–123. – DOI 10.37482/2687-1505-V426.

Original article

The Practice of Cultural Adaptation of Foreign Students Based on Creative Activity

Svetlana. V. Popkova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: s.popkova@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6576-1711>

Abstract. The article aims to demonstrate the role of creative activity in the process of adaptation of foreign students to a different culture. The analysis is based on Immanuel Kant's concept of the productive power of imagination. It has been established that creativity serves as a basis for communication, while the productive power of imagination is an integral part of the communication process. Creativity is understood here as a collective process of communication contributing to the formation of shared experiences among representatives of different cultures. The author emphasizes the importance of using modern cognitive theories, including the concept of situated cognition and cognitive linguistics, which provide effective models for explaining the process of forming intercultural experience in the context of creative communication. As an example of how joint creative practices of students from different countries lead to successful intercultural interaction and adaptation, the article presents the experience of Kenozero National Park (Arkhangelsk Region) and Etnomir Ethnographic Park (Kaluga Region). A conclusion is made that the productive power of imagination generates shared narratives that facilitate intercultural dialogue. Additionally, the paper outlines prospects for further development of intercultural interaction. The theoretical significance of the research lies in demonstrating the heuristic potential of Kant's theory of creativity and imagination for studying the cultural adaptation of foreign students. When it comes to the practical importance, the study outlines prospects for further elaboration of the project "Development of New Cooperation Practices for the Sociocultural Adaptation of Migrants in the Arkhangelsk Region", which was implemented as part of the Arkhangelsk Region Governor's Grant Competition in 2023–2024.

Keywords: *modern cognitive theories, creative activity, dialogue of cultures, intercultural experience, adaptation of foreign students, productive imagination, I. Kant*

For citation: Popkova S.V. The Practice of Cultural Adaptation of Foreign Students Based on Creative Activity. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 115–123. DOI: 10.37482/2687-1505-V426

Введение

На государственном уровне привлечение иностранных студентов в регионы является важной задачей, способствует улучшению качества миграционного притока, повышению интереса к русскому языку и образованию в России¹. Этот процесс напрямую связан с необходимостью разработки и реализации региональных и вузовских стратегий адаптации иностранных студентов, которые способствовали бы их успешной интегра-

ции в принимающее сообщество и включали решение проблем языкового барьера, обеспечение комфортного проживания, культурную интеграцию и адаптацию к условиям новой среды. Цель настоящего исследования – продемонстрировать возможности творческой деятельности как условия адаптационного процесса.

Творчество традиционно понимается как «деятельность, порождающая нечто качественно новое и отличающаяся неповтори-

¹Стратегический проект «Россия – привлекательная для учебы и работы страна». URL: <http://static.government.ru/media/files/SV35n26lWRbVXNQfIHpf59wn3BgYyA8a.pdf> (дата обращения: 08.07.2024).

мостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью»², как конструктивная деятельность по созданию нового. Творчество специфично для человека, т. к. всегда предполагает творца – субъекта творческой деятельности³. В философии творчество рассматривается как особая форма деятельности, связанная с выражением и реализацией человеческой свободы и способности к преобразованию окружающего мира. Творческий процесс включает в себя не только создание нового, но и изменение существующего, а также самоосмысление и самоутверждение человека [1, с. 224].

Современная, посткантовская философия наследует из учения И. Канта тезисы об априорном характере творческих способностей личности и творческом характере познания. Центральным понятием в философии Канта стало «продуктивное, чистое, или трансцендентальное, воображение» [2, с. 204] – важная предпосылка самой возможности познания, языковой репрезентации знания и вербальной коммуникации.

Новизна настоящей статьи заключается в выборе подхода, который актуализирует кантовское понимание феномена творчества и позволяет, опираясь на эту теоретическую базу, применить его на практике для создания новых методов работы с иностранными студентами (академически мигрантами). Результаты исследования стали частью концепции проекта «Развитие новых практик сотрудничества по социокультурной адаптации мигрантов в Архангельской области», реализованного при кураторстве автора в рамках конкурса грантов губернатора Архангельской области в 2023–2024 годах. Исследование проведено на основе анализа литературы отечественных и зарубежных ученых, а также личного опыта автора в области академической миграции.

Эвристический потенциал кантовской теории творчества и воображения

Идеи немецкого философа И. Канта о творчестве и его роли в процессе познания актуальны и востребованы в современном мире: «Разработка Кантом трансцендентальной философии, понятия трансцендентального субъекта и рассмотрение априорных форм созерцания позволяет назвать творческую способность человека априорной в силу того, что гений есть врожденная способность души, а воображение способно создавать представления о действительности до интеллектуального усвоения опыта. В этом смысле такой уровень мировоззрения индивида, как мироощущение, играет одну из ключевых функций в творческом процессе» [3, с. 1238].

Творчество занимает особое место в философии И. Канта: философ уделяет внимание его механизму и его роли в получении, осмыслении и репрезентации знания. Воображение – это ключевая составляющая внутренних познавательных способностей человека. «Воображение, – пишет Кант, – есть способность наглядно представлять предмет также и без его присутствия в созерцании», а схватывание форм в воображении «никогда не может происходить без того, чтобы рефлектирующая способность суждения не сравнивала их, даже непреднамеренно, со своей способностью соотносить созерцания с понятиями...» (цит. по: [4, с. 28]). Творческий процесс мыслитель выделяет как один из важнейших элементов структуры сознания и субъективного проявления воображения, а творчество считает неотъемлемой частью процесса познания.

Таким образом, творческая деятельность – это проявление продуктивной способности воображения. Магистральный путь к истинному знанию в мире явлений заключается в синтезе чувственного восприятия и рационального мышления. Этот процесс основывается на

²Новейший философский словарь. URL: <https://gufo.me/dict/philosophy> (дата обращения: 08.07.2024).

³Большой энциклопедический словарь / сост. А.М. Прохоров. М.: Норинт, 2004. С. 1344.

творческом воображении, которое преобразует чувственные впечатления в понятия. «Поскольку в творческом воображении присутствует момент произвольности, спонтанности, то оно есть коррелят изобретательства. В нем присутствует момент необходимости (созерцания), оно оказывается опосредованно связанным с идеями разума и, следовательно, нравственным миропорядком, а через него – с нравственным миром, категорическим императивом», – считает И. Кант [2, с. 124].

Продуктивная способность воображения как трансцендентальная способность участвует в диалоге культур, поскольку позволяет человеку выходить за пределы личного опыта и создавать новые смыслы, не ограниченные конкретными культурными рамками. В философском контексте трансцендентальное воображение является, согласно И. Канту, связующим звеном между чувственным восприятием и рациональным мышлением, формируя образы, которые помогают осмысливать реальность. В межкультурной коммуникации эта способность дает возможность людям находить общие смысловые поля, интерпретировать чужие культурные коды и адаптировать их к собственному опыту, создавая новые интересующие значения, понятные представителям разных традиций. Таким образом, воображение становится инструментом преодоления когнитивных и языковых барьеров, содействуя более глубокому взаимопониманию.

По Канту, творческие способности человека априорны. В настоящее время в философской антропологии общепризнано, что креативность – универсальная черта всех людей [5]. Нравственная основа творческого познания мира является основой культуры, позволяя всем находить общий язык и понимать друг друга. Культура, по мнению Канта, есть последняя цель природы в отношении человека, то, что природа может осуществить для подготовки человека к принятию свободы. В результате возникает формула: познание = творчество = культура = нравственность = свобода.

Творчество как основа процессов коммуникации и инкультурации

Основываясь на кантовской концепции творчества, современные исследователи рассматривают феномен творчества как фундаментальную основу коммуникации, «позволяющую активизировать поиск новых способов мышления и действий, что напрямую связано с развитием творческого потенциала личности» [1, с. 220]. Гибкость и пластичность коммуникационных процессов соответствуют современной философской концепции ситуационного познания, которая предполагает, что процесс познания не происходит изолированно, а всегда включен в конкретный контекст взаимодействия (situated cognition) [6, с. 87].

Особенности концепции предусматривают:

- контекстуальную обусловленность познания (знания формируются и приобретают смысл в зависимости от конкретной ситуации, в которой используются);

- познание как социальный, а не индивидуальный процесс (участники коммуникации совместно создают новые смыслы);

- динамичность и адаптивность познания (знания изменяются и корректируются с учетом новых ситуаций и культурных контекстов).

Продуктивное воображение как форма творческой деятельности является неотъемлемой частью процесса коммуникации. Оно позволяет не только генерировать новые идеи, но и эффективно передавать их другим. При этом воображение становится связующим звеном, способствующим формированию общих смыслов и значений – основы коммуникативно-творческих практик. Акцент на использовании творческого потенциала личности в процессе коммуникации стимулирует априорные креативные способности людей, участвующих в коммуникационном процессе.

Планирование творческих практик для инкультурации и адаптации иностранной молодежи должно учитывать фундаментальную роль коммуникации в передаче и создании смыслов и этносоциальном взаимодействии. Одним из важных аспектов успешной социальной интеграции являются позитивные межгрупповые

отношения между мигрантами и принимающим сообществом [7]. Совместное создание и интерпретация смыслов в процессе коммуникации помогает формировать и творчески адаптировать уже имеющиеся индивидуальные представления в соответствии с иным социокультурным контекстом.

Одним из ключевых направлений выступает применение современных когнитивных теорий, включая концепцию ситуационного познания и когнитивную лингвистику, которые предоставляют эффективные модели для объяснения процесса формирования межкультурного опыта в условиях творческой коммуникации. Они помогают понять, как человек осмысливает новые культурные контексты, адаптируется к ним и создает новые смыслы посредством взаимодействия. В частности, когнитивная лингвистика исследует, каким образом язык отражает и формирует мышление человека, объясняет, как через язык передаются культурные смыслы и как человек усваивает их в процессе межкультурного общения [8, с. 123].

Одно из основных препятствий для социальной интеграции заключается в том, что люди предпочитают общаться с членами своей группы [9]. Постоянное, ежедневное общение с представителями других групп (например, в учебном классе) способствует повышению гибкости коммуникации и активизации поиска новых способов мышления через выстраивание аналогий, ассоциаций между собственными представлениями и поведением и представлениями и поведением сверстников из других этнических или культурных групп.

Соблюдение этих принципов при организации коммуникативно-творческих практик в работе с академическими мигрантами, где креативность играет ключевую роль, имеет основополагающее значение.

Активная поддержка и создание возможностей для взаимодействия, в частности через совместные проекты, важны для развития позитивных межгрупповых отношений. Однако в ряде случаев исследователи отмечают проблемы формирования эффективной и сплоченной

многонациональной команды из-за различий в языке, культуре и взглядах. Необходимо преодолеть эти различия и найти общий фундамент, чтобы достигнуть гармонии [10].

Задача состоит в том, чтобы трансформировать, казалось бы, противоречивые убеждения и практики путем творческого по своей природе поиска основы, которая бы их объединяла. Здесь активно работает кантовское продуктивное воображение. Осознание межкультурной и межличностной связи способно обеспечить основу для преодоления отрицательных эмоциональных реакций на различия между членами группы. В конечном счете, в этом кроется ключ к успешному кросс-культурному сотрудничеству, благодаря которому и происходит сплочение многонациональных групп [11]. Творческие практики могут служить важнейшим инструментом для достижения названной цели.

Стоит отметить, что творчество может быть не только актом индивидуального выражения, но и коллективным процессом коммуникации. Коллективное творчество включает в себя сотрудничество и взаимодействие между людьми для создания общих идей и проектов. В таких случаях творчество становится средством объединения и укрепления связей между людьми. Языковая деятельность представляет собой важнейший ресурс для формирования и передачи смыслов и осуществления адаптационных практик.

Адаптация иностранных студентов к национальным культурам России в ходе творческой деятельности

Примером реализации продуктивного воображения в диалоге культур могут быть творческие практики. Когнитивные механизмы, работающие в данных процессах, включают метафорическое мышление (переосмысление природных и культурных образов через искусство), синестетическое восприятие (использование многосенсорного опыта для интерпретации новой информации) и концептуальное смешивание (создание новых смыслов путем объединения элементов различных культурных традиций). Эти механизмы позволяют участникам находить точки соприкосновения,

формируя новые формы выражения, которые не требуют буквального перевода и помогают интуитивно осознавать ценности и мировоззрения других народов.

Вышеназванные принципы стали частью концепции проекта «Развитие новых практик сотрудничества по социокультурной адаптации мигрантов в Архангельской области», который был разработан и реализован командой специалистов Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (САФУ), Кенозерского национального парка и архангельской некоммерческой организации «Рассвет» в 2023–2024 годах для решения практических задач.

Идея проекта – изучение федеральных практик по социокультурной адаптации иностранной молодежи и внедрение (пилотирование) новых адаптационных площадок в Архангельской области. В частности, в качестве главного партнера проекта выступил самый большой этнографический парк России «Этномир», который находится в Калужской области и который в недавнем прошлом запустил специальные адаптационные выездные программы для иностранных студентов. На региональном уровне партнером проекта стал Кенозерский национальный парк.

Парк «Этномир», обширная территория которого насчитывает 140 га, знакомит своих гостей с многообразием культур народов России и всего мира через следующие направления: архитектура (различные этнические жилища в торгово-выставочном комплексе «Улица Мира», включающем 54 дома-павильона разных стран мира, и в 9 этнодворах), этноотели, национальная кухня, музеи и мастерские, традиции и быт разных стран [12].

Концепция парка охватывает множество аспектов, которые объединяют основные формы его деятельности, такие как просвещение, познание, общение, игра и творчество: «Особенностью данного парка-музея является его интерактивность, то есть возможность непосредственного (“здесь и сейчас”), активного участия юных и взрослых посетителей в коммуникации, обогащении и пополнении личного творческого опыта при освоении насыщенной

экспонатами культурно-образовательной среды парка-музея» [13, с. 196].

Благодаря ресурсам проекта участники из Архангельской области получили уникальную возможность изучить опыт парка в рамках выездной стажировки «Этномир–Архангельск: обмен знаниями и практиками в области социокультурной адаптации». В мероприятии приняли участие 11 специалистов, занимающихся вопросами адаптации и интеграции мигрантов, а также предотвращением межнациональных конфликтов.

Дальнейшие мероприятия проекта включали разработку образовательного модуля на региональном уровне. Его апробация прошла зимой и весной 2024 года в формате стажировок с участием студентов – членов Клуба иностранной дружбы САФУ на базе Кенозерского национального парка. Было уделено особое внимание языковой деятельности как важнейшему ресурсу для передачи смыслов и осуществления адаптационных практик. Группы участников стажировок были сформированы в зависимости от уровня владения русским языком.

В программу стажировки входили лекции, экскурсии, посещение музеев и объектов культурного наследия, мастер-классы по традиционным ремеслам – все то, что полностью позволило погрузить иностранную молодежь в богатый, увлекательный мир культуры и природы Кенозерья. В финале стажировки студенты создали собственный продукт – видеоролик о том, каким они увидели наследие Кенозерского национального парка.

«В музее эпического наследия “В начале было слово” мы узнали много интересных фактов о фольклорном наследии Русского Севера, услышали записи былин, которые передавались из поколения в поколение, там же мы познакомимся с календарной обрядностью, даже увидели небольшой отрывок того, как проходило сватовство и свадебный пир. Как иностранные студенты, мы сравнили наши культуры (Россия, Узбекистан, Туркменистан, Китай) и поняли, что есть и сходства, и различия. Пришло осознание того, что в настоящее время множество людей

не знают, как жили их предки. И я думаю, всем стоит углубиться в свою историю, чтобы суметь передать это знание следующим поколениям и не оставлять забытым свое величественное прошлое»⁴, – описывает опыт участия в стажировке иностранная студентка САФУ Дарья Паршина (Республика Узбекистан).

Предлагаемые практики кросс-культурного взаимодействия вызывают большой интерес со стороны специалистов: «Ценность такого формата обучения очень высока: в усвоении новой информации активно участвуют эмоции, переполняющие наших гостей. Буквально каждый пункт обучающей программы помогает на своем личном опыте почувствовать связь с традиционной культурой. Слушая выступления фольклорного коллектива, создавая свой собственный сувенир или пробуя пироги, испеченные по традиционному рецепту, участники стажировки по-новому воспринимают ранее прочитанный материал о русском языке, истории, архитектуре и культуре. Наши обучающие программы также могут помочь в освоении русского языка иностранным студентам, для которых такое знакомство с Русским Севером представляет особый интерес»⁵.

Взаимодействие с культурным наследием через творческие практики играет важную роль в понимании и уважении различных культур. Творческие практики погружения, такие как создание сувениров, знакомство с фольклором или приготовление традиционных блюд, помогают не просто узнать о культуре, но и стать ее частью, проживая собственный опыт, обеспечивают синтез эмоционально-чувственного восприятия и рациональной интерпретации.

По результатам оценки потенциала нового образовательного модуля можно выделить особенности Кенозерского национального парка как «точки роста» адаптационной программы: это место, где человек живет в гармонии с

окружающим миром; бережно сохраняются традиции; природа и культура составляют единое целое; находятся объекты культурного наследия и музей эпического наследия «В начале было Слово»; используются новые технологии.

Продуктивное воображение в контексте описанной деятельности проявляется в создании новых смыслов, осмыслении культурных «кодов» принимающего сообщества, кросс-культурном обмене, эмоциональной вовлеченности и получении нового опыта. Воображение выступает как движущая сила, соединяющая традиции и современность, и, следовательно, способствует культурному диалогу и взаимопониманию.

Выводы

1. Исследование выявило значимость творческой деятельности как элемента адаптационного процесса иностранных студентов. Теоретическая ценность работы заключается в применении кантовской теории творчества и воображения для анализа практики культурной адаптации. В ходе исследования было показано, что продуктивная деятельность воображения как трансцендентальная способность помогает формированию общих смыслов, которые играют ключевую роль в процессе интеграции и культурного обмена, является универсальной, всеобщей, не связанной с социокультурными и личностными особенностями субъекта.

2. Концепция творчества И. Канта уже на протяжении не одного столетия не теряет своей значимости. Однако для того, чтобы разработки получили более современное звучание, целесообразно привлечь более поздние теории в области когнитивных наук.

3. Формирование межкультурного опыта в процессе творческой коммуникации требует учета ситуационного познания, механизмов когнитивной лингвистики и стратегий преодоления культурных барьеров. Эффективное взаимодействие между культурами возможно благодаря когнитивной гибкости, открытому диалогу

⁴Кенозерье открывает мир культуры Русского Севера для студентов со всех уголков планеты. URL: https://vk.com/kenozerolife?w=wall-13358764_12543 (дата обращения: 08.07.2024).

⁵Там же.

и осознанию нравственной ответственности за создаваемые смыслы. В творческих практиках, таких как литература, искусство и мультимедиа, эти процессы проявляются наиболее ярко, позволяя создавать пространство для межкультурного понимания и сотрудничества.

4. В качестве развития проектной деятельности на территории Архангельской области планируется:

- продолжать расширение партнерства и сетевых инициатив с участием профильных органов власти, институтов гражданского общества, образовательных организаций и культурно-просветительских учреждений региона в новых проектных тематиках и форматах;

- инициировать и поощрять программы адаптационных и просветительских стажировок с участием учреждений культуры и туристических организаций региона. Возможные форматы: выездные образовательные программы, направленные на познание, с погружением в культуру Русского Севера через архитектуру,

традиции и обычаи, ремесла, кухню и музыку, презентации и мастер-классы. В качестве примера краткосрочных адаптационных программ по знакомству и изучению культурного и природного наследия Русского Севера следует использовать опыт организации трехдневных стажировок для иностранной молодежи в Кенозерский национальный парк и опыт работы этнографического парка «Этномир». Возможно проведение на базе этнографических парков слетов иностранных студентов;

- содействовать внедрению участниками их собственных культурных концепций в контексте теории адаптации;

- поддерживать внедрение привлекательных для молодежи разнообразных мобильных и креативных форм организации социокультурной и информационно-просветительской деятельности, активно вовлекать широкое иностранное студенчество региона в культурные, познавательные, спортивные и другие адаптационные мероприятия региона.

Список литературы

1. Попкова С.В. Творчество как фундаментальная основа коммуникации и кросс-культурного взаимодействия // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 4. С. 218–224. <https://doi.org/10.17805/zpu.2023.4.19>
2. Кант И. Критика чистого разума. СПб.: Тайм-Аут, 1993. 478 с.
3. Лукманова Р.Х., Столетов А.И. О трансформации понимания творчества в философии // Вестн. Башкир. ун-та. 2013. Т. 18, № 4. С. 1237–1243. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-transformatsii-ponimaniya-tvorchestva-v-filosofii> (дата обращения: 21.02.2025).
4. Андреева И.С. Философские проблемы творчества: Кант и Шопенгауэр // Человек: образ и сущность. Гуманит. аспекты. 2001. № 1(12). С. 21–47.
5. Kamylyis P.G., Valtanen J. Redefining Creativity – Analyzing Definitions, Collocation and Consequences // J. Creat. Behav. 2010. Vol. 44, № 3. P. 191–214. <https://doi.org/10.1002/j.2162-6057.2010.tb01333.x>
6. Князева Е.Н. Конструирование в коммуникативных системах // Философия науки и техники. 2012. Т. 17, № 1. С. 84–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovaniye-v-kommunikativnyh-sistemah> (дата обращения: 21.02.2025).
7. Berry J.W. A Psychology of Immigration // J. Soc. Iss. 2003. Vol. 57, № 3. P. 615–631. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00231>
8. Пищальникова В.А. Когнитивная лингвистика и межкультурная коммуникация // Реальность, язык и сознание = Reality, Language and Mind: междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. С. 122–140.
9. McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M. Birds of a Feather: Homophily in Social Networks // Annu. Rev. Sociol. 2001. Vol. 27. P. 415–444. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>
10. Berger R., Brenick A., Lawrence S.E., Coco L., Abu-Raiya H. Comparing the Effectiveness and Durability of Contact- and Skills-Based Prejudice Reduction Approaches // J. Appl. Dev. Psychol. 2018. Vol. 59. P. 46–53. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2018.04.002>
11. Smith K., Berg D. Cross-Cultural Groups at Work // Eur. Manag. J. 1997. Vol. 15, № 1. P. 8–15. [https://doi.org/10.1016/S0263-2373\(96\)00069-2](https://doi.org/10.1016/S0263-2373(96)00069-2)

12. Михеев Н.Н. Концепция диалога культур в межкультурной коммуникации (на примере этнографического парка-музея «Этномир») // Научно-практическая реализация творческого потенциала молодежи: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых / науч. ред. Е.В. Савелова, сост. Е.Н. Лунегова. Хабаровск: ХГИК, 2020. С. 226–235.

13. Алексеева Л.Л. Этнопедагогические аспекты культурно-образовательной деятельности современных музеев // Казан. пед. журн. 2022. № 3(152). С. 192–201.

References

1. Popkova S.V. Tvorchestvo kak fundamental'naya osnova kommunikatsii i kross-kul'turnogo vzaimodeystviya [Creativity as a Fundamental Basis for Communication and Cross-Cultural Interaction]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2023, no. 4, pp. 218–224. <https://doi.org/10.17805/zpu.2023.4.19>
2. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. St. Petersburg, 1993. 478 p.
3. Lukmanova R.Kh., Stoletov A.I. O transformatsii ponimaniya tvorchestva v filosofii [On Transformation of Understanding of Creativity in Philosophy]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2013, vol. 18, no. 4, pp. 1237–1243. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-transformatsii-ponimaniya-tvorchestva-v-filosofii> (accessed: 21 February 2025).
4. Andreeva I.S. Filosofskie problemy tvorchestva: Kant i Shopengauer [Philosophical Problems of Creativity: Kant and Schopenhauer]. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*, 2001, no. 1, pp. 21–47.
5. Kampylis P.G., Valtanen J. Redefining Creativity – Analyzing Definitions, Collocations, and Consequences. *J. Creat. Behav.*, 2010, vol. 44, no. 3, pp. 191–214. <https://doi.org/10.1002/j.2162-6057.2010.tb01333.x>
6. Knyazeva E.N. Konstruirovaniye v kommunikativnykh sistemakh [Construction in Communicative Systems]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2012, vol. 17, no. 1, pp. 84–97. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovaniye-v-kommunikativnykh-sistemakh> (accessed: 21 February 2025).
7. Berry J.W. A Psychology of Immigration. *J. Soc. Iss.*, 2003, vol. 57, no. 3, pp. 615–631. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00231>
8. Pishchal'nikova V.A. Kognitivnaya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Cognitive Linguistics and Intercultural Communication]. *Reality, Language and Mind*. Tambov, 2002, pp. 122–140.
9. McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M. Birds of a Feather: Homophily in Social Networks. *Annu. Rev. Sociol.*, 2001, vol. 27, pp. 415–444. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>
10. Berger R., Brenick A., Lawrence S.E., Coco L., Abu-Raiya H. Comparing the Effectiveness and Durability of Contact- and Skills-Based Prejudice Reduction Approaches. *J. Appl. Dev. Psychol.*, 2018, vol. 59, pp. 46–53. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2018.04.002>
11. Smith K., Berg D. Cross-Cultural Groups at Work. *Eur. Manag. J.*, 1997, vol. 15, no. 1, pp. 8–15. [https://doi.org/10.1016/S0263-2373\(96\)00069-2](https://doi.org/10.1016/S0263-2373(96)00069-2)
12. Mikhееv N.N. Kontseptsiya dialoga kul'tur v mezhkul'turnoy kommunikatsii (na primere etnograficheskogo parka-muzeya "Etnomir") [The Concept of Dialogue of Cultures in Intercultural Communication (Exemplified by the Ethnographic Museum Park "Etnomir")]. Savelova E.V. (ed.). *Nauchno-prakticheskaya realizatsiya tvorcheskogo potentsiala molodezhi* [Scientific and Practical Realization of the Creative Potential of Young People]. Khabarovsk, 2020, pp. 226–235.
13. Alekseeva L.L. Etnopedagogicheskie aspekty kul'turno-obrazovatel'noy deyatel'nosti sovremennykh muzeev [Ethno-Pedagogical Aspects of Cultural and Educational Activities of Modern Museums]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*, 2022, no. 3, pp. 192–201.

Информация об авторе

С.В. Попкова – аспирант кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 1).

Information about the author

Svetlana V. Popkova, Postgraduate Student, Department of Cultural and Religious Studies, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: ul. Smol'nyy Buyan 1, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 11.11.2024

Одобрена после рецензирования 21.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Submitted 11 November 2024

Approved after reviewing 21 February 2025

Accepted for publication 25 February 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 124–128.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 124–128.

Рецензия на книгу
УДК 81'373
DOI: 10.37482/2687-1505-V427

Современные исследования в фокусе сопоставительной фразеологии

Рецензия на книгу: Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте: моногр.: в 2 т. / под ред. Т.Н. Федуленковой. 2-е изд., испр. М.: Изд. дом Акад. естествознания, 2024. Т. 2. 140 с.

Анна Дмитриевна Бакина¹✉

Татьяна Ивановна Койкова²

¹Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия,
e-mail: heart-anna@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-1828>

²Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия,
e-mail: koykovati@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1328-9707>

Аннотация. В рецензируемой монографии подробно освещаются результаты новейших исследований в области сопоставительной фразеологии, проведенных на репрезентативном фразеологическом материале ряда языков: русского, грузинского, белорусского, украинского, английского, немецкого, шведского, чешского, татарского. В частности, выявлены типологически релевантные характеристики описания фразеологических единиц на примере германских языков; представлен сопоставительный анализ фразеологических единиц библейской этимологии в русском и грузинском языках; определена национально-культурная специфика фразеологизмов, описывающих свадебные традиции в нескольких языках; рассмотрена категория оценки в русских и английских пословицах с компаративной семантикой. Фразеологические исследования в сопоставительном аспекте являются значимыми в теоретическом и практическом плане, адресованы специалистам в области фразеологии, фразеографии, сопоставительного языкознания и перевода.

Ключевые слова: сопоставительная фразеология, фразеологическая единица, компаративные фразеологизмы, национально-культурная специфика фразеологизмов

Для цитирования: Бакина, А. Д. Современные исследования в фокусе сопоставительной фразеологии / А. Д. Бакина, Т. И. Койкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 124–128. – DOI 10.37482/2687-1505-V427.

Book review

Recent Studies in the Focus of Comparative Phraseology

Review of the book: Fedulenkova T.N. (ed.). *Phraseological Space of National Vocabulary in a Comparative Aspect*. Moscow, 2024. Vol. 2. 140 p. (in Russ.).

Anna D. Bakina¹ ✉

Tatiana I. Koykova²

¹Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia,

e-mail: heart-anna@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-1828>

²Vladimir State University, Vladimir, Russia,

e-mail: koykovati@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1328-9707>

Abstract. The reviewed monograph details the results of the latest research in the field of comparative phraseology conducted on the representative phraseological material of a number of languages: Russian, Georgian, Belarusian, Ukrainian, English, German, Swedish, Czech and Tatar. In particular, the typologically relevant characteristics of the description of phraseological units in Germanic languages are identified; a comparative analysis of phraseological units of biblical origin in Russian and Georgian is provided; the national and cultural specificity of phraseological units portraying wedding traditions in several languages is determined; the category of evaluation in Russian and English proverbs with comparative semantics is considered. The presented phraseological studies in a comparative aspect are significant in theoretical and practical terms and will be of interest to specialists in the fields of phraseology, phraseography, comparative linguistics and translation.

Keywords: *comparative phraseology, phraseological unit, comparative phraseological units, national and cultural specificity of phraseological units*

For citation: Bakina A.D., Koykova T.I. Recent Studies in the Focus of Comparative Phraseology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 124–128. DOI: 10.37482/2687-1505-V427

Рецензируемое монографическое издание представляет собой уникальное собрание новейших научных исследований коллектива авторов – видных ученых в области фразеологии, а именно фразеологической компаративистики. В монографии дается объективная оценка современного состояния науки о воспроизводимых устойчивых переосмысленных сочетаниях слов в сравнительном аспекте с позиции когнитивно-дискурсивной и коммуникативно-прагматической парадигм научного лингвистического знания.

Научная новизна каждого из предлагаемых читателю исследований несомненна. Они вы-

полнены на стыке фразеологии и типологии в русле полипарадигмального подхода, базируются на прочном методологическом фундаменте и являются перспективными с точки зрения анализа смыслового содержания фразеологизмов и сопоставления семантики фразеологизмов разных языков, выявления общности их структурно-семантической моделированности в сопоставляемых языках, изучения коммуникативной направленности и прагматического потенциала фразеологии, описания универсальных и специфических явлений и процессов во фразеологии каждого из сопоставляемых

языков, определения вариантности фразеологических единиц и закономерностей их функционирования в различных языках. Объектом исследований выступает весь спектр структурных и семантических характеристик фразеологических единиц, предметом – целые классы или подсистемы устойчивых единиц, объединенных каким-либо общим признаком.

Монография открывается главой «Типологически релевантные параметры описания фразеологических единиц» (автор – доктор филологических наук, профессор Т.Н. Федуленкова), в которой приводится ряд аргументов в пользу актуальности типологических исследований фразеологической подсистемы в характеризуемых языках и подчеркивается насущная необходимость сопоставительно-типологического изучения фразеологических единиц. При этом фразеологизм предстает как элемент фразеологической системы, что является важным условием для типологических исследований фразеологии. В главе делается акцент на специфике использования методов сопоставительно-типологического анализа, что обуславливается структурно-семантическими и функционально-прагматическими особенностями фразеологических единиц. По мнению Т.Н. Федуленковой, выделение типологически релевантных параметров фразеологизмов поможет в дальнейшем установить их структурно-семантическую специфику, определяющую сходства и различия фразеологических единиц в рассматриваемых языках, и разработать типологическую модель языка на основании результатов сопоставительного анализа фразеологии германских языков. Исследование глобально в силу применения автором как классических (постоянно развиваемых) фразеологических теорий и методов, так и новейших методологических концепций, и открывает ряд перспектив для дальнейшего изучения фразеологических систем различных языков в аспекте их сопоставления и типологизации.

Во второй главе – «Библейские фразеологизмы в русском и грузинском языках (сопоставительная характеристика)» (авторы – доктор

филологических наук, профессор З.К. Адамия и доктор филологических наук, профессор М. Чабашвили) – раскрывается проблема сопоставления особого фразеологического пласта лексики, который оказал колоссальное влияние на язык и культуру множества национальных языков Европы, – фразеологических единиц библейского происхождения. Результаты компаративного исследования показывают, что в большинстве случаев фразеологические библеизмы в русском и грузинском языках совпадают по своему структурному наполнению и смысловому содержанию, что, по мнению авторов, можно объяснить экстралингвистическими факторами, а именно религиозными традициями и обычаями православной веры, которой придерживаются представители русского и грузинского лингвокультурных сообществ.

В третьей главе (автор – кандидат филологических наук Е.П. Маюк) осуществляется сравнительно-сопоставительный анализ пословиц, содержащих количественный компонент, в белорусском и английском языках с предварительным изучением прагматической категории оценки количества путем неточного сравнения. Автор рассматривает компонентный состав пословиц на предмет функционально-семантических особенностей. Главным образом анализу подвергаются лексические компоненты, выражающие неопределенное количество (неопределенно большое и неопределенно малое) в двух неблизкородственных языках с целью выделения общих и индивидуальных черт восприятия количества.

В четвертой главе – «Национально-культурное своеобразие фразеологизмов, характеризующих свадебные традиции, в английском, русском и татарском языках» (автор – кандидат филологических наук Д.А. Гильфанова) – отмечается актуальность исследований, направленных на раскрытие сущности взаимодействия языка и культуры, анализируются образное восприятие и функционирование ритуальных фразеологических единиц в вышеназванных языках. Анализ репрезентативного корпуса материала убеждает, что целый ряд фразеоло-

гизмов, отражающих свадебные традиции народов – носителей английского, русского и татарского языков, является национально-маркированным, поскольку эти устойчивые единицы всегда связаны с обычаями и традициями определенного этноса.

В пятой главе – «Общее и специфическое в компаративной фразеологии русского и английского языков» (автор – кандидат филологических наук, доцент Т.И. Койкова) – представлены результаты сопоставительно-типологического анализа фразеологических компаративов в двух языках. Компаративные фразеологизмы выступают здесь в качестве особого типа фразеологических единиц, характеризующихся развернутой системой средств выражения сравнения в экспрессивно-образной форме. Данный тип фразеологизмов частотен в различных видах дискурса. Как утверждает автор, сопоставительным фразеологическим исследованиям с учетом такой характеристики фразеологизмов, как системность, принадлежит особая роль, поскольку они способствуют разработке общей теории фразеологии.

Целью шестой главы – «Оценочная семантика русских и английских пословиц, построенных на основании компаративных моделей» (автор – доктор филологических наук, доцент А.И. Лызлов) – является сопоставительный анализ английских и русских пословиц, содержащих в своей семантике оценочный компонент, в русле антропоцентрического, когнитивного и функционального подходов. Автор выделяет два типа оценочной шкалы (прямую и обратную ей – реверсивную), способствующие сопоставлению предметов и явлений в соответствии со степенью предпочтительности и на основании уникальных параметров, избираемых для конкретной ситуации общения. В целом отмечается, что две языковые системы, репрезентирующие пословицы-компаративы, в значительной степени изоморфны.

В седьмой главе – «Прогностическая сущность народных примет в русском и немецком языках» (автор – доктор филологических наук, профессор М.А. Кулькова) – внимание

сосредоточено на сравнительном анализе народных примет и выполняемых ими функций на примере двух языков. По утверждению М.А. Кульковой, большинство примет – это древние народные изречения, порожденные ассоциативными представлениями архаичного человека, что объясняет самобытный характер народных примет и их прогностическую сущность. В то же время народные приметы – популярный, развивающийся фольклорный жанр. Автор подчеркивает частотность употребления народных выражений в двух исследуемых языках – они являют собой истолкования некоторых ситуаций, которые применяются представителями определенной лингвокультуры для определения и выбора поведенческих стратегий.

В восьмой главе – «Типологизация лексических и фразеологических подсистем языка» (автор – доктор филологических наук, профессор С.И. Терехова) – предлагается сопоставительно-типологическое исследование фразеологизмов украинского, русского и английского языков с позиции полипарадигмального подхода. Применяемый подход позволяет дополнительно использовать концептуальный анализ и ассоциативный эксперимент, что способствует определению того, как носители названных языков концептуализируют мир в типичных и специфических категориях сопоставляемых языков.

В девятой главе – «Человек средствами косвенной номинации: универсалии и уникалии в славянских языках» (автор – доктор филологических наук, профессор Е.М. Маркова) – выявляются общие и специфические черты антропного культурного кода во фразеологической картине мира на материале русского и чешского языков. В результате сопоставительного анализа автор приходит к выводу, что компаративные исследования лексики и фразеологии в рамках антропоцентрической парадигмы и с позиции лингвокультурологического подхода позволяют определить оптимальные принципы отбора и классификации фразеологического материала для его успешного изучения носителями других славянских языков.

В заключение необходимо подчеркнуть, что сопоставительные фразеологические исследования на материале близкородственных и неблизкородственных языков, вошедшие в рецензируемую монографию, представляют особый научный интерес, поскольку не только выявляют присущие фразеологии закономерности, но и отражают специфику системной организации национального языка.

Приведенные в книге материалы актуальны, обладают научной новизной и ценны в теоретическом отношении, поскольку изучение межъязыковых сходств и различий фразеологизмов дает возможность углубить понимание различных аспектов, таких как образование новых фразеологических вариантов (узуаль-

ных и окказиональных) в различных языках, выявление и разработка способов и стратегий перевода безэквивалентной фразеологической лексики и др.

Исследования в области компаративной фразеологии активно развиваются и являются значимыми с точки зрения практической ценности. Результаты сопоставления фразеологических систем и подсистем различных языков, отраженные в монографии, найдут применение в преподавании ряда дисциплин: практический курс письменного перевода, теория и практика перевода, основы теории иностранного языка, стилистика, введение в теорию межкультурной коммуникации и др., а также при составлении двуязычных и многоязычных фразеологических словарей.

Информация об авторах

А.Д. Бакина – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (адрес: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95).

Т.И. Койкова – доцент кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87).

Information about the authors

Anna D. Bakina, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Head of the English Philology Department, Orel State University named after I.S. Turgenev (address: ul. Komsomol'skaya 95, Orel, 302026, Russia).

Tatiana I. Koykova, Assoc. Prof. at the Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University (address: ul. Gor'kogo 87, Vladimir; 600000, Russia).

Поступила в редакцию 20.01.2025

Одобрена после рецензирования 22.01.2025

Принята к публикации 24.01.2025

Submitted 20 January 2025

Approved after reviewing 22 January 2025

Accepted for publication 24 January 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 129–132.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 129–132.

Рецензия на книгу
УДК 81'42:77
DOI: 10.37482/2687-1505-V428

Инновации в изучении лингвокреативности кинодискурса

Рецензия на монографию: Демьянков В.З., Захаркив Е.В., Киосе М.И., Кулиджанян С.С., Соколова О.В., Степанова А.А., Фещенко В.В., Шмелева Е.С., Зыкова И.В. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллектив. моногр. / отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. 564 с. ISBN 978-5-93439-625-2

Татьяна Николаевна Федулénkova

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия,
e-mail: fedulenkova@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

Аннотация. В рецензии дается высокая оценка полной новаторских идей монографии, авторы которой делятся опытом изучения лингвокреативности в кинодискурсе. С целью проведения такого исследования известный лингвист И.В. Зыкова разработала инновационный метод дискурсивно-параметрического анализа. Создание названного апробированного метода сопровождалось появлением специального понятийно-терминологического инструментария. Результаты проведенного исследования раскрывают многоступенчатость процесса креативного моделирования вербальной системы кинодискурса, перспективность применения которого в лингвистических штудиях не подлежит сомнению.

Ключевые слова: лингвистическая креативность, креативное моделирование, кинодискурс, дискурсивно-параметрический анализ

Для цитирования: Федулénkova, Т. Н. Инновации в изучении лингвокреативности кинодискурса / Т. Н. Федулénkova // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 129-132. – DOI 10.37482/2687-1505-V428.

Book review

Innovations in the Study of Linguistic Creativity of Film Discourse

Review of the book: Dem'yankov V.Z., Zakharkiv E.V., Kiose M.I., Kulidzhanyan S.S., Sokolova O.V., Stepanova A.A., Feshchenko V.V., Shmeleva E.S., Zykova I.V. *Linguistic Creativity in Different Types of Discourses: Limits and Possibilities*. Moscow, 2021. 564 p. (in Russ.). ISBN 978-5-93439-625-2

© Федулénkova Т.Н., 2025

Tatiana N. Fedulenkova

Vladimir State University, Vladimir, Russia,

e-mail: fedulenkova@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

Abstract. The review gives a high assessment of the monograph, whose authors present a number of original ideas and share their experience in researching linguistic creativity in film discourse. In order to conduct such a study, the famous linguist I.V. Zyкова developed an innovative method of discursive-parametric analysis, which involved creating new concepts and terms. The results of the study demonstrate that creative modelling of the verbal system of film discourse is a multi-stage process whose prospects in linguistic studies are beyond doubt.

Keywords: *linguistic creativity, creative modelling, film discourse, discursive-parametric analysis*

For citation: Fedulenkova T.N. Innovations in the Study of Linguistic Creativity of Film Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 129–132. DOI: 10.37482/2687-1505-V428

Рецензируемая монография – это солидное академическое издание, выполненное в соответствии с тщательно разработанным исследовательским проспектом, методологией и процедурами, предложенными для осуществления лингвокреативного анализа.

Лингвист, которому посчастливилось получить в подарок книгу, выпущенную под редакцией И.В. Зыковой около трех лет назад, не будет в силах отложить ее, не прочитав до последней страницы. Основанная на результатах фундаментальных исследований команды ученых, книга полна новых, свежих и будоражающих творческую мысль идей от «креативности сочетаний от возможного до невероятного» в испанском дискурсе (с. 93) до «межуровневой гибридизации лингвокреатива» (с. 538).

Более всего нас заинтересовала та часть монографии, где обсуждаются проблемы изучения лингвистической креативности кинодискурса, в частности исследование И.В. Зыковой.

О новаторстве работы И.В. Зыковой можно судить уже по оценке кинематографического искусства как особого художественного средства. Критерии ценности состоят, по утверждению автора, в следующем: а) выстраивании/образовании концептуального континуума фильмов; б) обогащении их семиотического и мо-

дального потенциала; в) репрезентации их эстетической реальности, т. е. их признании и высокой оценке многими теоретиками кино и выдающимися режиссерами.

Новизна работы И.В. Зыковой заключается и в том, что на основе анализа различных подходов к пониманию кинодискурса автор: а) дифференцирует его типологические характеристики; б) выявляет ряд аспектов его комплексной природы; в) эксплицирует его концептуальную многомерность; г) аргументирует его семиотическую гетерогенность. Все эти параметры дают возможность выделить целый спектр направлений в исследовании лингвокреативности кинодискурса.

Также автор приводит полезные рекомендации о креативном использовании языковых средств при задействовании ряда специальных технологий, описание которых присутствует во второй главе (с. 103).

Осознавая необходимость учитывать жанрово-типологическое разнообразие кино в изучении лингвокреативности кинодискурса, И.В. Зыкова фокусирует свое внимание не просто на игровом кино, а на комедийном его жанре, выдвигая ряд факторов в объяснение своего выбора, важнейшим среди которых оказывается ориентированность на неконвенциональное использование языка (с. 105).

Разрабатывая методологию исследования, И.В. Зыкова предлагает основные критерии отбора кинопроизведений – от принадлежности к разным хронологическим периодам до различий в тематико-сюжетной направленности (с. 106).

Для проведения исследования вводятся и детально аргументируются ключевые понятия, которые незамедлительно становятся достоянием метаязыка лингвистики: *дискурсивная, или дискурсивно обусловленная, лингвокреативность, поэтика кинодискурса, поэзис киновосприятия, интердискурсивность (с позиции языкового творчества)*.

Подчеркнем, что благодаря авторской трактовке интердискурсивности И.В. Зыковой удается достичь две важные для развития лингвистической науки цели: сформировать представление об одном из основополагающих операциональных понятий исследования *интердискурсивной параметризации* – лингвокреативности, а также охарактеризовать его специфику по сравнению с другими уровнями лингвокреативной параметризации (кино)дискурса, т. е. по сравнению с *макродискурсивным* и *микродискурсивным* уровнями.

Одним из важнейших достижений исследования можно считать разработку понятия лудической новации, которая определяется как «особый тип прагматически обусловленной лингвокреативной новации, возникающей в процессе синхронной реализации в дискурсе кинофильма одного или более микродискурсивных параметров лингвокреативности» (с. 111).

Любопытным аспектом авторской методологии является, на наш взгляд, предложенный И.В. Зыковой пошаговый алгоритм параметрического анализа основного корпуса текстов, выступающих объектом анализа, разработка которого приводит автора к инновационной экспликации специфики лингвокреативности в избранном для изучения типе дискурса, причем аргументация предлагаемой специфики устанавливается по отношению к трем уровням исследования.

Пристальное внимание известный лингвист уделяет специфике аннотирования макродискурсивных параметров лингвистической креативности, обобщенных и объединенных в таблицу, с указанием не только названия, тематики, сюжета фильма, основных киноперсонажей, типа и подтипа дискурса и других, так называемых паспортных данных, но и периодизации (времени создания и года выхода произведения).

Что касается микродискурсивных параметров лингвокреативности, то изучение специфики их активизации приводит автора к экспликации их разной художественно-эстетической и прагматической направленности. В соответствии с полученными данными активизация микропараметров может быть ориентирована на два направления – *художественно-дискурсивную стилизацию* и *эстетико-прагматическую актуализацию*.

Активный творческий поиск позволяет И.В. Зыковой выявить основные *типы лингвокреативных новаций* в кинокомедиях, среди которых особое место отведено лудическим лингвокреатемам (с. 147–153).

В работе также представлена авторская типология интердискурсивных вставок по различным параметрам (объем, характер воспроизведения, внутренняя организация с позиции диегезиса (с. 166), мера опознаваемости) и дается характеристика их лингвокреативного потенциала.

Новое видение проблем лингвокультурологического анализа, оригинальность в постановке проблемных вопросов в области лингвокреативности, тщательность разработки инновационной методологии, моделей и параметризации анализа особого вида дискурса – все это несомненные достоинства данной монографии.

Итак, рецензируемая монография представляет собой фундаментальный труд в области отечественной лингвистики, посвященный исследованию проблем лингвистической креативности и вносящий большой вклад в

теорию отечественной лингвистики и лингвокультурологии. Книга может быть рекомендована филологам, лингвистам, специалистам по

культурологии и фразеологии, а также всем, кто интересуется проблемами лингвистической креативности.

Информация об авторе

Т.Н. Федуленкова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87).

Information about the author

Tatiana N. Fedulenkova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University (address: ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russia).

Поступила в редакцию 16.02.2025

Одобрена после рецензирования 24.02.2025

Принята к публикации 26.02.2025

Submitted 16 February 2025

Approved after reviewing 24 February 2025

Accepted for publication 26 February 2025

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Алтабаева Е.В., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета;

Бородин М.П., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева;

Братчикова Н.С., доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой финно-угорской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры лингвистики и профессиональной ориентации в области политических наук Московского государственного лингвистического университета;

Голомидова М.В., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

Данилевская Н.В., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета;

Дегальцева Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Бийского технологического института (филиала) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова;

Долгов Б.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (Москва);

Емелин В.А., доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией психологии труда, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Загидуллина М.В., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета;

Зарубина Л.А., кандидат философских наук, независимый исследователь (г. Архангельск);

Зырянова И.П., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) Российского государственного профессионально-педагогического университета;

Казакова М.В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета;

Камчатнов А.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Московского педагогического государственного университета;

Красухин К.Г., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела теоретической лингвистики Института языкознания РАН (Москва);

Милетова Е.В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (Ставропольский край);

Мозжилин С.И., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского;

Орнацкая Т.А., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного филиала Университета правосудия им. В.М. Лебедева (г. Хабаровск);

Петров П.В., доктор исторических наук, заведующий отделом музейных исследований Государственного музея-заповедника «Петергоф» (Санкт-Петербург);

Привалова И.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Междисциплинарные исследования текста» Казанского (Приволжского) федерального университета;

Руколеев А.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры «Теплогазоснабжение и вентиляция, процессы и аппараты химической технологии» Бийского технологического института (филиала) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова;

Синиченко В.В., доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международной деятельности Байкальского государственного университета (г. Иркутск);

Третьяков А.В., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Курского государственного университета;

Тяпкин М.О., доктор исторических наук, доцент, проректор по образовательной деятельности Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул);

Филипенко С.А., кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философских проблем творчества Института философии РАН (Москва);

Шугуров М.В., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии;

Шульга М.В., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Шумилин А.И., доктор политических наук, руководитель Центра «Европа-Ближний Восток», главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва);

Юсупова Т.И., доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области истории и археологии, языкознания, философии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия и инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм; верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются посередине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: научных – 10–15 страниц, обзорных – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторе также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Аннотация	Предоставляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть: – информативной (не содержать общих фраз); – оригинальной; – содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированной (следовать логике описания результатов в статье); – компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов). Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию объемом 50–100 слов.
Ключевые слова	После аннотации указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также справочную и анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»). – Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i> в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59]; в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: Библиография. М.: Сов. Россия, 1961. 419 с. – Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i> в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.; в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков. Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабдить порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.